

ДЕЛОВОЙ ПОРТРЕТ
СОВРЕМЕННИКА.

НА ОТДЫХ
С ДОМОЧАДЦАМИ.

Что может
стадион.

№ 21 (1379) НОЯБРЬ 1984

смена

ISSN 0131—6650

Владислав ЯНЕЛИС.
Фото Сергея ВЕТРОВА.
Специальные
корреспонденты «Смены»

ВЕРСТЫ БУЯНОВА

ВПриполярный Буянов так и не улетел. Ему было жаль потерянных суток, особенно дорогих для него, бригадира, в конце каждого месяца, когда приходила пора подбивать итоги, планировать фронт работы на будущие недели, увязывать его со строителями. В Приполярном закладывалась новая газокомпрессорная станция повышенной мощности с самой современной технологической оснасткой. Буянову предстояло прикинуть на местности, где развернуть площадку для монтажа, мастерских, где отвести место для газорезки, где под складирование оборудования. Пускать это дело на самотек нельзя: когда начнется монтаж, плохо спланированная площадка — все равно что негодные боевые позиции в сражении.

Буянов прикрыл дверь аэровокзала и, закинув рюкзак за спину, пошел к поселку. Шел и думал, что вот ведь правильно говорят, нет в нем напора, внешней значительности, не умеет он себя преподнести и из-за этого часто прогадывает в жизни. Но не умел, хоть тресни, Буянов давить, как иные, брать за горло, козырять званиями. Вот и сегодня, скажи Михаил Иванович вертолетчикам, что он лицо значительное, намекни на свое геройство, на то, на се... И ведь улетел бы в Приполярный. Записали бы авиаторы этот полет как тренировочный — и все дела. Ну, а дальше? Потом бы «виноватил» себя. Нет, уж лучше как все. За этими мыслями он не заметил, как добрался до поселка.

Балок, который занимала бригада монтажников, длинный, низкий, синими стенами фасада выходил на одну из пока еще безымянных улиц поселка Комсомольского. Через дорогу черной стеной напирал лес, настоящий сибирский кедрач, который уберегли строители от истребления.

...Посередине комнаты стоял с веником в руках Владимир Язовских, сосед Буянова по комнате, шофер бригадного «Урала», с которым девять лет они были неразлучны во всех командировках. Буянов снял туалет. Язовских молча отложил веник, достал еду, принял нарезать длинными ломтями пахучий хлеб. А вскоре уже на самодельном столе клубилась, журчала, фыркала сковорода с жареным картофелем.

Они доскребывали со сковороды последние, прижарившиеся к донышку ломтики, запивали картошку клюквенной водой, кислой и терпкой, и вели привычный разговор о стройке и о работе, всегда почему-то скучный для женщин. Во время пауз Буянов прислушался и удивился, не уловив привычного топота в коридоре. Подумал, что, наверное, ребята пошли в клуб, оттого и тихо.

Шестьдесят человек в его бригаде. Полторы. В основном молодежь. В работе давал Буянов возможность выплыснуть людям энергию, безделья не любил. «Сделал свое — помоги соседу, вся работа в общий счет пишется». Но, как ни выматываются парни на объекте, молодость свое берет: вечером иным охота развлечься. Всякое бывало. Случалось, возвращались с танцами с синяками. Буянов не ругал, хотя драку ненавидел, усаживал рядом, давал остынуть, говорил: «За себя стойте смело, шпане не кланяйтесь, но помните, вы рабочий класс, удачу показывать не кулаками пристало — работой».

Сейчас они это в бригаде изжили. Но

душа у него все равно не на месте, если кого-то долго нет в общежитии. Ведь он, считай, за каждого из шестидесяти отвечает — перед их семьями, родителями, невестами. С него, Буянова, они в первую голову взывают, случись что. И будут правы: он на работе бригадир, но и после нее старший, наставник. На нем все: чтобы бригада была сыта, спала на чистом белье, чтобы вовремя ложилась отдыхать, чистила зубы, стриглась, мылась. Но ведь не тяготили его эти заботы, привык.

Володя Язовских отвлек его от раздумий:

нее — это точнее. Любой просчет в планировании работы выливается потом в потерянные часы, дни, недели. Здесь, на Севере, это ощущается еще острее.

...Проснулся бригадир утром разом, как от толчка. Язовских уже не было, возился, наверное, со своей «коломбиной». Буянов встал, распахнул шире форточку, в лицо ударило морозной свежестью. Натянул безрукавку, вышел в коридор: «Подъем, бригада!» И сказал вроде негромко, а отзывалось в коридоре гулко, сильно. Первым высунул Женя Митрешкин, бригадный комсорг, отличный сварщик, потолочник. За ним

напарник и приятель его Виктор Иванов. Оба затопали к выходу, голые по пояс, растираясь снегом. Буянов проводил взглядом вихрастую шевелюру Митрешкина, улыбнулся. Дельный у него комсорг, таких бы, как он, поболее в бригаде. А ведь не сразу заладилось у бригадира с Евгением. Парень оказался с норовом. Чуть что не по нему было — закипал, будоражил других. Но Буянов сумел разглядеть в Евгении за показной бравадой рабочую прочность. Первым пошел на разговор: «Давай-ка, брат, в одну сторону тянуть, помогай, коль за дело истинно болеешь». Мит-

МОНТИРУЕТСЯ
КОМПРЕССОРНАЯ.

— ...А наши все в баню пошли. Завтра день большой, боялись, не попадут. Сегодня нам котлован под «гитару» закончили. С утра можно трубы в него заводить, а «трубачи» один...

Ну да, сразу вспомнил Буянов. Ведь он сам просил строителей поднажать с котлованом, чтобы можно было до конца месяца смонтировать, сварить «гитару» — основную магистральную разводку для нагнетателей будущей компрессорной станции. И вот сделали, молодцы!

Сваренные, готовые к прокладке струны «гитары» семисотмиллиметрового сечения уже четвертый день ждали окончания работ в котловане. Они мешали маневру техники на площадке, кололи глаза всей бригаде и приезжавшему начальству. Два дня назад был на объекте Юрищев, заместитель генерального директора Тюменьтрансгаза. Походил по стройке, увидел «струны». И к Буянову: «Почему не заводите в котлован?» Бригадир объяснил, что не может — не готовы траншеи. Юрищев нахмурился: что значит не готовы, почему он, Буянов, не бьет тревогу, допускает ломку графика?

— Вы не просто бригадир, — выговаривал Юрищев, — член обкома партии, делегат партийного съезда, Герой Социалистического Труда. Вы можете требовать... На вас равняются... Жестче надо быть, Михаил Иванович, жестче...

На это Буянов заметил не без резона, что он на стройке бригадир монтажников, кроме него, здесь начальства хватает и все в курсе дела. Надо, чтобы каждый отвечал за свое, тогда и порядок будет.

«Жестче», — прокручивал позже в уме Буянов тот разговор. Требователь-

СКОЛЬКО ЛЮДЕЙ
В БРИГАДЕ,
СТОЛЬКО
И ХАРАКТЕРОВ.

решкин посмотрел в глаза бригадиру, понял — тот к нему по-доброму, кивнул: «Есть такое дело, Михаил Иванович. Будем вместе».

А что не ошибся в парне, понял Буянов при испытании первой очереди Комсомольской КС. Все шло ничего, и вдруг потек фланец на газогенераторе. Монтировали этот узел не его бригада. Мог бы Буянов отказаться, не лезть переделывать за других, но какие уж там счеты, если субподрядчиков нет и неизвестно, когда они будут, а КС сдавать надо. Словом, согласился Буянов перемонтировать узел. Рядом с ним тогда оказался один Митрешкин. Его уговаривать не пришлось, понял парень — надо выручать стройку. Так они вдвоем за шестнадцать часов беспрерывной работы устранили течь.

В машине тесно. Рассчитан пассажирский «Урал» на 25, от силы на 30 человек, а берет зараз всю бригаду. Благо от общежития до объекта ходу-то всего пятнадцать минут. Свое место в салоне только у Рашима Вильданова, из уважения к его возрасту и непревзойденному мастерству. Лет пять назад пришел Вильданов на стройку, попросился в бригаду, отдав до того почти всю жизнь горячему цеху. Посмотрел на

него Буянов: плечи опавшие, лицо усталое, серое, кашляет человек беспрерывно — ну, какой из него работник!

Вильданов угадал тогда бригадирские мысли, отвел глаза в сторону:

— Все понимаю, жилец я. Но хочу напоследок воздухом подышать да и потрудиться на благо человеческое, не по мне в пенсионерах загибаться.

Не мог Буянов отказать в такой просьбе человеку. Подумалось: «А вдруг отойдет мужик, ведь здоровее строительной работы нет на свете, день-деньской на чистом воздухе. Он, воздух этот, то сосновый шибает, то травами пахучими, то морозом ядремый». Да и в электросварке Вильданов был профессором.

И действительно, ожил человек. Через год-полтора работал наравне с молодыми, веселее стал на жизнь смотреть, улыбаясь чаще. А сейчас о болячках своих и вовсе забыл. Тут как-то жена Вильданова приезжала. Разыскала бригадира, заплакала:

— Спасибо вам, Михаил Иванович, что мужа моего подняли. Разрешите в ножки поклониться...

«Чудные, ей-богу, при чем здесь он, Буянов?»

На площадку приехали, когда уже

рассвело. Буянов собрал в прорабской звеньевый — Николая Банишевского, Степана Новоселова, Кениза Булатова. Положил перед ними схему монтажа разводки КС, ткнул пальцем в «гитару».

— Это у нас с сегодняшним главное.

Помолчали. Новоселов блеснул глазами, дипломатично кашлянул, произнес:

— Мне что же, бригадир, центровку электродвигателей отложить пока?

Как никому другому доверял Буянов Новоселову точную работу. Степан умел выставить и отцентровать любой агрегат быстрее и чище многих. Отрывать его по пустякам от монтажа охладителей газа Буянов не стал бы. Но с «гитарой» приходится управляться всеми наличными силами.

— Занимайся, Степан, своим делом, пока не просигналю. — Буянов сделал паузу, повернулся к Банишевскому. — Ты, Коля, тоже. Успеешь, помоги дефектоскопистам, они к третьему блоку подлезть не могут, растищите уголки. Банишевский кивнул, смахнул со стола рукавицы, вышел.

Оставался Булатов. Самый молодой звеньевой самого молодого звена. Буянов колебался. Работа, которую хотел он поручить звену Булатова, требовала

немалого умения. Дай он ее Банишевскому — хлопот бы не было, тот и сам опытный монтажник, и в звене у него асы. Но нельзя держать и ребят Булатова только на стыках, надо им учиться всякой монтажной работе. Хотя для дела, может быть, и выгоднее специализация, когда каждый набивает руку на каких-то одних операциях. Для дела сегодняшнего. А для завтрашнего?

— Кениз, вы вчера стыки свои закончили. Начинайте подводку масла в станцию и обвязку турбин. Знаю, что не делал этого раньше. Теперь вот будешь.

Кениз удивленно захлопал длинными ресницами, подвинулся к схеме поближе. Пробормотал:

— Михаил Иванович, там труба — солома, тонкая. А вдруг напортачим?

— Напортачите — выдеру. А если серьезно, то считаю, что справитесь. Да и мы рядом, поможем. В общем, бери чертежи и вперед.

Котлован огромным провалом чернел на фоне снега. Буянов прошелся вдоль него раз. Потом еще. Спустился вниз, где торчали из грунта отростки труб внутренней разводки. Мысленно пересчитал их. Потом прошел по склону, откуда предстояло заводить «гитару».

«ДОБРОТА
ДОЛЖНА БЫТЬ
ТРЕБОВАТЕЛЬНОЙ»,
СЧИТАЕТ БУЯНОВ.

Ему показалось, что склон слишком отлог, было бы хорошо прибавить несколько метров для маневра. Но где их взять, эти метры? Стройка теснила заездный котлован со всех сторон.

Буянов прикинул, что в нынешней ситуации ему нужно еще три трубуладчика и один кран. Чтобы поднять и уложить сваренную, намертво скованную разводку разом, без перехватов. Но техника вся в деле, за каждый час простого того же «трубача» спрашивают со всей строгостью. Иначе нельзя, трасца торопит.

У монтажников была договоренность со строителями насчет техники, те обещали помочь. Но ведь у них и самих запаска, сдержан ли слово? Буянов похлопал по карманам, иска рукавицы — мороз с утра был особенно жгуч, — не нашел, но возвращаться в прорабскую за рукавицами не захотел, подышал на закоченевшие пальцы и пошел к конторе строительного управления напрямик, через штабеля бетонных свай, заготовленных под фундамент КС.

Посреди дороги возле «уазика» о чем-то разговаривали трое. Двух Буянов знал — начальство районного энергоучастка. Третий — в кожаном полуапальто с меховым воротником — стоял спиной.

Экономия времени, Буянов коротко кивнул знакомым и заспешил дальше. И вдруг услышал:

— Миша, ты? Стой же!

Он обернулся. Тот самый, в коже, надвигался на него, улыбаясь. Буянов смотрел в широкое, с сильным выпук-

ным подбородком лицо, и не верилось, что это Валерка Романов, давний друг, с которым последний раз виделся больше десяти лет назад. Они остановились друг против друга. Валерий хохотнул, обляпил Буянова за плечи сильно, по-мужски.

— Ну, где ты? Рассказывай.

— Да бригадирю здесь потихоньку, вот КС монтирую. Ну, а ты что, как в наши края?

Романов отступил, оглянулся на ждавших его у машины людей.

— По делам в поселок. Я ведь главным инженером в Уралэнергомонтаже, слышал про нас?

— Ну как же, конечно.

Романов помялся:

— Может, вечером, Миша, а? Посидим, повспоминаем... А то сейчас, сам понимаешь...

— Добро.

В приемной начальника строй управления Буянову сказали, что идет совещание и кончается оно не раньше чем через двадцать минут. Возвращаться к себе на участок бригадиру смысла не было, он решил ждать. Секретарша узнала его, предложила чаю. Буянов отказался. Он попросил разрешения позвонить из приемной в Тюмень, в Сибкомплектмонтаж. Надо было спрашивать насчет поставки оборудования. Секретарша кивнула: «Конечно». Дожидалась вызова, сел в углу, задумалась.

Неожиданная встреча с Романовым потянула за собой воспоминания, вернула его в те, прежние годы, когда они оба только начинали свою взрослую жизнь. Отчим Михаила работал монтажником по энергосистемам. Подолгу на одном месте не задерживался. А с ним и семья. Новые люди, города, стройки, реки, леса. Так и колесил Михаил по Уралу. А как паспорт получил, попросился в бригаду к отчиму учеником слесаря-монтажника. По своей воле пошел на стройку. А ведь мог на завод или в леспромхоз, да мало ли куда. Но делало в том, что в стройку он уже к тому времени врос душевно, еще не отдавая себе в этом отчета. Валерий Романов начал тогда в соседней бригаде.

Через три года призвали Михаила на действительную. Попал на границу. Но и там бригада его не забыла — то денежный перевод придет с запоздалыми премиальными, то просто письмо, а в конце каждого приписка: «Служи, Мишка, да возвращайся, дел много». После армии вернулся Буянов в бригаду. На работу стал смотреть серьезнее, понял: монтажник — профессия широчайшего диапазона, знать и уметь нужно многое. Увлекся сваркой. Заметив в Буянове талант к этому делу, послали его учиться на специальные курсы. После окончания назначили звеньевым.

Было это в 1962-м. Он это помнит хорошо. В тот же год у Михаила родился сын. Жена упросила: побудем в Тюмень, пока малый не подрастет. Но и в городе Буянов от монтажной работы не отступил. Пошел на строительство ТЭЦ. Четыре года только и знал, что котел да турбину, турбину да котел. Но уж зато изучил монтаж энергоблоков основательно, любую схему по ним читал, как азбуку. Когда пустили ТЭЦ, Буянову предложили остаться на эксплуатационном участке, сулили бригадирство, квартиру. Но он, едва подписали акт о приеме ТЭЦ, уехал на дальнюю стройку.

В ту пору уже вовсю были нефтяные фонтаны тюменского края. Трасса и промыслы испытывали острый дефицит в монтажниках опытных, закаленных. Здесь каждый был на виду, от каждого зависело что-то вполне определенное и значимое. Вкладывая в нефтеносынные районы немалые ресурсы, страна ждала от них путь не немедленной, но ощущимой отдачи. Словом, строить надо было быстро и высококачественно. Так воспринял Буянов, тогда совсем еще молодой звеньевой монтажников, общегосударственную задачу в плане личном.

Начал Буянов с Куминской нефтеперекачивающей станции и пошел все дальше и дальше на север. Уговорили

его принять бригаду. Пончалу отказался.

— Брось, Миша, монтаж знаешь, варишь как бог, тебе и карты в руки, — наслал тогда на него начальник участка. — Где я еще такого бригадира возьму?

— Так ведь мне с людьми работать. А опыта никакого нет, — упирался Буянов, — да и старше меня в бригаде половина.

— Эта важность — «старше». Главное, марку свою держи бригадирскую, а опыт — дело наживное. Мы поможем.

Легко сказать «держи марку». В бригаде народ подобрался разный. Были и попросту рвачи. Им на качество работы чихать, главное — заработка. Кое-как склеяют узел, застыкают, прихватят, и давай, бригадир, другую работу. Буянов это поломал сразу: «Больной зуб надо вырывать с корнем». Собрал бригаду, сказал: «Халтуру принимать не буду, все переделки бесплатно и после смены». Он не на испуг брал — как сказал, так и сделал. Закрыл наряды четвертым отдельно — по минимуму. Те к нему как-то вечером в бытовку зашли, крепко выпивши уже:

— Обижашь, бригадир, приключений ищешь на свою голову. Так мы поможем.

Буянов не из пугливых.

— Будете работать честно — пойдем. Нет — скатертью дорога.

Один из тех вышиб из-под Буянова стул, замахнулся...

Горький осадок остался в душе у бригадира от того случая. Но никогда он не жалел, что не испугался угроз, не пошел на поводу у шкурников. На следующий день они собрали вещички и уехали. Обстановка в бригаде оздоровилась. Вокруг Михаила Ивановича сплачивалась молодежь — Николай Банишевский, Виктор Беспалов, Семен Нестеров. Серьезные, толковые ребята. На них можно было опереться во всем.

Дела в бригаде Буянова пошли неплохо сразу. Отличала ее работа особая чистота, аккуратность, высоко ценимые на стройке. Бригадир держался своей линии, не гнался за объемами, коллектив давал стабильные 140—150 процентов, в то время как другие бригады доводили выработку до 170. Но зато по качеству бригада Буянова была первой. Каждый стык был сварен на совесть, каждый болт завернут до упора, каждый двигатель отцентрован безукоризненно. Может быть, именно эта тщательность в работе,озведенная Буяновым в ранг внутреннего закона бригады, и решила дальнейшую ее судьбу и судьбу самого бригадира.

Первый разговор с Юрием Петровичем Баталиным, в ту пору главным инженером тюменского главка, состоялся, когда заканчивали Куминскую станцию. Сейчас уже Буянову не вспомнишь, каких именно деталей не хватало монтажникам, опережавшим график. Не в том суть. Он обегал стройку и нашел такие, во времена потеряла бригада немало. Встретив тогда на стройплощадке Ю. П. Баталина, он рассказал ему о своих мытарствах.

— Понимаю, бригадир. Не дело монтажников бегать, искать детали. Но взгляни, Михаил, на проблему шире. Сколько у тебя поставщиков? Сотни! Нарушил один-другой завод срок поставки — ты в простое.

На сто процентов прав был главный инженер. Сборка агрегатов или узлов станции отнимала у монтажников на стройке втрое больше времени, чем понадобилось бы пятерым сборщикам на ту же работу в заводских условиях. Помедлив с ответом, Буянов все-таки высказал свою мысль:

— Так-то так. А выход? Комплектовать основные узлы на заводе?

— Бери шире, бригадир. Блок-боксы. Полностью смонтированная станция в нескольких десятках блоков. Не надо везти кирпич, цемент, панели. Все в металлических каркасах. Каждый блок — это один из узлов: распределительные устройства, электрооборудование, водоснабжение... Монтажники при-

нимают блок-боксы, устанавливают их, запитывают, связывают между собой... Попробуем, а, бригадир?

Буянов кивнул:

— Можно.

С того разговора все и началось. Придут еще месяцы да, пожалуй, и годы, прежде чем метод блочного монтажа станет реальностью, нормой. Ведь для этого требовалась перестройка всей системы трассового строительства, укрепление технической базы заводов целой отрасли и еще многое другое. Но Буянов уже не мог с того дня не думать об этом. Мысль, подсказанная Баталиным, все крепче входила в его сознание, заставляя смотреть на свое дело через призму нового метода. Буянов прикидывал, какие узлы и агрегаты станции можно объединить в блоках, в каком порядке их следует расположить на площадке, как и откуда подключить к магистрали.

Тем временем Баталин доказывал преимущества блочного метода монтажа в министерстве, в обкоме партии, представителям заводов-изготовителей, с каждым днем завоевывая себе сторонников. Чтобы с чего-то начать, при главке был организован сборочный участок, комплектовавший из отдельных щитов каркаса и деталей технологического оборудования подобие, пока лишь подобие блок-боксов. Но это уже было что-то! Буянов метался от участка к стройплощадке и обратно, увязывал, согласовывал, корректировал.

Тут возникла еще одна непредвиденная проблема — транспортировка блок-боксов на объект. Обычные краны не могли их снять с платформ, не выдерживали лебедки, гнулись стрелы. Монтажники сооружали накаты из бревен, спаривали два крана или два трубоукладчика, чтобы перегрузить блок-боксы на специальные сани. Все было ново, рискованно. Но кто-то же должен был начинать! Опыт первой же смонтированной из блок-боксов нефтеперекачивающей станции показал преимущества нового метода. Монтаж ее был закончен второе быстрее, чем предусматривалось нормами.

Постепенно метод входил в силу. Как о проводнике метода все чаще упоминалось в печати о бригаде Буянова. К нему стали приезжать за опытом. Навестил его тогда и Валерий Романов, молодой в то время.

Буянов ему все растолковал, показал. Романов в метод поверил, вернувшись к себе на участок, стал активным его пропагандистом.

Сколько Буянов смонтировал нефтеперекачивающих, насосных, дожимных станций — не пересчитать. Последние годы на той же насосной бригада тратила месяц, в двенадцать раз меньше, чем в пору начинания. И все благодаря новому методу. За внедрение его на практике Буянова и лучших монтажников бригады награждали. В торжественные дни наставлял Буянов на пиджак два ордена и медаль, не считая Знака лауреата Государственной премии СССР. Но не думал он, не гадал, что высшая награда у него впереди.

Бригаду перевели на монтаж газокомпрессорных станций. Начали с Ярковской КС, что между Тюменью и Тобольском. Переучиваться Буянову не пришлось, суть КС та же, что и нефтеперекачивающих, только объемы побольше да технология посложнее. На Ярковской дело имели с английским оборудованием, ну и, естественно, с мастерами, представлявшими фирму. Морозы тогда были не чета нынешним — сорок и больше. Дни можно было актировать, но бригада спешила закончить установку аппаратов воздушного охлаждения газа, выйти на «гитару» и смонтировать всю технологическую часть до оттепели. Англичане держались другого мнения: «В такой страшный холод не работаем. Это оговорено в контракте».

Десятитонный АВО бригада монтировала самостоятельно. Установили на диффузоры тюльпаны в тюльпаны. И англичане, проверив потом работу, ни к

чему придраться не смогли. Только щупали ватник Буянова и недоуменно пожимали плечами: «Эти русские ребята, наверное, чтобы не замерзать, разводят огонь внутри себя».

Ярковскую сдали раньше срока. Перебрались на Богандинскую КС. Там тоже была английская оснастка. Но помочь представителям фирмы Буянову теперь не требовалась, он уже свободно разбирался в импортном оборудовании и схемах. С Богандинской, оставив бригаду на Банишевского, уехал Буянов на XXVI съезд партии делегатом. На третий день работы съезда впервые между заседаниями он встретился с Борисом Евдокимовичем Щербиным, в ту пору министром отрасли. Они знали друг друга еще по Сибири.

— Первый тебя поздравляю, Миша. Сегодня утром подписан Указ о присвоении тебе звания Героя Социалистического Труда. Спасибо тебе за добрую работу.

Буянова обступили свои же, строители, забарабанили по спине. А он стоял тогда, стыдно вспомнить, ошарашенный, глупо улыбался и бормотал: «Так ведь что я? Работал, как все. Как все... Честное слово». Бригада отметила наряду бригадира по-своему, по-рабочему. Когда Буянов вернулся со съезда, Банишевский доложил ему торжественно, что месячный план выполнен на 210 процентов, что при проверке не забракован ни один шов из трехсот...

...Не успел Буянов переговорить с Тюменью, как совещание в кабинете начальника кончилось. Оттуда вывалил народ. Буянов отыскал начальника СУ, еще совсем молодого инженера. Тот царил глазами по Буянову.

— За техникой, Михаил Иванович? Дам. На полтора часа. Больше не могу.

— Нам хватит. Спасибо. Скажите диспетчеру.

...Стометровой длины трубу застroppили к двум «трубачам». На лебедку поставили два трактора. Буянов полез в траншею, бригада рассыпалась вдоль трубы для страховки. Тут уж не считают, кто ты есть, сварщик ли, слесарь, монтажник, дефектоскопист. Коллектив заводят все, потому что каждая пара рук может понадобиться в любую минуту. Пригнал Буянов к траншее и два малых крана, на всякий случай, вдруг не сядет сразу труба на место, так придется вывешивать ее, заводить сизьюна.

Нахлобучив на голову каску, Буянов выжал несколько секунд, проверил взглядом, все ли на месте, махнул рукой: «Давай». Застучали движки, скрипнула снег под гусеницами, с хрипом дрогнула труба и поползла к траншее, оставляя за собой глубокую борозду. А Буянов пятался от нее все дальше в котлован, раскинув руки, словно дирижер, призывающий оркестровые басы отдать всю свою мощь последним аккордам симфонии.

За час бригада управлялась со всеми четырьмя струнами «гитары». Буянов вспомнил, что не обедал, хотел было сходить в буфет, как на стройплощадке вдруг зарокотал динамик, требуя бригадира Буянова в диспетчерскую ПМК. Михаил Иванович сбросил куртку на руки Язовских, побежал через всю стройку к белому вагончику диспетчерской. Круглица, в лыжной шапочке девица кивнула на телефон.

— Вас с вертолетной спрашивают.

Еще не остывший от бега, Буянов схватил трубку.

— Слушаю.

— Давай, бригадир, дуй на вертолетку, — загремел в трубку голос командира экипажа. — Погоду дали. Или не надо тебе уже в Приполярный?

— Надо. Я сейчас. Быстро.

Уже возле аэропорта вспомнил Буянов, что условился с Романовым о встрече. Обидится Валерий, что улетел и не предупредил. Да и самому Буянову жалко, что так и не посидят они по-людски, без спешки, не вспомнят недалекую еще молодость, друзей-приятелей. Ну да ничего, простит ему Романов, сам ведь трассовик, понимает.

и ответе

1

Каждой строчкой своей
Голосую за мир!..
Те, кто дали молчанья обет,
Не забудьте:
Мы под прицелом ракет,
Под прицелом ракет—мы.

Очень много таких,
Кто еще молчит,
Кто мечтает в тиши отсидеться.
Не надейтесь,
Что вас пощадят палачи,
Не надейтесь!

Равнодушных нейтралов
потомки на суд
Призовут в грядущих столетьях...
Все, кто может,
сегодня за мир голосуй,
Мы сегодня за мир в ответе.
Вся Земля, замри хотя бы на миг.
Голос мой донеси людям, ветер!
Поддержите—
я голосую за мир,
Голосую за мир на планете!

2

Сегодня над миром грохочет гроза,
Но люди друг другу глядят в глаза,
Глядят и надеются.
Все в мире сейчас предвещает беду,
Но люди Маршем мира идут,
Идут и надеются.

Планета в тревоге:
Что впереди?..
Но голубь Мира над миром летит,
И люди надеются.

3

У человека должна быть надежда.
Все остальное не в счет.
Настоящее и будущее, а между—
Надежда. Иначе—все.

У человека должна быть надежда
Такая,
Чтоб рядом шла.
Иначе жизнь ему, как одежда,
Лопнувшая по швам.

Любая сволочь сердце надрежет,
Влезет в душу любой дурак...
У человека должна быть надежда
На лучшее. Только так!

4

Часто слышу,
как ругают время,
Говорят:—Раньше было тише,
проще, лучше...
Послушайте!

(Я оборву вас,
чтоб дальше не мучиться.)
Лично мне такие
не внушают доверия.

Не надо ругать время,
Плакать не надо,
что родились поздно,
Время по росту человека,
Время веку по росту.

Вы хотите задать вопрос:
— Есть ли такие,
которые не знают,
в какое живут время?
— Есть!
И живут уверенно
В своем мире,
не высывая носа,

Рисунок Виталия ФЕДОРОВА

Считая, что вмешиваться
в ход времени
бестактно.

Потому что им однажды
вдолбили в голову,
Что время—
Это нечто абстрактное.

5

Время не абстрактное понятие, нет.
И оно не потерпит
Суждений предвзятых.
...Время имеет цвет.
Время имеет запах.

Помните?
Ветер октябрьский веял,
И Страна Советов
Стала явью и новью!
Кровавое было время.
Время пахло кровью.

Но если я в чем-нибудь ошибусь
Про время,
Поправку мигом внесут.
Время имеет вкус—
Опробовано на зуб.

Когда над страной полыхнула гроза,
И черная гарь на губах затвердела,
Горечь пристала к зубам—
Горькое было время.

Пусть кто-то недоверчиво
хмурился, пусть.
Но видите:
Космические корабли на старте!
У времени есть пульс!
И (отличие от людей) нет старости.

Раньше меня кто-то совсем другой
Вынес на плечах своих
Тяжесть и усталость.
Ровесник мой дорогой!
Нам лучшее время досталось.

У нашего времени резче взлет—
Его не удержишь в ладонях.
Но время за горло возьмет,
Если его не понял.

Старайтесь попасть
Со временем в ритм,
По его призыву ногой в стремя!
...Восход над полями горит
В мое
золотое
время.

Предвижу замечания некоторых
«критиков»:

— Зачем же
в политику соваться поэту?—
...Что наболело, то
В строчки вытекло—
Судьба поэта—судьба планеты.
И я за это в ответе.

Мне не раз приходилось пробивать
преграды
Вроде таких, когда цедят сквозь зубы
(Если режешь в глаза правду):
— Что тебе, больше всех надо?—
Избитое и занудное.

7

Известна давно
поговорка такая
(Кто придумал,
какая балда?):
«Ничего не знаю—
моя хата с краю»,
Чтоб не брать ответственность
на себя.

От таких нытиков
держусь подальше.
У меня поговорка другая.
Знаю твердо,
как свои пять пальцев:
«Моя хата
не с краю!»

Я лекусь
о многом на свете.
Может быть,
не всегда умело..

Но я знаю,
что я в ответе.
За любое
земное дело.

Я в ответе
за каждое слово,
Чьим теплом
людей согреваю.

Потому что
такая основа:
«Моя хата
не с краю!»

Это трудно
(испытано! знаю!)—
На виду у всех
петь, и бедствовать,
И взвалить на себя
ответственность:

«Моя хата
не с краю!»

Поговорка
простая эта
Так прилипла—
спасенья нету.
Моя хата—
в центре планеты!
Двери настежь,
чтоб больше света!

8

Среди многих вопросов
есть вопрос:
Если войну не предотвратить,
Сможет ли поколение мое
встать в полный рост
и страну защитить?

9

Нас не учили сдаваться...
В детстве по кинолентам
Мы узнавали Ленина
И по слогам читали:
Равенство,
Счастье,
Братство.
Потом, повзрослев немного,
Надев пионерский галстук,
У обелисков строгих
В почетном застыл карауле,
сверяли сердца наших стук.
И—с комсомольским значком
(Как мы спешили
стать взрослыми!)—
Тянулись, тянулись плечом
К тем, самым первым,
Кто шел на штурм космоса.
Нас не учили сдаваться...

10

Из несостоявшегося интервью.
— Ваше желание—
самое большое?

— Хочу,
чтоб стих мой
Маршем мира шел...
Чтобы в ногу шагал
В колоннах людей,
Чтобы эхом откликнулся звонкий.
Был таким,
Чтоб не стыдно глядеть
Было в глаза потомкам.
Чтобы был терпелив,
Вымокал под дождем,
Спал под открытым небом.
Чтоб за спины не прятался,
А был вождем!
Чтобы требовал мира,
Как голодные—хлеба.

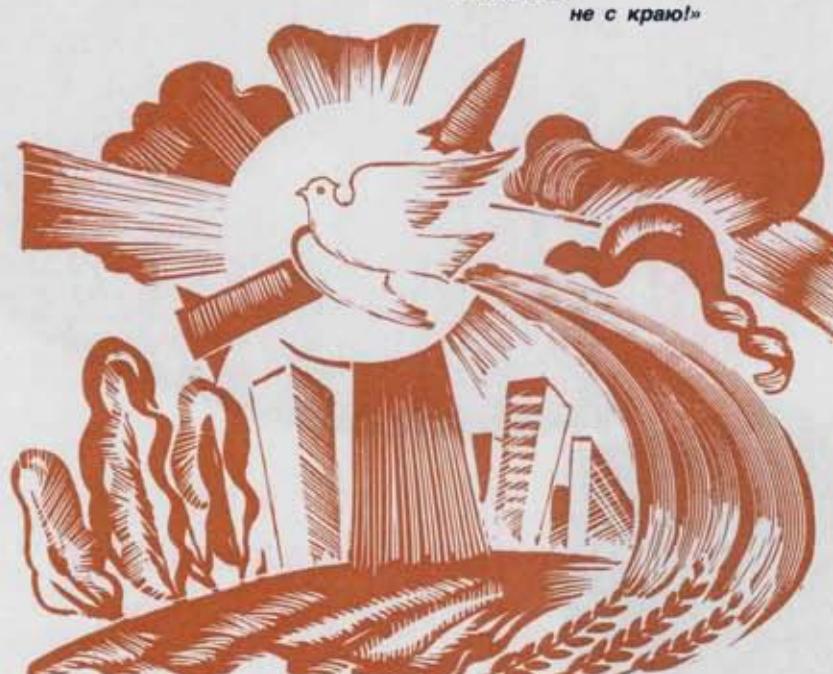
11

Мудрый художник! Я преклоняюсь
Перед творением твоим белокрылым.
Парит над планетой,
Все выше взвиваясь,
Твой голубь Мира,
Твой голубь Мира.

Солнце его согревает лучами...
Через запреты, через границы
Крыльями режет небо над нами
Смелая птица,
Гордая птица.

Всем воротилам заокеанским,
Всем проповедникам войн и смерти
Белая птица, врасплох заставшая,—
Камень на сердце,
Камень на сердце.

Спасибо, великий мастер! Провидец!
Верю, как в жизнь,
Как в солнце, как в лиру,
В птицу, бросающую в дрожь убийц.
В голубя Мира,
В голубя Мира!

ВЬЕТСЯ НИТЬ ПОСЛУШАТЬ...

Петр НОВИКОВ,
специальный
корреспондент
«Смены».
Фото автора

-С

ейчас придем домой, и обещаю лучший в мире борщ,— говорил по дороге с работы Анатолий Коптяев, бригадир сварщиков ставропольского завода «Красный металллист». Взглянул на часы.— Кастроила, наверное, уже на плите.

— Везет,— ответил я, тоже посмотрев на циферблат. — Полпятого всего, а супруга дома. Она что — выходная сегодня?

— Нет. Она у меня на работу не ходит.

ВЯЗАНИЕ —
НАУКА.

ОЦЕНКУ
ДАЕТ
ХУДСОВЕТ.

«РАБОТАЮ ДОМА» —

так говорят о себе
многие молодые матери,
чей труд организован
по месту жительства.

— Скучно,

должно быть,
все время дома сидеть,
ведь, как ни люби
свои домашние хлопоты,
надоест в конце концов

без работы, без коллектива.

— А мы нашли отличный выход из положения,— улыбнулся Анатолий,— зайдем ко мне, тогда увидишь.

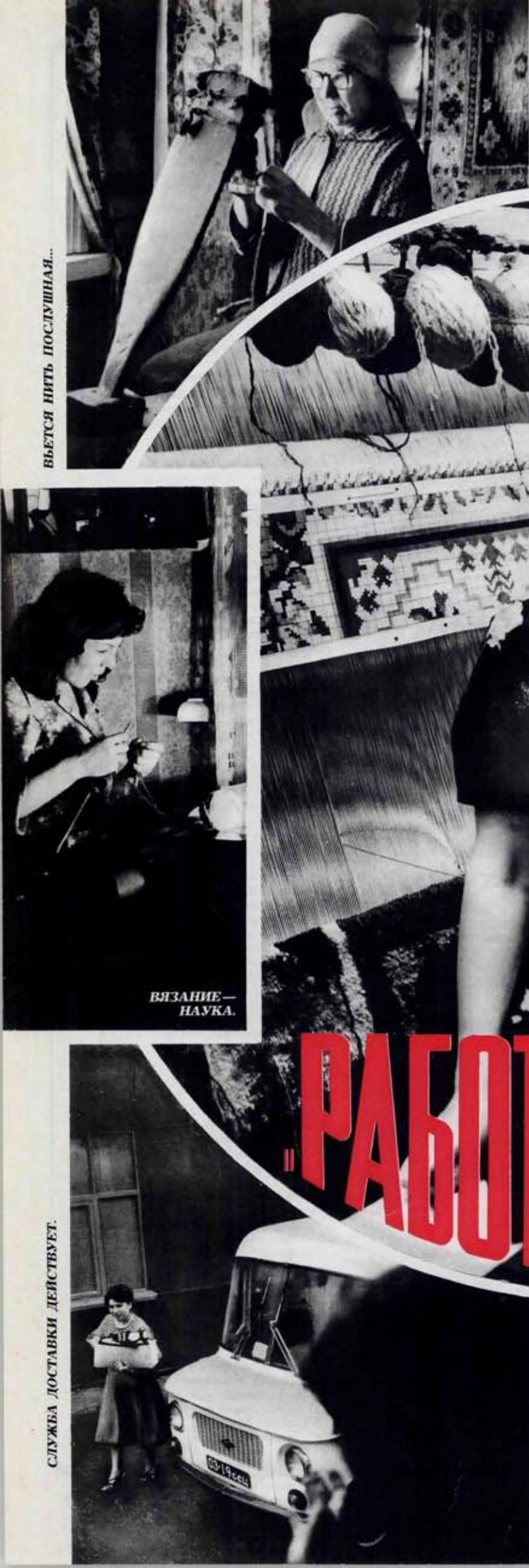
Из садика возле дома нам навстречу выбежала суматошная, живая девочка лет пяти.

— Аннушка, моя дочь,— представил ее Коптяев и посадил на плечи. Сделав «круг почета» возле клумбы, заглянул в одно из окон на первом этаже.

— Принимай гостей, хозяйка!

— Сейчас! — отклинулись из окна. — Вот только выключу станок.

Из окна вместе с прекрасным ароматом созревшего борща доносился странный в домашних обстоятельствах, но легко узнаваемый шум: в квартире Коп-

таявых явно действовала какая-то фабричная машина.

Вскоре шум ее затих, в окошко выглянула жена Коптяева Александра и, жестом подозвав к себе мужа, который все еще путешествовал по двору с дочкой на плечах, тихонько сказала ему:

— Пожалуй бы Андрея, он сегодня помогал налаживать технику.

Андрею пошел одиннадцатый год. В отсутствие отца он с удовольствием исполняет обязанности главного механика домашнего цеха Коптяевых.

— Раньше я работала вместе с мужем на заводе, — рассказывала хозяйка дома, — но, когда родилась Аннушка, трудно стало совмещать все это. И тогда мы с мужем решили, что я буду работать дома. Очень удобно: рабочий день нормирован, время для работы я выбираю сама, когда могу. Ведь труд надомников оценивают по результату. Да и ребята мои все время на виду... И не только на виду, помогают мне постоянно, с охотой. А что: по инструкции о надомном труде члены семьи имеют полное право помогать. Для моих ребят моя работа — хорошая трудовая школа...

Александра Коптяева с помощью вязальной машины, которую привезли и установили у нее дома фабричные специалисты, вяжет детскую одежду, от изготовления которой, между прочим, более или менее успешно уклоняются все фабрики края, ибо она убыточна для заводского конвейера. А ставропольские мастерицы-надомницы лишь в прошлом году связали для ребятишек одежды на четыре с половиной миллиона рублей.

Ковры, салфетки, рушники, колготки, шапочки, целые ансамбли для малышей — семидесят различных наименований надомной продукции попадает на прилавок. Очень урожайным на новинки был прошлый год: художественный совет утвердил сорок пять оригинальных образцов, предложенных работниками. (В скобках заметим, что сам этот факт, несомненно, свидетельствует о присутствии элементов творчества в надомном труде.)

А мужчины — среди желающих работать дома есть представители и сильно-го пола, которым по разным причинам трудно ходить на работу — пенсионеры, инвалиды войны и труда — успешно занимаются изготовлением памятных подарков из традиционных для южного края материалов: соломки, чакана — сухого камыша, лозы...

Итак, товары народного потребления — основной профиль работы надомниц и надомников, объединенных фабрикой «Умелец» Ставропольского краевого управления художественных промыслов и производства сувениров.

Однако, по мнению начальника этого управления, кандидата экономических наук Александра Петровича Вахрамеева, большого энтузиаста надомной организации труда, женщины самых разных профессий — например, машинистки, чертежницы, учителя, экономисты, проектировщицы — могут заниматься своей работой дома. При наличии, естественно, добной заинтересованности и должной организационной подготовки со стороны соответствующих предприятий и ведомств.

Правда, пока такую заинтересованность проявляют в основном лишь предприятия Министерства местной промышленности...

— С чего конкретно начинается сотрудничество с фабрикой пожелавших работать дома? — спросил я у Вахрамеева.

— С обучения. Наши мастера учат желающих на базовых предприятиях, а затем работница выбирает: если ей удобно приходить на производство — приходит, если нет — мы, как я уже говорил, доставляем ей на дом станок, обеспечиваем сырьем.

— И зарплату мы получаем неплохую, — рассказывала между тем Александра Коптяева, подливая нам добавку борща.

Неожиданно в дверь позвонили...

— Ой, еще гости! — всплеснула руками хозяйка.

— Нет, мама, — возразил Андрей. — Это тетя Оля приехала с фабрики. Вон ее машина во дворе.

Действительно, в комнату вошла мастер вязального участка Ольга Ревечук:

— Принимай материал. Саша. И готовь к отправке свои изделия. Между прочим, ты слышала, у ковровщиц праздник: их «Фиалка» — ну, тот ковер, который выткала Мария Куликова, помнишь, у нее трое ребят, получил государственный Знак качества...

Мастер — постоянно действующая фигура во взаимоотношениях надомника с фабрикой. Он приезжает на автомашине на дом, привозит сырье, забирает готовую продукцию, консультирует.

В Ставропольском крае надомным трудом занимаются пять с половиной тысяч человек. Из них более четырех с половиной тысяч — женщины.

Быть может, подобная организация труда — это действительно выход для десятков тысяч молодых женщин, которые только-только стали материами, но не хотят расстаться с работой?

Выгодно и государству: в текущей пятилетке надомников станет втрое больше. А выпуск изделий будет соперничать с программой целой промышленной отрасли.

Любая смена деятельности, как известно, уже передышка. В нашем случае — передышка от бытовых забот. И одновременно молодая мама не привязана к своему рабочему столу или станку.

А вот контакты с теми, кто занимается работой дома, в том числе и по линии общественных организаций, должны быть, конечно, иными, отличными от привычных. Ибо комсомолки фабрики «Умелец» не могут встречаться и обсуждать дела своей организации ежедневно. Ведь надомный труд в основе индивидуален, и надо крепко подумать, как совместить непременное желание молодых матерей активно работать в комсомоле с характером их труда. И здесь свои предложения должны внести соответствующие комсомольские органы.

Нашлось же решение одного из самых узких и сложных вопросов в надомничестве — вопроса повышения производительности труда. На комбинате надомного труда «Трибуна» в Ленинграде, например, действует своеобразный конвейер. Каждый готовит там, скажем, определенную деталь одежды. А от станка к станку (иначе — от дома к дому) детали перевозят специальный автотранспорт. Производительность труда выросла сразу на сорок процентов и сравнялась со среднеотраслевым показателем.

Словом, немало резервов в совершенствовании организации перспективной формы труда, все более настойчиво стучащейся в двери квартир, где живут молодые семьи. Как уже говорилось, это выгодно и государству и, разумеется, самим семьям. Сокращаются очереди в детские сады и ясли. А разве можно переоценить сам факт того, что маленькие дети находятся под постоянным контролем своих мам? Суммируя плюсы надомничества, нельзя забывать о его воспитательном моменте: ведь сыновья и дочери ежедневно получают редкую возможность наблюдать отношение своих родителей к делу, помогать им, видя практически ту же конечный результат труда. И вообще: кто же решится, извините, халтурить на глазах собственных детей?

От редакции: Мы рассказали об организации надомного труда молодых матерей лишь в Ставропольском крае. Конечно, находки и интересные начинания есть и в других областях и республиках нашей страны. Сообщения об этом мы надеемся получить в нашей редакционной почте. Привлечение молодых матерей к общественно полезному труду — вопрос государственной важности. И немало здесь может сделать комсомол. Перспективной форме организации работы на дому, думается, нужна комсомольская поддержка.

Неожиданно в дверь позвонили...

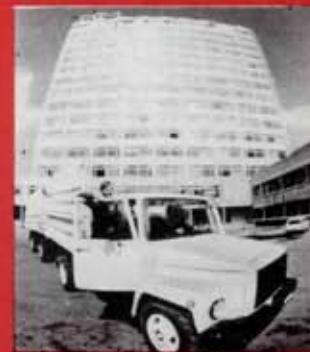
Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Смена
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц.
№ 21 (1379) НОЯБРЬ 1984

МОСКВА ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Наши обложки:
новая модель
грузового автомобиля,
созданная
коллективом «ГАЗ».

Фото
Владимира
ЧЕЙШВИЛИ.

1 ГЕРОЙ ДЛЯ ПОДРАЖАНИЯ.
Владислав ЯНЕЛИС. «ВЕРСТЫ БУЯНОВА».

3 «В ОТВЕТЕ». Поэма Людмилы СИНИЦЫ.

4 Петр НОВИКОВ. «РАБОТАЮ ДОМА».

6 Виктор ПЕРЕВЕДЕНЦЕВ. «В ОТПУСК С РЮКЗАКОМ».

8 Рассказ Сергея МАКЕЕВА «ИСПЫТАНИЕ ЧУВСТВ».

11 Конкурс одного стихотворения
«ЗЕМЛЯ МОЯ — СУДЬБА МОЯ».

12 Станислав ЗИГУНЕНКО. «ДВА СЮЖЕТА НТМ».

13 ПРОДОВОЛЬСТВЕННАЯ ПРОГРАММА:
ГОРЬКОВСКИЕ АВТОМОБИЛЕСТРОИТЕЛИ — СЕЛУ.
«ГРУЗОВИК ШИРОКОГО ПРОФИЛЯ».

14 ФИЗКУЛЬТ-УРА!
Борис БРУСИЛОВ. «ВСЕ МОЖЕТ СТАДИОН».

16 ОТЕЧЕСТВО.
Леонид ПЛЕШАКОВ. «КРАСКИ ВЕРХОВИНЫ».

19 Стихи Армена ШЕКОЯНА.

20 МОЛОДЕЖНАЯ МОДА. «ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТЬ ДЕТАЛИ».

21 Юрий РАГОЗИН. «СТЕПНЫЕ ЗАПАХИ ЛЕКАРСТВ».

22 ФУТБОЛЬНЫЙ КЛУБ «НАДЕЖДА». Выпуск 4-й.

24 Клуб «МУЗЫКА С ТОБОЙ».

25 НАДО ОБСУДИТЬ.
Леонид ЖУХОВИЦКИЙ. «МЫ ВЫБИРАЕМ, НАС ВЫБИРАЮТ...»

29 Повесть Николая ОГАНЕСОВА «ИГРАЕМ В «СПРИНТ».

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ.

Редколлегия: Б. Л. ДАНОУШЕВСКИЙ, В. И. ДЕСЯТЕРИК, А. П. КУЛЕШОВ, В. В. ЛУЦКИЙ (заместитель главного редактора), Ю. Д. МАКАРЦЕВ (ответственный секретарь), И. Н. ОРДЖОНИКИДЗЕ, Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, Е. И. РЯБЧИКОВ, В. А. САЮШЕВ, В. И. СЕВАСТЬЯНОВ, В. П. СЕРИКОВ, И. А. СЕРКОВ (заместитель главного редактора), Г. С. ТЕРЗИБАШЯНЦ (главный художник), В. В. ЧИКИН, О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник В. В. Вантуров. Технический редактор Д. Н. Мазур.

© Издательство «Правда». «Смена». 1984 г.

Смена 5

Eсли один молодой житель большого города в будний вечер предпочтет пойти в театр или библиотеку, а другой — в ресторан, если в конце недели один пойдет в турпоход, а другой организует шашлык с выпивкой на ближайшей лесной поляне, то мы обоснованно решим, что это очень разные люди. Кто-то сказал — я думаю, это был умный человек, — что о культуре как отдельного человека, так и целого народа лучше всего можно судить по тому, как он проводит свое свободное время. В этой фразе есть глубокий смысл. Поведение человека на работе обычно практически полностью запрограммировано и очень мало зависит от его личных качеств. Он должен прийти на работу не позже определенной минуты и уйти не раньше другой определенной минуты, делать то, что нужно производству, а не то, что он сам хотел бы, подчиняться писанным и неписанным правилам, если даже они и не очень ему нравятся. Совсем иное дело — время свободное, то есть то, которое человек может использовать по своему усмотрению. Тут полная воля. Как говорится, «твори, выдумывай, пробуй!».

Наша жизнь подчинена трем циклам: суточному, недельному, годовому. Вечер буднего дня, конец недели, ежегодный трудовой отпуск — вот время, с которым мы можем более или менее обходиться по собственному разумению. Ежедневно примерно с шести вечера до полуночи, еженедельно с пятницы по понедельник, 15—36 рабочих дней в отпуск — вот «плацдармы», на которых каждый может «развернуться» соответственно своим интересам, запросам, объективным и субъективным возможностям.

В этой статье речь пойдет только о трудовом отпуске (в том числе и каникулах), об отпусковом отдыхе молодежи, тех, кто не ездит уже в пионерские лагеря и еще не нуждается остро в санаториях. Даже в этих рамках проблемы отдыха чрезвычайно разнообразны. У старшеклассников они одни, у двадцатилетнего рабочего, живущего в общежитии, — другие, у молодой семьи — третья.

Прежде всего остановимся на проблеме отпускного отдыха молодежи, особенно молодых родителей с детьми. Хотя есть люди, которым представляется, что никаких проблем тут вообще нет. А я думаю, потому и остры эти проблемы, что очень многим они представляются малозначимыми. Очень многое в совершенствовании отпускного отдыха молодежи мог бы сделать комсомол. Кроме того, нужны и индивидуальные усилия, личная инициатива, хорошая самодеятельность, ибо долго еще большинство молодежи будет отдыхать неорганизованно, «дикарями», или, как говорят в некоторых местах, «индусами» (индивидуально устраивающимися).

Сам я родом из-под Тулы, и на моих глазах, в отпусковом отдыхе молодежи произошли разительные, прямо-таки коренные перемены. В предвоенные годы городская молодежь выезжала в отпуск главным образом в деревню, к родителям и другим родственникам. Особенно любили в наших тульских местах приехать к сенокосу — поре в те времена праздничной. Июль был самым радостным в деревне месяцем. Многочисленная собственная молодежь, приезжие горожане, каждый погожий вечер — гуляния (у нас это называлось «улицей»), с гармошкой, балалайкой, гитарой (она только начинала входить в моду), с песнями, танцами, играми, ухаживаниями, провожаниями... И не было, насколько я помню, среди приезжих никаких разговоров о деревенской скуче, серости, некультурности, которые появились много позднее. Был всеобщий праздник с ежедневными гуляниями до первых и вторых петухов, при всем том, что ранним-ранним утром большинство мужчин, включая и приезжих, шли на сенокос («коси, коса, пока роса»). Потом шли в луга женщины — ворошили и сгребали сено, а мужчины возвращались в деревню, недоспавшие ночью отсыпались в полдень, потом по деревне стоял звон отбиваемых кос («жало» косы «оттягивалось» молотком на маленькой наковаленке), потом те же мужчины шли косить по вечерней росе. Обратно возвращались все вместе и, как правило, с песнями. Хорошо пели в наших местах, и далеко по вечерней заре разносился эти песни. А деревни в наших местах были небольшие, но частые, и по вечерам песнями звенела вся округа.

После войны все это быстро исчезло.

О туризме в то время, пожалуй, и не слыхали, разве что об интуристах: дома отдыха и санатории видели главным образом в кино. В 1939 году во всех учреждениях организованного отдыха было всего 469 тысяч коек на 170-миллионное население. И неорга-

низованных, самодеятельных отдыхающих в курортных местах было в десятки раз меньше, чем теперь.

В последние же два-три десятилетия произошло то, что на научном языке называется «рекреационным взрывом». Рекреация — это отдых, восстановление. Так, скажем, в Крыму только за 20 лет, с 1957 по 1977 год, число отдыхающих увеличилось в **десять раз**, с 700 тысяч до 7 миллионов человек. В отпусковом отдыхе бывают, как и во многом другом, свои моды. Сейчас особенно модно проводить отпуска на берегах морей. А ведь до революции «бархатный» сезон в том же Крыму был весной, когда все здесь цветет, а не в сентябре, как сейчас (кстати, «бархатный» сезон назывался раньше потому, что в это время съезжались сюда самые богатые, самые обеспеченные люди; потом шел сезон «шелковый», а на июль — август приходился «ситцевый» сезон, морские купания не были в моде). И нетрудно заметить, что везде в курортных местах молодежь составляет очень большую долю отдыхающих, много большую, чем в наследии страны. Особенно же преобладает молодежь в широко развивающемся туризме — как организованном, так и самодеятельном.

В 1981 году только на турбазах было 367 тысяч мест (против 19 тысяч в 1939 году), действовали многие сотни союзных, республиканских и местных организованных туристских маршрутов, на которых побывали многие миллионы туристов. К сожалению, в статистических данных «настоящие» туристы не отделены от туристов конца недели, которых во много раз больше: всего же в 1981 году в стране было почти 24 миллиона организованных туристов. Среди них сильно преобладает молодежь, особенно девушки.

В ОТПУСК С О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ

Туризм чрезвычайно многогранен. Наземный, водный, воздушный, подземный. Пеший, велосипедный, автомобильный, железнодорожный. Оздоровительный, спортивный, познавательный, развлекательный... И т. д. и т. п. Туризм, которым могут заниматься все, и туризм на редкого любителя. Одного привлекают архитектура Ленинграда и сокровища Эрмитажа, другого — древности Бухары, третьего — тайны пещер, четвертого — горные реки...

А вот для молодой семьи с детьми дошкольного возраста более всего подходит организованный стационарный (на одном месте) отдых. Однако при быстром и даже бурном его развитии в последние десятилетия — организованно — отдыхает ежегодно около 20 миллионов человек — такой отпуск развит все же слабо, точнее сказать, совершенно недостаточно в сравнении с потребностью населения в нем и даже платежеспособным спросом. Спрос этот, кстати, очень быстро растет. Вот почему трудно стало достичь путевку в санаторий, пансионат, дом отдыха и т. д., хотя число мест в них постоянно возрастает. Но ведь неизмеримо резко выросли и наши возможности и запросы. Подавляющее большинство населения желает отдыхать только организованно, только летом, подавляющее большинство семейных — только семей, большинство — только на морских берегах. Выполнить все эти условия, как правило, не удается.

Выбор форм отдыха — дело, конечно, сугубо индивидуальное. Что больше всего подходит и нравится мне, может не подходить другому и быть противопоказанным третьему. И тем не менее есть кое-что общее для многих частных случаев.

Прежде всего это желательность резкой перемены условий: обстановка отдыха должна возможно сильно отличаться от условий повседневной жизни. Вообще активные формы отпускающего отдыха со всех точек зрения предпочтительнее пассивных. Одно из многих преимуществ юности, плохо, кстати, молодыми осознаваемое, — громадные адаптационные возможности молодого организма, позволяющие эффективно отдыхать где угодно, независимо от мест постоянного проживания. Если, скажем, житель Владивостока прилетит в Крым, то юному дальневосточнику нужно для физиологической адаптации (акклиматизации) всего несколько дней, а пожилому может потребоваться для этого половина отпуска.

Что дает отпуск?

Ответ прост — он улучшает здоровье, повышает защитные силы организма. В быту мы обычно понимаем под здоровьем просто отсутствие болезней. Но у специалистов есть более глубокое и точное понимание здоровья как способности организма противо-

стять экстремальным нагрузкам. Одни, как будто здоровые люди, чутко реагируют на незначительные даже перепады атмосферного давления, в то время как другие безболезненно поднимаются на горные вершины, где давление чрезвычайно низко. Есть люди, которые купаются в ледяной воде, другие легко простужаются от сквозняка. Здоровье этих людей совершенно различно, если даже в данный момент никто из них не болен. В этом смысле можно говорить о резервах здоровья, запасах здоровья, наращивании здоровья.

С этой точки зрения активные виды отдыха несравненно ценнее, важнее, полезнее пассивных. Поход по рекам на байдарках, пеший туризм, а тем более альпинизм по физиологическому воздействию на организм несравнимы с ленивым лежанием на пляже. К сожалению, очень большая часть молодежи стремится именно к пассивному отдыху, ничегонеделанию. Это каждый может увидеть на черноморских пляжах да и во многих других местах.

Нередко молодежь заполняет относительно малополезные для нее места отдыха, вытесняя тех, кому эти места необходимы позарез (скажем, Южный берег Крыма для больных легочников). Бывает и наоборот: путевки на тяжелые пешеходные маршруты попадают людям, которые не могут эти маршруты пройти. Однажды в Домбае — есть такое прекрасное место в горах Северного Кавказа — я обратил внимание на группу пожилых женщин, коротавших время на лавочках возле туристской гостиницы, и разговорился с ними. Их группа ушла на ледник Алибек — самый низкий на Кавказе и почти всем доступный. «А что же вы не пошли?» — «Да мы не дойдем, да и на кой нам

этот ледник!» — «Куда же вы отправитесь дальше?» — «В Сухуми» — «А как же пойдете через горы?» — «Мы не пойдем. Нам разрешили перелететь самолетом из Минеральных Вод. За свой счет, конечно. Да что же делать!» — «Так зачем же брали путевки на такой маршрут?» — «А кто ж его знал, что это такое — Теберда и Домбай! Знали, что Сухуми на море» — «Да ведь в путевках должна быть указана и категория трудности!» — «Ну что мы понимаем в этих категориях! Первый раз туристами. Предложили — и взяли. Тем более бесплатно. А нам бы, конечно, спокойно на месте пожить, в окрестностях погулять...»

Потом я поговорил с местным туристским руководством в Домбае и соседнем Архизе и узнал, что обычно из группы в двадцать человек через горы идет восемь — десять: остальных отсеивают при так называемом «тренировочном» походе.

Перед получением путевки в санаторий человек проходит врачебную комиссию. Для покупки туристической путевки никаких врачебных свидетельств не требуется. Вот и оказываются гипертоники перед недоступными для них и не нужными им высокими горными перевалами. А где-то кто-то никак не может добиться такой желанной для него путевки в горы, о которых он слышал такие заманчивые рассказы.

Итак, здоровье здоровьем. Большинство молодых людей на него не имеют основания жаловаться. Отдых красен другим — встречей с новыми местами и людьми, не ограниченным будничными заботами общением с ними, в котором развивается, растет, совершенствуется душа человека. Молодому человеку надо «мир посмотреть и себя показать». Отпусковые встречи и впечатления могут иметь громадные долговременные последствия. Человек, например, познакомившись с новыми местами, решит переменить место жительства. Но прежде чем решиться на переезд, люди обычно приезжают в новые места познакомиться с природой и людьми, среди которых нужно будет жить и работать. Трудно переоценить значение миграции в жизни нашего общества. А знакомство с новыми местами во время очередных отпусков делает переселения «прицельными», более удачными, что нередко крайне важно для самого человека да и для общества в целом.

Отпусковые знакомства часто приводят и к созданию семей. Обследования показывают, что очень большая доля супружеских впервые знакомится в местах проведения отпуска. Есть тут, конечно, и некоторые издержки. В праздничной обстановке отпуска человек сам становится несколько иным и другого воспринимает иначе, чем в буднях повседневной жизни. И

бывает, что потом, уже вступив в брак, с удивлением спрашивает себя — да тот ли рядом с ним человек, что казался таким неотразимо прекрасным на сухумских пляжах, в парках и ресторанах? Курортная обстановка делает человека — увы! — менее критичным, более восприимчивым и очень решительным. Как сказали однажды в сочинском загсе, «некоторые бегут к нам, не успев обсушить плавки». И все же миллионы людей с благодарностью вспоминают самый прекрасный для них отпускной день, когда впервые увидели ЕГО или ЕЕ. Думаю, что по мере того, как отпускной отдых вне мест постоянного проживания будет все более развиваться, такое вот «демографическое» влияние отпускного отдыха будет становиться все более сильным.

Но пусть и не произошло в жизни никаких решительных внешних перемен. Приобретен иной, новый душевный опыт, получены высокие эстетические впечатления, расширился кругозор... Очень плодотворным представляется мне более тесное, чем в обыденной жизни, приобщение к истории и культуре родного народа. От посетивших Пушкинские Горы и их окрестности слышал я, что как-то по-особому близок стал им Пушкин, что ощущали они нечто общее между великой поэзией и прекрасной природой этих мест. И сам я ощущал в этих местах нечто подобное и, глядя с холма на лежащее внизу озеро Кучане, не просто понял, но, как говорится, «всеми фибрами души ощущал», что нельзя сказать о нем проще и лучше:

Меж нив златых пажитей зеленых

Оно, синея, стелется широко.

А как важно в нашей многонациональной стране знакомство с культурами других национальностей ее

сионатов и санаториев в значительной мере походили на бывшие дворцы; это продолжалось долго — до середины 50-х годов; последнее известное мне учреждение этого образца — старый корпус санатория «Украина» в Мисхоре, где колонн и статуй, похоже, больше, чем кое-каких.

— с середины 50-х годов началось ускоренное строительство учреждений отдыха со зданиями упрощенного типа — некий аналог жилых панельных пятиэтажек в городах;

— с серединой 60-х годов наступил новый этап: строительство более комфортабельных зданий для отдыха, с маломестными, частично одиночными «палатами», а также реконструкция старых зданий, доставшихся в наследство от правящей классов старой России (например, царский дворец в Ливадии) и построенных спешно и экономно совсем недавно (пример — пансионат «Донбасс» в Ялте);

— одновременно ускоренное строительство турбаз, и особенно баз отдыха различных ведомств, предприятий и учреждений.

До недавнего времени образцом для всех учреждений отдыха был санаторий, куда путевки давались в зависимости от состояния здоровья, то есть строго индивидуально; такие же одиночные путевки выдавались и в пансионаты, дома отдыха, турбазы. Рекреационный взрыв, сделавший отпускной отдых вне мест постоянного проживания необходимым элементом современного образа жизни, привел к тому, что многие захотели отдыхать семьями, то есть так, как это принято издавна на дачах. Однако настоящего семейного отдыха, кроме как на заводских базах, практически до сих пор нет. Под семейными путевка-

ми для молодежи (как для одиноких, так и для семейных) — дело чрезвычайно сложное, и многие аспекты этого дела требуют основательных научных проработок. Но есть и кое-что, лежащее, как говорится, на поверхности, однако по ряду причин практически не учитываемое и не используемое.

Посмотрим, к примеру, на Крым — бесспорно, лучший наш рекреационный район, очень высоко ценимый отдыхающими. Летом он страшно переполнен, зимой пуст. Какова продолжительность рекреационного сезона здесь? Месяца три-четыре. В начале июня народу еще мало, в конце сентября — уже мало. И целых 40 процентов всех отдыхающих приходится на июль — август, при том что подавляющее большинство учреждений организованного отдыха работает круглогодично. Почему так? Да потому, что в начале июня вода для массовых купаний еще недостаточно теплая, а в конце сентября — уже недостаточно теплая. А Крым без купания в море — это уже как бы и не то. Вот и рвутся все в июльско-августовское лекло.

А Крым прекрасен ранней весной, когда он в цвету, и замечательен осенью, в разноцветном убранстве. Да и зимой, как мне самому пришлось в прошлом году убедиться, здесь совсем неплохо. И если бы в это время можно было еще и купаться — зачем бы молодым семьям с малыми детьми рваться в летние дугоуты и тесноту, когда неизбежен — из-за школьных каникул — отдых семей с более взрослыми детьми! Дело в общем-то за пустяком — за общедоступными бассейнами с подогреваемой морской водой. Примерно такими, как в гостинице «Ялта», куда, однако, «постоянных» не пускают. Пока на весь Крым есть лишь один условно общедоступный бассейн, построенный почти двадцать лет назад. А новых никто не строит — нет, оказывается, заинтересованных в этом ведомств и организаций.

И вторая острая, но вполне разрешимая проблема — где жить? Подавляющее большинство отдыхающих, в том числе почти все «дикари», снимают жилье у «частников». Это, конечно, неизбежно и даже в некоторых отношениях хорошо. Но молодая семья и здесь попадает в худшие условия по сравнению с иными отдыхающими. И не всегда хотят ей сдавать комнату, и нет условий для детей, и отношения с хозяевами могут обостриться, и не с кем оставить детей, если родителям нужно отлучиться... Опять-таки отдых получается неполноценным.

Нужны, с одной стороны, специальные учреждения для семейного отдыха, а с другой — для приезжающих без путевок — гостиницы. И хорошо бы не обычные, как в городах для командированных, а особые — курортные, с хорошим набором необходимых для молодой семьи услуг, в том числе с игровыми комнатами, где можно оставить на время детей, и воспитателями, на которых их можно оставить. И лучше бы квартирного, а не коридорного типа.

Организованный отдых в разных формах быстро растет. В последние годы много делают для отдыха своих работников заводы, фабрики, шахты, стройки, учреждения. Везде возникают многочисленные ведомственные базы отдыха. Обратите внимание: в объявлении о том, что «предприятию требуются...» все чаще указывается: у завода есть дом отдыха (пансионат, турбаза) на Черном море и т. д.

И все-таки, опираясь на статистические данные, можно сказать, что долго еще основным видом отдыха будет именно индивидуальный, неорганизованный, самодеятельный отдых. Поэтому нужно учиться хорошо отдыхать с ранних, школьных лет. В принципе школа может и должна давать навыки как труда, так и отдыха. Ибо отдых в школьные каникулы — это некоторый прообраз будущего отпускного отдыха и подготовка к нему.

Лозунг «Лучший отдых — туризм!», безусловно, верен для молодежи. Старшеклассникам надо как можно больше ходить в пешие походы по родному краю — с палатками и спальными мешками, с кострами и песнями. Кстати, это не только отдых. Это и прекрасный способ изучения истории и географии, тренировка физических и интеллектуальных способностей. Причем способ, доступный каждому. Беда только в том, что в школах пока мало учителей-мужчин, что немногие учителя могут быть хорошими руководителями самодеятельных туристских походов. Значит, над старшеклассниками и учащимися ПТУ должны взять шефство молодые рабочие промышленных предприятий, самодеятельные клубы туристов.

Недавно я вновь побывал на Селигер. Моими соседями в поезде на Москву оказались самодеятельные семейные туристы, совершившие «селигерскую кругосветку» — прошедшие на байдарках Верхневолжские озера и Селигер. Давно не встречались мне люди, которые были бы так довольны своим отпуском. Даже прохладная и дождливая погода им не помешала. Оказалось, что туризмом они увлеклись в студенческие годы. А их дети ходят вместе с ними с ранних лет.

Наш отпуск — в наших руках! Делу время — потехе час, как говорили наши предки. Человеку нужны праздники. Самый долгий из них — наш отпуск.

РЮКЗАКОМ

ОТДЫХА МОЛОДЕЖИ

народов! Лучшего времени, чем отпуск, для этого не найти. Знакомство с обычаями, традициями, нравами иных народов (а также, конечно, и с национальной кухней, одеждой и т. д.) обогащает человеческую душу, делает человека терпимее, мягче, добре, воспитывает интернационалистов. Это помогает всестороннему сближению народов нашей страны, которым мы законно гордимся. Это сближение проявляется, в частности, в очень большой и быстро растущей доле смешанных в национальном отношении браков. Напомню, что в 1959 году из каждой тысячи зарегистрированных переписи семей 102 были межнациональными, а в 1979 году таких национально смешанных семей было уже 149 из тысячи.

Итак, да здравствует туризм! К сожалению, путевок на турбазы и организованные маршруты пока всем желающим не хватает. Лишне мне представляется, что у самодеятельного туризма, наряду с известными недостатками есть и очень большие преимущества перед организованным. И не в том главное, что питание на турбазах не всегда на высоте и помещения сплошь и рядом «оставляют желать лучшего». Значительно хуже то, что график движения группы нередко вступает в конфликт с погодой, что нельзя задержаться там, где особенно интересно, и уйти побыстрее оттуда, где почему-либо не нравится. Стойт, скажем, прекрасная солнечная погода, и хорошо бы провести время на реке, но нужно ехать. Или идет проливной дождь, а у вас экскурсия по городу, которую на другое время перенести никак нельзя. А чего стоит разнообразие вкусов, привычек и требований членов случайно подобранный группы!

Нет, я определенно предпочитаю туризм самодеятельный. И пока был молодым и когда позволяло время, немало им увлекался. Однако я прекрасно сознаю, что туризм подходит не всем и не во все периоды их жизни. И поэтому перехожу к проблемам отпуска самой озабоченной в этом отношении группы нашего населения — молодых семей с детьми.

Наша индустрия отдыха сравнительно хорошо приспособлена к отпуску одиночному, индивидуальному, и почти не приспособлена к семейному. Почему так? Обратимся к прошлому.

Историческая система организованного отпускного отдыха в нашей стране развивалась так:

— после Октябрьской революции были реквизированы дворцы буржуазии, бюрократии, царской семьи в курортных местах (особенно много их было в Крыму) и превращены в санатории и дома отдыха для трудящихся; сохранившиеся дворцы в дворянских поместьях также были превращены в учреждения отпуска (особенно много их в Подмосковье);

— строившиеся новые здания домов отдыха, пан-

сионатов и санаториев в значительной мере походили на бывшие дворцы; это продолжалось долго — до середины 50-х годов; последнее известное мне учреждение этого образца — старый корпус санатория «Украина» в Мисхоре, где колонн и статуй, похоже, больше, чем кое-каких.

— с серединой 60-х годов началось ускоренное строительство более комфортабельных зданий для отдыха, с маломестными, частично одиночными «палатами», а также реконструкция старых зданий, доставшихся в наследство от правящей классов старой России (например, царский дворец в Ливадии) и построенных спешно и экономно совсем недавно (пример — пансионат «Донбасс» в Ялте);

— с серединой 60-х годов наступил новый этап: строительство более комфортабельных зданий для отдыха, с маломестными, частично одиночными «палатами», а также реконструкция старых зданий, доставшихся в наследство от правящей классов старой России (например, царский дворец в Ливадии) и построенных спешно и экономно совсем недавно (пример — пансионат «Донбасс» в Ялте);

— с серединой 60-х годов наступил новый этап: строительство более комфортабельных зданий для отдыха, с маломестными, частично одиночными «палатами», а также реконструкция старых зданий, доставшихся в наследство от правящей классов старой России (например, царский дворец в Ливадии) и построенных спешно и экономно совсем недавно (пример — пансионат «Донбасс» в Ялте);

туденческое общежитие в Морковине не очень жаловали студенты нашего университета.

Во-первых, Морковино — это ужасно далеко: час на электричке да еще минут двадцать на автобусе. Автобусы же на загородных линиях ходят редко и не по расписанию.

Во-вторых, общежитие в Морковине устроено в бывшем доме отдохна — легких фанерных домиках с остекленными верандами.

Летом в Морковине благодать и до реки недалеко. Но вот зимой... Чтобы сделать из дачного поселка зимовые, установили батареи отопления и кочегарили так, что прикоснуться нельзя. Но тепло улетучивалось, как из спичечного коробка.

Учились морковинцы на разных факультетах. И постепенно в общежитии сложился особый тип всезнающего студента, нахватавшегося — по верхам, конечно — зато из всех областей знаний.

Но вот уж чего не было в Морковине, так это соперничества, зависти к отличникам, ненависти к высокочкам.

Все учились так себе, как говорится, ни шатко, ни валко. Но никто не жалел времени, чтобы натаскать соседа, пропустившего занятия (по любой причине!). Все жили вполсъта, но подкармливали тех, у кого по ночам особенно громко урчало в животе.

В холодные месяцы морковинцы сообща отдавали по одному одеялу (на зиму комендант выдавал по два) и забивали ими окна. А в сильные морозы скучивались в один корпус... Так зимовали в Морковине. И странное дело: никогда не было в общежитии скор, пустых дряг и жалоб друг на друга.

На зимние каникулы почти никто из морковинских обитателей не покидал общежития. Лишних денег не водилось, а зимние дни так коротки! Несколько освободившихся коеч занимали заочники, приехавшие на зимнюю сессию.

Зато летом большинство постоянцев отправлялось на родительские хлеба. Только те, у кого не было ни кола ни двора, оставались беречь местные традиции.

Опять наезжали заочники, теперь уже в большом количестве. Тоже не всякие, а лишь те, кто не выполнил учебный план, не прислал контрольных работ, не сдал «хвостов» до сессии. Таких не селили в городском общежитии.

Во время летней сессии тут было шумно. Сутками не спали. Но кончалась сессия, разъезжались мимолетные гости — и замирало общежитие. Теперь уж надолго, до осени.

И жил в Морковине Костя Протопопов. Учился на филологическом, на отделении восточных языков. В морковинскую глушь он попал потому, что запоздал к началу вступительных экзаменов. И застрял: не искал лучшего места жительства. Нравилось ему тут, что ли?

Морковинцы любили Костя. Он честно делил со всеми тяготы отдаленного житья и никогда не ставил себя выше прочих. Когда бывали в Морковине праздники — день рождения у кого или так просто пирожка, — звали Костя.

Приехал он откуда-то с юга. Отец и мать души в нем не чаили, но не любили друг друга. И Костю взяла к себе тетка, простая и добрая женщина с двумя детьми, обитавшая в собственной хатке на окраине, державшая кабанчика и кур. Костя прожил у нее четыре года. Летом подрабатывал в соседнем совхозе, чтобы не быть дармоедом. После школы прочитал «Справочник для поступающих в вузы» и махнул к нам.

Тетку и всех родных очень удивил Костин выбор. Втайне они были уверены, что все люди говорят по-людски, стало быть, по-русски, с южным акцентом.

Но это решение возникло у Кости не вдруг.

Костина тетка любила индийские фильмы. Она была очень чувствительна, часто ходила на «индийцев» и Костю с собой брала. Эти фильмы делали полные сబоры: люди на них смеялись и плакали, но плакали легкими, счастливыми слезами.

С тех пор Костя часто думал о той далекой неправдоподобной жизни, стараясь проникнуть в ее смысл, спрятанный за киношной легкостью. И видел пестрые города, по улицам которых катили вперед-назад двухэтажные автобусы и велорикши. Видел крестьян в белоснежных одеждах, погоняющих круглогорых волов. Видел толпы индуистов, совершающих омовение на берегу священного Ганга. Видел утопающих в роскоши длинноусых раджей и видел нищих, умирающих от голода на ступенях храмов...

Летние каникулы Костя проводил у тетки и возвращался сытым, загорелым. Привозил с собой огромную банку смородинового варенья и бруск сала, похожий на старое мраморное надгробие. С вареньем он пил чай всю зиму. Сало резал тончайшими стружками и ел с черным хлебом вместо ужина.

Товарищи по общежитию с уважением относились и к этой банке варенья и этому шмату сала, потому что им тоже доставалось от даров тетки в лихие дни.

В то лето, когда Костя окончил второй курс и собирался по обыкновению к тетке, от нее пришло письмо. Старший сын привел в дом невестку, судя по письму, особу крикливу и бесцеремонную. Тетка не отказывала Косте в гостеприимстве напрямую, но он сам решил, что ехать не следует. И впервые остался летом в Морковине.

Начиналась сессия у заочников.

Как-то вечером Костя и местные барышни смотрели телевизор в холле комендантского корпуса. Показывали многосерийную «Графиню Коссель». Из кабинета коменданта доносились голоса: кому-то выписывали ордер на заселение, — и скоро оттуда вышла девушка с чемоданом в руке.

В холле было темно, светился только экран телевизора. Девушка беспомощно щурилась: со света она никого не видела в комнате, а из темноты все смотрели на нее. Должно быть, она это чувствовала. «Как на сцене», — подумал Костя.

Девушка поставила чемодан на пол. Когда она наклонилась, со спины на плечо скользнула короткая, но толстая коса.

На ней был светлый костюм с плиссированной юбкой. В вырезе жакета виднелась полосатая, похожая на тельняшку майка. Девушка имела вид приехавшей на отдых дачницы.

Пауза прервалась басом коменданта:

— А ну, кто-нибудь! Проводите храндаку до четвертого корпусу...

Местные барышни разом повернули головы в сторону Кости. Он единственный здесь годился в провожатые.

Костя встал и сказал из темноты:

— Пойдемте.

Девушка пошла на звук голоса, задевая стулья.

— Совсем ничего не видно, — сказала извиняющимся голосом.

Костя забрал у нее чемодан, открыл дверь.

— Осторожно, здесь ступени, — предупредил он.

Только на улице отдашься. Он еще никогда никого не провожал, даже местных морковинских дам.

— В деканате мне сказали, что здесь у вас хорошо... — нерешительно начала девушка, оступаясь с тропинки в траву.

— Они пошутили, — хотел ответить Костя, но передумал.

— ...и река, говорят, близко, — продолжала она, выбравшись на дорожку.

— Полчаса ходьбы, если направлять, через лес...

— Так хочется испугаться! — восхлипнула девушка. И добавила обиженным голосом: — А то я в этом году ни разу даже не окунулась.

— Я тоже, — подумал Костя, но опять ничего не сказал.

— Вы видите тропинку? — спросил он вскакивая.

— Нет! — Она вдруг рассмеялась. — Я ведь очень близорукая. Очк только не ношу. Они мне ужасно не идут... Можно, я возьму вас под руку?

И не дожидаясь ответа, она шагнула к нему. Костя ужаснулся, чувствуя, как ее ладонь скользнула на сгиб его локтя.

— Мы пришли, — сказал он. — Вон корпус. Там сейчас никого: все ушли смотреть телевизор.

— Огромное вам спасибо! — сказала девушка. — Без вас я наверняка заблудилась бы.

И он опять ничего не сказал.

— А может быть, завтра вы покажете мне, где тут река? — попросила она. — Если, конечно, у вас будет время...

— Будет! Будет! — хотелось закричать ему. Но не закричал, а спросил только:

— Когда?

— Завтра у меня установочные лекции до часу, потом я хочу походить по музеям... Ну, в шесть зайдете за мной?

Костя вспомнил, что ее соседками будут морковинские насмешницы, и предложил другое:

— Лучше у комендантского корпуса встретимся. Запомнили, где это?

— Хорошо, — согласилась девушка. — Тогда до завтра?

— Спокойной ночи, — с облегчением откликнулся он. Ему нужна была перегородка — от прогулки, от этого короткого разговора.

Он шел к своему корпусу и слышал, как девушка поднялась на крыльце...

— Постойте! — раздался вдруг ее голос.

Колени у Кости дрогнули, он боялся обернуться.

— У вас же мой чемодан! — весело кричала она ему вслед.

Он шагал к ней мучительно долго, тропинка казалась ему вязкой, и он месил ее ногами... Девушка уже зажгла свет и опять стояла в дверном проеме, как на подмостках. Стارаясь держаться за кромкой лука, Костя протянул ей чемодан и бросился в спасительный мрак.

В комнате, где жил Костя Протопопов, ужинали: на столе дымилась сковорода с жареной картошкой, вокруг разместилось четверо голодных студентов. Они молча потеснились, давая Косте место.

Он рассеянно сел к столу. Его соседи были вооружены вилками-скорожеками — с зубцами, широко отогнутыми в стороны. Такими щупальцами можно захватить вдвое больше картошки или макарон, чем обычной вилкой. Но скорожек получается только из алюминиевой вилки. Косте же досталась на этот раз обыкновенная из нержавеющей стали. Он успел тыкнуть в сковородку раз, другой — и с ужином было покончено.

Костя подошел к зеркалу. Ему хотелось увидеть себя при ярком свете как бы

Сергей МАКЕЕВ

РАССКАЗ

со стороны, может быть, глазами той незнакомой девушки. Он смотрел на свое отражение с любопытством и волнением. То, что он видел в зеркале, ему совсем не нравилось: казалось, на голову его отпущен маловато кожи — так тут обтягивала она череп, резко вырезав скулы, нос, надбровья. Были в тесноте синие жилки на висках... Костя со вздохом перешел к самой неприятной части осмотра — к костюму.

Он с грустью смотрел на свои ужасные клещи, сшитые еще к выпускному вечеру; убогими показались ему и сандалии в дырочках, какие носят теперь одни пенсионеры. Лишь ковбойка в синюю клетку была еще куда ни шло, если ее отстирать, конечно.

Этим он и занялся.

«В шесть часов совершенно светло! — думал он с отчаянием. — Если б нам встретиться попозже, как сегодня, например...»

Утром Костя отправился в третий корпус.

Леха Чумак валился на постели в одних плавках и листал польский журнал «Фильм». Кинематографией он, разумеется, мало интересовался. Его волновали кинозвезды, а также во что одеты киноактеры. Сам Леха еще первокурсником долго ломал голову над тем, как одеться модно и дешево. И решил, что единственный выход для человека с его доходами — хиповать. Леха добыл потертые джинсы «Бранглер», старенькую майку с яркой картинкой на груди и отныне чувствовал себя прекрасно одетым в любой компании, благо ни на приемы, ни в театры его не звали.

Леха относился к своим джинсам трепетно. Он носил их третий год, а они все еще могли сойти за малоножные.

— Привет, старина! — восхлипнул Леха, увидев Костя, и положил журнал на голый живот.

— Привет. Я по делу, — сказал Костя.

— Люблю деловых людей, — заметил Чумак. — Особенно в сей юдоли неги и праздности.

Он рывком выбросил свое тело из кровати и прошелся по комнате, поигрывая мускулами.

Только теперь Костя заметил в изголовье постели новую картинку: атлет, обнимаящий тоненькую девушку в бикини. Атлет был отвратителен. Он напоминал витрину мясного магазина: в нем сочетались окорока, толстые колбасы и рулеты. И все это венчала никчемная здесь малосенькая головка голландского сыра. Под кроватью Костя увидел странное сооружение: отрезок водопроводной трубы, к концам которой были прикреплены проволокой два казенных чугунных утюга. С помощью этой штанги, видимо, Леха накачивал фигуру.

ТАНЦЕ ЧУВСТВ

Сейчас Леха смотрелся в зеркало, напрягая поочередно то одну, то другую группу мышц.

— Итак? — пропыхтел он. — Деловые люди ценят время — не только свое, но и чужое.

— Мне нужно приодеться, — сказал Костя. — Дай поносить джинсы. Завтра верну.

Леха перестал напрягаться. Лицо у него сразу поскучнело. С такими просьбами к нему не обращались уже давно, он всех отшивал. Что, Протопопов этого не знает? Или придуривается?

— Зачем тебе? — спросил Чумак. Не столько потому, что интересовался, сколько для того, чтобы оттянуть решение.

— Понимаешь, надо! — объяснил, как умел, Костя и покраснел.

— Ага! Шэрш ля фам? — уловил на лету Чумак и участливо спросил: — Замужем?

— Не знаю.

— А как зовут? По моим наблюдениям, имя женщины чаще всего соответствует ее темпераменту... Лена? Надя?

— Не знаю, — сказал Костя. — Как-то не пришло спросить.

— Стремительный роман?! — подпрыгнул от радости Леха. — Вот это я понимаю! Молодец, старина! Я знал, что в тебе дремлют скрытые силы...

— Ну, так дашь? — осторожно напомнил Костя.

— Ладно! — махнул рукой Чумак. — Но запомни: только для тебя и только ради святого дела. Понял?

— Понял. Спасибо.

Леха торжественно отворил шкаф, как папа Карло отворял потайную дверцу, и подмигнул Косте:

— Забрай. Они счастливые! — И поучал, провожая: — Если будешь пить красное вино, постели что-нибудь на колени — не отстиривается...

Костя уже шагал к своему корпусу, а Чумак все торчал на крыльце, возбужденно потирая руки.

Было без четверти шесть. Девушка уже стояла у комендантского корпуса иглядывалась во все стороны, откуда Костя мог появиться. Конечно, она ничего не запомнила из вчерашнего путешествия в темноте.

Костя набрал полную грудь воздуха, точно собирался глубоко нырнуть, и пошел навстречу.

— Здравствуйте!

Она радостно обернулась на знакомый голос, и Костя наконец рассмотрел ее. У нее было мягкое лицо: мягкие полные губы, мягко закругленный подбородок, мягко законченный нос, явно мягкие щеки и только небольшие, но очень темные глаза смотрели твердо.

А девушка быстро говорила:

— Здравствуйте! Представляете, какая досада: девочек нет дома, и дверь заперта. А ключ они, наверное, унесли с собой...

— Ничего страшного, — успокоил ее Костя. — Вернутся же они когда-нибудь. В крайнем случае можно взять второй ключ у коменданта.

— Но его тоже нет! — воскликнула девушка. — Все будто говорились.

Костя это начало забавлять.

— Я не пойму, почему это вас так беспокоит?

— Там же мой купальник! — со слезами в голосе сказала она. — Как же я буду купаться, скажите на милость?

Она была беспомощна и растерянна перед пустячной неурядицей. Наверное, поэтому Костя почувствовал себя увереннее, чем вчера.

— Ерунда, — сказал он. — Еще столько времени впереди... Пойдемте просто погуляем по берегу.

Она уже привычно взяла его под руку и по дороге продолжала говорить:

— Да, я понимаю: глупо огорчаться по пустякам. Но я настроилась! А если я на что-то настраиваюсь, мне потом очень обидно перестраиваться. Такой у меня характер.

Костя взял у нее из рук полиэтиленовый пакет, в котором угадывались острые углы книжных переплетов.

— Слушайте, а давай напьемся? С горя! — вдруг предложила она.

— Как это? — Он испугался.

Девушка рассмеялась:

— Не бойтесь! Просто я купила бутылку шампанского, думала выпить с девочками: за знакомство, за удачу и все такое... Кто же знал, что они такие коварные?..

Низкое солнце сияло лучи сквозь сосны. Рыжие стволы были одного цвета с глиной. На открытых пригорках стояли сосны-коротышки; кроны у них были только с одной стороны, точно ветер сдвинул им шапки набекрень.

Они вышли к реке. Тропинка круто спускалась на песчаный пляж. Вода уже потемнела (в воде сумерки наступают раньше, чем в воздухе); волны катились на берег совсем смиренные и тихо пенились уже на суще. Песок жадно всасывал их одну за другой.

Противоположный берег темнел узкой полоской. Создавалось впечатление, что там вечер, поздний вечер... Мимо бесшумно проплыл теплоход с зажженными бортовыми огнями.

Девушка села на плоский валун. Он еще хранил дневное тепло.

— Хорошо! — сказала она, глубоко вдохнув. — Мне всегда казалось, что у воды больше воздуха, чем в лесу. Везде может быть душно, а на берегу — никогда...

— Говорят, водоросли дают планете большую часть кислорода...
— Вы биолог?
— Нет, филолог.
— А я химичка! — Девушка внезапно рассмеялась. — Еще немного, и мы выясним, как нас зовут!
— О, черт! — Он хлопнул себя по лбу. — Меня зовут Костя, Костя Протопопов...
— Любя Белова, очень приятно! Теперь дистаньте там, в сумке, шампанское. Очень хочется пить... Вы умеете открывать так, чтобы стрельнуло? Я люблю, когда хлопает.

Он содрал с горльщика фольгу, открыл проволоку. Бутылка весь день болтась в сумке на жаре. Костя не смог удержать рвущуюся вон пробку. Белая струя плеснула на землю. Песок проглотил ее, как глотал речные волны.

— Из чего же мы будем пить? — спросил Костя.

— Опять не слава богу! — вздохнула девушка. — Придется пить прямо из горльщика. Начинайте. А я поучусь: я пила из бутылки только кефир.

— За вас! — тихо сказал Костя и сделал глоток. Тотчас зашипало в носу, заслезились глаза.

— Это невозможно! — прохрипел он. — Оно пенится во рту!

— Как интересно! Дайте попробовать.

Она тоже сделала глоток и закашлялась.

— У вас есть чистый лист бумаги? — спросил Костя. — Я кое-что придумал. Любя протянула ему общую тетрадь. Костя вырвал двойной лист, свернул кулек.

— Очень похоже на бокал. Итак, за вас! — Любя выпила. — Хорошо! Просто замечательно. Мы сидим у реки. Пьем шампанское. И никуда не спешим. Вам хорошо, Костя?

— Да, очень хорошо, Любя... Только давайте говорить друг другу «ты», — предложил он и сразу же испугался.

Но девушка обрадовалась:

— Конечно! Я сама хотела предложить. С тех пор как я уехала из дома, я всем говорю только «ты». Это так тяжело, оказывается, когда вокруг нет ни одного знакомого человека и некому сказать «ты»... Я вообще-то скучливая... Вот я ходила сегодня по городу и думала: «Я потерялась, меня потеряли и не ищут...» Ничего, что я лезу со своими сокровенными?

«Как чудно она говорит», — подумал Костя. А вслух сказал:

— Тебя интересно слушать. У тебя есть свои слова. Это так редко встречается. У некоторых бывают, правда, «словечки», но это совсем не то...

— Какие же у меня свои слова? — спросила она.

— Не скажу, — покачал он головой. — Ты станешь следить за собой и говорить их нарочно. Не надо. Говори их, когда тебе захочется!..

Костя замолчал. Он испугался, что вдруг начнет делиться своими сокровенными.

— Как странно! — тихо сказала Любя.

— Что?

— То, что с нами происходит сейчас. И что произойдет потом.

Костя опять хотел спросить: что? Но не спросил.

— Разве можно знать, что произойдет потом? — пробормотал он.

— Наверное, это зависит от того, какие мы...

— Разве это можно знать? — снова усмехнулся он.

— А как же! Я вот все про себя знаю. — Она стала загибать пальцы: — У меня ужасный характер — раз. На меня нельзя положиться — два. Я ленивая и делаю только то, что мне нравится, — три... Но я ничего этого не скрываю. Это хорошо, правда?

Он промолчал. Он не мог согласиться с ней или разубеждать. Он еще не знал хорошенко, какая она. Да ему это было ни к чему знать, потому что он уже любил ее.

— А про меня... ты тоже знаешь? — спросил Костя.

— Ну, не все, конечно... — Она пожала плечами. — Но главное, ты добрый, Костя. И не умеешь обманывать. А если не можешь сказать правды или в чем-то не уверен, ты просто молчишь. Верно?

Тут он не был уверен, и потому снова промолчал. Ему почти не случалось врать, это верно. Значит ли это, что он честен? Он никому не отказывал в просьбах, это так. Но ведь у него не просили ничего такого, что жалко отдать. Добрый ли он?

Костя вспомнил, как пытался вчера взглянуть на себя ее глазами, и усмехнулся. Жалкая попытка! Она смотрит внутрь него: туда, где как раз больше всего запущенности и беспорядка... Он опустил голову. Сам себе показался незнакомым: белым пятном, которое он не потрудился исследовать за двадцать с лишним лет. И еще в чужих, одолженных джинсах. Как глупо притворяться не тем, кто ты есть на самом деле!

Она посмотрела на Любю: не заметила ли она его растерянности? Но лицо ее было безмятежно. Темнота наложила на него свой грим: ярче стали губы, чернее глаза. Любя оперлась на его плечо и стремительно встала.

— Пусть это будет вечер исполнения желаний! Сейчас я буду купаться...

— Мы будем купаться, — поправил Костя и тоже встал.

— Очень хорошо. Мы будем купаться. Мы не будем смотреть друг на друга. Лично я все равно ничего не вижу в трех шагах А Костя... Костя — честный человек...

Она отошла в сторону. Костя отвернулся и начал раздеваться. Он слышал, как она взбила волну торопливыми шагами, как вскрикнула удивленно и поплыла. Тогда и он повернулся и побежал — по берегу, потом по мелководью...

— Эх! Где ты? — крикнул он, вынырнув.

— Я здесь! Ты знаешь, я только сейчас поняла: я вовсе не потерялась!

— Ну, конечно! Тебя искали и нашли!

Луна вставала из облачных одеял — застывшая, медноликая. Они вышли из воды вместе. Они смотрели вокруг; они смотрели друг на друга; они смотрели вглубь себя. И все им было ново, потому что они вдруг стали частью окружающего: речной воды, песка на берегу, луны в небесах...

— Тебе холодно? — спросил он.

— Немножко.

Он обнял ее.

— А сейчас холодно?

Она покачала головой.

— Мне жарко. Подуй на меня — я от тебя вся киплю. Или кипу? Как правильно сказать, филолог?

Он хотел подуть. Но воздуха ему хватило лишь на то, чтобы самому не задохнуться.

И опять он не был уверен. «Разве такое может быть?» — думал Костя. — Она — вечно звучащая, вечно в движении, всегда на свету (или это она сама свет?). И я — неподвижный и немой, всегда зашторенный... Мы ее обманули: я, и река, и луна, и эта ночь... А если так, что будет, когда обман ей откроется?»

Люба беспокойно шевельнулась, и он послушно разомкнул руки.

— Хорошо, что мы не целовались, правда?

— Я как-то не обратил внимания, — признался Костя. — А почему хорошо?

— Я сама толком не знаю... Но это было бы как точка в конце предложения. Словно все ясно. А мне ведь еще ничего не ясно...

Она подошла к нему уже одетая.

— Пойдем? Наверное, ужасно поздно.

— Пойдем, — откликнулся он.

Костя подошел к валуну, где сложил свою одежду.

Все было на месте: майка, рубашка, сандалы в дырочках.

Не было только джинсов.

Костя тупо смотрел на цепочку чужих глубоких следов — они вели в лес. Он пошел было туда, но опрокинул бутылку, стоявшую на земле, и остановился.

Шампанское забулькало и зашипело. Пролилось, распространяя резкий запах.

— Костя! — позвала она. Ее костюм белел уже у начала тропинки.

— Иду! — откликнулся он. Но не пошел, а сел на валун и обхватил голову руками.

— Я же ничего не вижу, — пожаловалась она. — Здесь темно и страшно!

— Да-да... — Костя обулся, надел то, что осталось, и подошел к девушке. Он взял ее за руку и молча повел. Сосны сомкнулись над их головами и скрыли луну. Костя вздохнул с облегчением.

Когда вошли на территорию общежития, он повел Любю кружным путем, чтобы не попасть под свет единственного фонаря.

У крыльца девушка приблизила свое лицо к его лицу. И он поцеловал ее в губы. Но так, будто целует в лоб.

— Что-нибудь не так? — с тревогой спросила она.

— Нет. Все в порядке...

Она поцеловала его в щеку и быстро шепнула:

— Пожалуйста, приснись мне сегодня!

— Спокойной ночи!

...Остановившись под фонарем, он осмотрел себя и зло地说:

— Комедиант!

Костя уехал в город с первой электричкой, когда все в общежитии еще спали.

На больших часах Южного вокзала только что пробило восемь. Подлезая под товарные составы и перепрыгивая канавы, Костя Протопопов шагал на сортировочную станцию. Возле диспетчерской уже толкалось человек двадцать потерпанных вида мужчин. Ждали состав с ранними яблоками.

— Эй, малый! Нам в бригаду человек нужен, — позвал краснолицый детина в презентовой куртке, надетой на голое тело, но с портфелем-дипломатом. — Пойдешь?

— Пойду, — согласился Костя.

В бригаде у него было шестеро. Все, кроме Кости, жили по соседству. К одиннадцати часам, к открытию магазина, они рассчитывали заработать по пятерке на брата.

Вышел начальник станции. Он записал фамилии бригадиров в общую тетрадь и собрал паспорта.

Маневровый тепловоз притащил состав к пакгаузу. Начальник сорвал пломбы, откинул засовы, откатил тяжелые двери. Грузчики тотчас разбили один ящик и нагрузили яблоками принесенные с собой авоськи — по одной сумке на человека разрешалось вынести официально.

Приялись за работу: таскали ящики в пакгауз и ставили на весы. Там начальник орудовал гирями и записывал вес в амбарную книгу. С весов ящики носили к дальней стене и укладывали в штабели.

Острые ребра ящиков скоро натерли Косте плечи. Тара была старая. Несколько ящиков сразу развалились, яблоки покатились по земле. Яблоки и доски никто не убирал. От растоптанных яблок разливался винный аромат.

Разгрузив первый вагон, сделали перекур. Взялись за второй.

Тут Костя не повезло: он с размаху наступил на доску с торчащими гвоздями. Один гвоздь проткнул тонкую подметку и глубоко вонзился в ступню. Но ранка была маленькая, и кровь почти не шла.

— Надо к врачу идти, — сказал начальник.

Но уходить Костя не хотелось: потом попробуй получи заработанное. Да и много ли он наработал!

Татуированный бригадир осмотрел его ступню и сказал:

— Ерунда. Поди помочись на это место — лучшая дезинфекция. Испытанный метод, не сомневайся.

Костя так и сделал. Сначала нога совсем не болела. Потом стало невозможно ступить. Понемногу он приучился опираться только на пятку...

Вагоны пустели один за другим, а штабеля в пакгаузе подступали теперь к самым весам.

Закончили в одиннадцатом часу. Начальник станции запер пакгауз и увел бригадиров оформлять накладные.

Грузчики сидели у диспетчерской и, покуривая, ждали денег. Наконец вышел бригадир и отсчитал каждому его долю. Вышло почти по шести рублей.

Грузчики расходились, прихватив свои авоськи с яблоками.

— Ты с нами? — спросил Костя бригадир.

— Нет, остаюсь.

— Что так?

— Деньги нужны.

— Брось: всех денег не заработкаешь!.. А тебе много ли надо?

— Много. Двести рублей.

— Ого! Это сумма... Тогда прощай. Приходи завтра, опять в одной бригаде будем.

Начальник станции кричал грузчикам вслед:

— Следующий состав подойдет к двенадцати. Приходите! — И добавил, повернувшись к Косте: — Беда с этим народом! Утром зарабатывают на виндо — и привет! А днем где я людей возьму? Вечером и ночью полегче: студенты подрабатывают, многодетные... А ты остаешься? Вот и молодец!

Костя сел на зеленом откосе. Прямо под его ногами из обломков кирпича была сложена надпись «Счастливого пути!». На противоположном откосе — «Добро пожаловать!».

С этого вокзала Костя каждое лето уезжал на каникулы к тетке и, должно быть, видел эти надписи, сидя у окна вагона.

В работе он не думал о Морковине. Теперь же иных мыслей не было. Он не пытался им сопротивляться, знал, что бесполезно. Час ожидания состава измучил его.

Он разгружал вагоны в полдень, потом в четыре часа, потом в семь и в одиннадцать — уже в свете прожекторов. Ночевал в зале ожидания того же вокзала на скамье. Он ложился на тот бок, где в кармане, зашипленном английской булавкой, были деньги.

Так прошел и другой день, и третий, и четвертый. Костя научился таскать ящики и ловко вязать их в штабели. Грузчики прозвали его «Хромым» и часто выбирали бригадиром.

На вокзале он тоже примелькался. Даже милиционеры перестали будить его по ночам и проверять документы, хотя он зарос щетиной и обтрепался.

Через неделю после бегства из Морковина Костя пересчитал содержимое заполненного кармана и покинул Южный вокзал.

Костя Протопопов никогда специально не интересовался трипками. Но из разговоров в общежитии знал, у кого можно купить и за сколько.

Он позондил в дверь многонаселенной квартиры в центре города. В щелку, не снимая цепочки, выглянула долговязый парень в дымчатых очках.

— Тебе чего? — удивился он, увидев перед собой небритого и помятого клиента.

— Мне Севу нужно. Он дома?

— Ну, проходи, — протянул парень и повел Костю по длинному коридору, лавируя между холодильниками, детскими колясками, велосипедами и сундуками.

Вошли в комнату. В креслах у журнального столика Костя увидел еще двоих, они играли в карты. В бокалах недопитое вино, пустая бутылка на полу.

— Здравствуйте, — поздоровался Костя. — Кто тут Сева?

Тотчас коротышка повернулся к соседу, румянуюмому толстяку. Спросил, не глядя на Костя:

— Это что за чучело?

Толстяк, как переводчик, обратился к Косте:

— Ты кто, парень?

— Я из Морковина, — ответил Костя. Он не знал, как точнее отреагировать.

Коротышка опять спросил через толстяка:

— Что ему надо?

— Тебе чего, парень? — улыбаясь, перевел тот.

— Мне джинсы нужны. «Вранглер», новые...

— Размер?

— На меня.

Коротышка впервые прямо посмотрел на Костя. Взгляд у него был холодный, оценивающий. Потом он кивнул толстяку:

— Достань ему сорок шесть с половиной, там, на нижней полке.

— На нижней? — зачем-то переспросил толстый.

— Я же сказал: на нижней! — раздраженно повторил коротышка.

Толстяк ушел в дальний угол, отгороженный шкафом, и тут же вернулся с полиэтиленовым пакетом в руках. Коротышка взял у него пакет и резво выскочил из кресла.

Сева был горбун. Большой горб, свинцовый на левую лопатку, делал его похожим на мелкую птицу с подбитым крылом.

— Смотри, запечатанные. Мерить будешь? — Он крутил пакет перед носом у Кости и тыкал чрезмерно длинными пальцами в этикетки.

— Не буду мерить, — выговорил Костя. Ему хотелось поскорей уйти.

— Гони две сотни и носи на здоровье! — сказал горбун.

— Сто восемьдесят, — возразил Костя.

— Зимой приходи, будет сто восемьдесят. А сейчас у нас двести!

Костя отсчитал деньги, схватил джинсы и торопливо зашагал к выходу, цепляясь за велосипеды и детские коляски.

Он вернулся в ту пору, когда морковинские обитатели обычно пьют чай и обдумывают планы на вечер. В четвертом корпусе ничего не обдумывали, а ждали приглашений.

Когда Костя вошел в комнату, на него посмотрели опасливо, но с любопытством.

Любые не было. Не было ее вещей, ее запаха, не было тепла и света.

— Протопопов, ты что, дурак? — спросила его наконец Ленка, самая старшая в комнате. — Она тебя ищет, по несколько раз в день про тебя спрашивает... А ты?!

— Где она? — спросил Костя охрипшим голосом.

— Уехала!

— Как уехала?

— Очень просто — сессию завалила, будет осенью пересдавать. А все ты! — Ладно тебе, Лен, — остановила подружку Натка. — Кость, ведь Люба только недавно уехала. Ты поезжай, может, догонишь. Автобус-то ушел, а на электричку, наверное, успеешь...

Костя медленно покачал головой: нет, так бывает только в индийских фильмах — он бежит по перрону, и она бросается ему в объятия с площадки последнего вагона...

Леха Чумак заметил Костя из окна и как был, в плавках, выскочил навстречу.

— Старикан, я тебя поздравляю! Она прелест! — заговорил он, обняв Костя за плечи, как лучшего друга. — Нет, без дураков, чудесная девушка... Постой, а где ты пропадал столько времени? Она места себе не находила. Знаешь, к ней тут пробовали подкатиться некоторые, но я им намекнул... — И он согнул руку в локте, демонстрируя бицепс.

— Вот джинсы, — перебил его Костя и вручил пакет. — Твои-то у меня украли. Ага. В тот же вечер. Вот такая история. Ты уж извини...

И он зашагал дальше.

А Чумак, задумчивый, вернулся в свою комнату. Он повертел в руках Костину покупку и вдруг выругался и с силой швырнул пакет под кровать. Даже не вскрывая пакета, было видно, что это липа: к нашим джинсам из ткани «Орбита» были пришиты поддельные ярлыки.

Было окно он видел, как топает к своему корпусу Костя, словно глину ногами месит.

— Эх ты, недотепа! — пробормотал Чумак.

Войдя в свою комнату, Костя хотел повалиться на кровать. Но на его постели сидела Ленка.

— Очень хорошо, что никого нет, — сказала она. — Я не хотела при всех. На, это от нее записка.

Ленка протянула ему бумажку, свернутую наподобие фантика.

— Ей-богу, не хотела даже отдавать, — говорила Ленка, не глядя на него. — А потом подумала: вроде ты не такой скотина, как некоторые. Может, ты и не виноват...

Костя зажал бумажку в потном кулаке. Что там: прощай?

— Ладно, я пошла. — Ленка поднялась и, все так же не глядя на Костя, вышла из комнаты.

Он развернул этот детский фантик. И появилась она. Запах, тепло и свет. Звучание голоса. Костя еще не прочел ни строчки, ни одного слова не дошло до его сознания. Он лишь видел перед собой листок, испещренный буквами. Ее буквами. Каждый значок был ею — маленькой девочкой по имени Любовь.

ЗЕМЛЯ МОЯ-СУДЬБА МОЯ

Людмила МОСИНА,
рабочая,
Кременчуг

Олег КОРНИЕНКО,
военнослужащий,
Сызрань

Пылающий гранит

Посвящается 40-летию Победы

Гранит, от пыли потемневший,
Хранил мелодию тиши,
А я стояла, онемевши,
На горькой памяти межи.

Пылали каменные списки —
Четыре черные весны.
Смотрели кровью с обелиска
Отчизны верные сыны.

Страстились холодом и болью
Четыре черные весны,
Напомнила нам с тобою
Об отгремевших днях войны.

Из строчек черных вопрошали:
«Светла ли жизнь теперь у вас?»
И лица в камне оживали,
Мой долгий слушая рассказ...

Гранит, в сто крат испепеленный,
Смеялся смехом в сорок лет!
«За это стоит быть сожженным!» —
Таков был воинский ответ.

Вставало солнце над землею,
Смеялись в трауре цветы.
Огонь прикрыть своей спиной —
Так мог бы сделать я и ты!

Валерий КАЗАКОВ,
военнослужащий,
Киров

Я на запад не шел.
Я не мок по траншеям,
не носил кубарей,
не курил самосад.
Я родился, и жил,
и вытягивал шею,
восхищенно читая
названия наград.

Только все ж в мою кровь
просочилось железо,
что в себе много лет
носят наши отцы.
Их медали,
как будто бы линии среза
той победы,
где выжили с ними и мы.

Вячеслав НИКИТИН,
физик,
Норильск

Мой суровый Таймыр,
Край прозрачных озер,
Многокрасочный мир,
Лебединый простор.

Комарина звенья,
Полыханье жарков,
Нескончаемый день,
Бесконечность веков.

Сергей ЦЫПЛАКОВ,
рабочий,
Москва

В Италии

В Риме — папы.
В Венеции — дожи.
Много здесь непохожих дворцов.
Незаметно неделю я прожил
В этом крае менял и купцов.

Только, знаешь,
На Родину тянет
Эта вечная синь в небесах...
Столько золота нет в Ватикане,
Сколько осеню
В русских лесах.

Петр КАТИН,
архитектор,
Москва

Зимы

Светает.
Оттепель.
И снова
Черны овраги и холмы.
Вороны вются бестолково...
Декабрь. Четвертый день зимы.
Шоссе.
Поселок за рекою.
Вдали — тепличный комбинат.
Дымит котельная труба...
А сорок с лишком лет назад
Стоял бурьян по склонам лога,
Кусты темнели вдоль реки,
Петляя узкая дорога,
Шли на восток грузовики
тяжелой, чуткой вереницей.
И было жутко жить и ждать...
Уже мороз стоял за тридцать,
А по ночам — за тридцать пять...
И до рассвета над дорогой
скользили тусклые огни...
И острой полнились тревогой
короткие скупые дни...

САМОДЕЛЬНЫЙ
МИКРОМОТОЦИКЛ
«КУЗНЕЧИК»
ЛЕТОК И УДОБЕН.
В ЕГО КОЛЯСКЕ
МОЖЕТ РАЗМЕСТИТЬСЯ
ПАССАЖИР
ИЛИ НЕВОЛШОЙ ТРУЗ.

БЕЛЫЙ ГОЛУБЬ —
СИМВОЛ МИРА И ДРУЖБЫ —
ВСТРЕЧАЛ
ПОСЕТИТЕЛЕЙ ВЫСТАВКИ.

Фото Владимира
ВАСИЛЬЕВА

С ПОМОЩЬЮ
«ЛЕТАЮЩЕГО КРЫЛА»
РАЗРАБОТАННОГО
СТУДЕНТАМИ МАИ,
МОЖНО ОБСЛЕДОВАТЬ
ТРУДНОДОСТУПНЫЕ
РАЙОНЫ С ВЫСОТЫ
ПТИЧЬЕГО ПОЛЕТА

ДВА СЮЖЕТА НТТМ

Станислав ЗИГУНЕНКО

НТТМ... Это сокращение понятно миллионам. Сегодня в одной лишь столице научно-техническое творчество молодежи — это работа свыше 900 000 молодых специалистов, производственников, ученых, студентов, учащихся ПТУ и школьников.

Наш рассказ лишь о некоторых из полутора тысяч экспонатов выставки НТТМ Москвы и Московской области, проходившей в универсальном спортивном зале «Дружба» в Лужниках.

За консультацией — к компьютеру!

— Укажите вашу фамилию... Я назвался.

— Какова сумма углов треугольника?... Сто восемьдесят градусов.

— Это на плоскости. А на сфере?

Я задумался. Помню, что вроде меньше 180 градусов, но на сколько?...

— Ответ неверен. Сумма углов сферического треугольника больше 180 градусов.

— Да вы не стесняйтесь, — пришел мне на помощь один из создателей «электронного экзаменатора», старший инженер кафедры геодезии и методов обработки измерений МИГАИКа Борис Грибанов. — Если что-то не знаете, можете запросить консультацию у компьютера. И он ответит. Вот, пожалуйста.

На телевизоре дисплея тут же высвечивалось: «В каждом сферическом треугольнике сумма углов заключена между 180 и 540 градусами...»

Обучающими машинами сегодня уже

трудно кого-то удивить. Помощь ЭВМ используют при обучении водителей и машинистов, летчиков и космонавтов, диспетчеров Аэрофлота и капитанов дальнего плавания... Компьютеры даже выставляют оценки за приемные экзамены во многих вузах. И все-таки система, разработанная студентами и преподавателями Московского института инженеров геодезии, аэрофотосъемки и картографии под руководством доцента В. В. Голубева и руководителя УВЦ А. Г. Молокова, имеет свои отличия.

— Основное отличие — в иной элементной базе, — продолжал рассказывать Борис Грибанов. — Обучающие системы чаще всего базируются на больших универсальных ЭВМ. Но это дорого, да и не всегда удобно. Поэтому мы решили использовать мини-ЭВМ типа «Искра». Система получилась более простой, дешевой и компактной...

И это не единственное достоинство разработки молодых геодезистов и математиков. Их система, рассчитанная на 30 рабочих мест, имеет три режима работы: обучающий, консультационный и экзаменационный. Понапачу на экране дисплея высвечиваются необходимые сведения по той или иной теме. Если вам что-то непонятно, можно отпечатать при помощи клавиатуры дополнительный запрос, и машина даст исчерпывающие разъяснения. Усвоение материала можно проверить при помощи контрольных вопросов, которые машина высвечивает на экране в конце разъяснения каждого раздела.

— Весь цикл изучения одной темы рассчитан на два академических часа, — пояснил Грибанов. — И в конце, как это положено, машина проверит ваши

знания. Вы указываете свою фамилию, отвечаете на несколько контрольных вопросов, и если ваши ответы правильны, получаете «зачет».

— Ну, а если нет?..

Вместо ответа Борис протянул мне аккуратный листок с напечатанной на нем моей фамилией. Я взглянул на него и убедился, что мои познания в теории методов обработки геодезических измерений машина оценила совершенно объективно.

Атака на пожар

— Страшное это зрелище — охваченная огнем нефтяная вышка... А пожар в лесу!.. Как погасить его? При помощи каких средств? Некоторые из них и представлены вот здесь. — С этими словами консультант выставки, сам пожарный с большим опытом, Владимир Поздняков подвел меня к стенду. — Чтобы правильно вести борьбу с противником, надо знать его силы. А значит, прежде всего произвести разведку. Если огонь охватывает большое пространство, на него лучше взглянуть сверху. Но полет над пожаром на малой высоте опасен. Поэтому лучше предварительную разведку поручить автомату.

Вот, к примеру, какое автоматическое устройство создали студенты МАИ. Представьте себе нечто среднее между дельтапланом и обычным парашютом. Под гибким профицированным крылом на стропах подвешивают контейнер с необходимой аппаратурой. Такой летательный аппарат сбрасывают с самолета или вертолета в районе пожара. Он раскрывается и, подчиняясь радиокомандам, направляет свой полет через очаг огня. По каналам телеметрии или

при помощи аэрофотосъемки пожарные через короткое время получат интересующую их информацию.

— Теперь пора высаживать десант в особо ответственных точках, — продолжал Поздняков. — Но такой десант должен действовать строго согласованно с основными силами. Но как поддерживать связи по радио, не снимая КИПа — кислородно-изолирующего прибора? В маске особо не поговоришь, а снимешь ее — недолго в дыму и задохнешься...

Выход из положения подсказали авиаторы. Нельзя пользоваться микрофоном? Используйте гарнитуру! Его чувствительные элементы укрепляются прямо на горле. Таким образом, речь пожарного остается разборчивой, даже когда он говорит в маске, и в то же время руки остаются свободными.

Хорошо, когда десант действует под мощным прикрытием. Подумали московские пожарные и об этом. Один из рукающих они предлагают оснащать разработанной ими насадкой. С ее помощью можно создать своеобразный водяной щит около 10 метров в диаметре. Принцип действия насадки довольно прост: сильная струя наталкивается на преграду специально подобранной формы. Вода распыляется и образует сплошной водяной заслон, сквозь который огню не пробиться. Под прикрытием такого заслона пожарные могут подобраться к основному очагу пожара и ликвидировать его.

— Но свою главную задачу мы все-таки видим не в ликвидации пожаров, — сказал Владимир Поздняков. И, видя мое удивление, пояснил: — Главное — сделать так, чтобы пожаров не было. Тогда и тушить будет нечего...

ГРУЗОВИК ШИРОКОГО ПРОФИЛЯ

Ян ВЛАДИН.

Фото Владимира ЧЕЙШВИЛИ.
Специальные
корреспонденты «Смены»

Продовольственная
программа:
горьковские
автомобилестроители — селу

звестен случай, ставший едва ли не притчей среди автомобилестроителей. В нашу страну приехала группа коммунистов одной из европейских капиталистических стран. Гостей пригласили побывать на советском автозаводе. На встрече зарубежные коммунисты рассказали о сельскохозяйственном кооперативе, созданном у них на родине по инициативе простых крестьян. Автозаводцы в знак пролетарской солидарности решили сделать кооперативу подарок — два только что сошедших с конвейера грузовика. Сообщили об этом гостям. Те обрадовались, стали уже было благодарить щедрых хозяев, но, узнав, на каком топливе работают машины, подарок отклонили, деликатно объяснив, что кооператив быстро разорится, если его рабочие будут ездить на машинах с бензиновыми двигателями.

Случай этот довольно точно характеризует ситуацию, сложившуюся на мировом автомобильном рынке. Как бы хороши и дешевые ни были машины, работающие на бензине, они не конкурентоспособны на внешнем рынке, ибо бензин большинству наших зарубежных партнеров попросту не по карману. Но ведь и наши сырьевые ресурсы небезграничны, и, заглядывая в день завтрашний, мы уже не можем об этом не задумываться. Дизельное топливо значительно дешевле чистого бензина, не требует сложной технологии очистки. Так что будущее за дизелями.

К слову сказать, наша автомобильная промышленность неуклонно наращивает темпы выпуска дизельных грузовиков. Уже сегодня из 24 производимых заводами моделей 16 работают на дизельном топливе.

Итак, мы на Горьковском автомобильном заводе производственного объединения «ГАЗ», где недавно государственной комиссией принят новый грузовик. Это автопоезд, состоящий из самосвала и самосвального прицепа — первенец серии горьковских дизелей. Впрочем, их уже немало, счет новых машин идет на десятки, они работают в опытных хозяйствах, проходят испытания на полигонах, украшают экспозиции советских отделов международных выставок. Но на заводе говорят о модели пока лишь в единственном числе.

Жизнь дизеля началась в воображении, а затем в эскизах заводских дизайнеров, продолжилась на кульманах конструкторов. Потом были опытные образцы. Сначала отдельных узлов и деталей, а вскоре и машины полностью.

Надо заметить: создавался дизель для вполне конкретной отрасли — сельского хозяйства, и участвовать ему в решении вполне конкретных задач, выдвинутых Продовольственной программой. Генеральными заказчиками горьковских автомобилестроителей впервые выступили Министерство сельского хозяйства СССР и Госкомсельхозтехника. Им нужна широкопрофильная машина, способная работать в спарке с зерно- и картофелеуборочными комбайнами, перевозить зеленую массу, удобрения, стройматериалы и прочее. Уже по собственной инициативе горьковчане направили в колхозы и совхозы страны, расположенные в различных климатических зонах, специальную исследовательскую группу. В задачу ее входило выяснить, какие требования предъявляют к дизелю те, кому предстоит на нем работать. Своеобразные пресс-конференции были проведены более чем в ста хозяйствах, и конструкторы получили портрет будущей машины. Именно им они впоследствии руководствовались.

Характерная деталь: большинство создателей нового автомобиля молоды, им нет тридцати. Так

получилось, что начало активных конструкторских поисков совпало по времени с приходом на завод большого числа выпускников вузов. Дизель стал для молодых конструкторов первой серьезной самостоятельной темой.

Современная машина любого профиля — труд огромного коллектива. Канули в Лету времена, когда исследователи-одиночки удивляли мир плодами многолетних раздумий. Нет сейчас одиночек, слишком жесткие временные рамки, отведенные на создание технических новинок. Даже группе конструкторов было бы не решить огромный комплекс проблем, связанных с разработкой новых моделей. Здесь нужны силы куда мощнее — целые КБ, лаборатории, опытные цеха. Каждый узел дизеля, каждая его система имели своих разработчиков. Вот почему о компоновке кабины дизеля мы разговаривали с конструктором Владимиром Кульковым, о проблемах доводки автопоезда — с Павлом Маловым, о клапанных механизмах — с Сергеем Тимофеевым, о системах пуска двигателя — с Николаем Золотаревым, о принципах отопления кабины — с Валерием Евсяковым, о кузове — с Владимиром Давыдовым.

Это, повторяю, в порядке вещей. Свести же модель в единое целое предстояло главным конструкторам Александру Дмитриевичу Просвирину и Александру Михайловичу Бутусову. От Бутусова мы услышали общую характеристику автомобиля:

— Дизель очень надежен в эксплуатации, требует вдвое меньше времени на техническое обслуживание и перевозит вдвое больше груза по сравнению с предыдущей моделью грузовика, выпускаемого заводом. Пятиступенчатая коробка передач позволяет автопоезду двигаться со скоростью от 2 до 80

МНОГИЕ ТЫСЯЧИ КИЛОМЕТРОВ
ДОЛЖНА ПРОЙТИ
НОВАЯ МАШИНА ПО ПОЛИГОНУ,
ПРЕЖДЕ ЧЕМ ЕЕ РЕКОМЕНДУЮТ
К СЕРИЙНОМУ ВЫПУСКУ.

НА ИСПЫТАТЕЛЬНОМ
СТЕНДЕ —
ДИЗЕЛЬНЫЙ ДВИГАТЕЛЬ.

КОМФОРТ
И ЭЛЕГАНТНОСТЬ —
ПОНЯТИЯ СОВМЕСТИМЫЕ.

КАЖДЫЙ УЗЕЛ —
НОВОЙ МОДЕЛИ —
ПЛОД
КОЛЛЕКТИВНОЙ МЫСЛИ.

километров в час. Устойчивая минимальная скорость особенно важна при работе с уборочной техникой. Высокая проходимость — гарантия того, что автопоезд не увязнет в распутице на сельских дорогах. Двухконтурная, пневмогидравлическая тормозная система надежно оберегает водителя от неприятностей при езде в горах, на отлогих участках дороги.

У автопоезда немало преимуществ перед другой автомобильной техникой, он, например, оснащается комплектами надставных бортов, которые сводят на нет потери груза во время транспортировки, позволяют полнее использовать возможности, заложенные нами в машине. Кстати, платформа самого автомобиля опрокидывается как назад, так и набок, а платформа прицепа — на обе боковые стороны. Причем управляются платформы непосредственно из кабины. Важнейшее преимущество машины — использование дизельного топлива, тем самым мы добиваемся унификации горючего для техники села. Наконец, шестицилиндровый двигатель, созданный нашими конструкторами, очень экономичен.

Об эксплуатационных качествах машины Бутусов посоветовал поговорить непосредственно с теми, кто ее испытывал. Испытатель — надежный помощник конструктора, он обязан чувствовать, как говорится, машину нутром, нервами, уметь распознавать скрытые дефекты раньше, чем они дадут о себе знать.

— К хорошей машине водитель быстро привыкает, теряет объективность в оценке работы ее систем, — говорит Евгений Тихомиров. Он прошел на дизельном грузовике уже не одну сотню тысяч километров. — Для испытателей привычка — недопустимая роскошь. Как бы мне ни нравилась модель, я не имею права «прощать» ей малейший дефект, закрывать глаза на любой из недостатков. Впрочем, в третьей серии дизеля недостатков практически нет.

— В третьей? — переспрашиваем.

— Ну да. Мы начали рабочие испытания дизеля в 79-м. Это был прообраз нынешней машины. В 81-м появилась вторая серия, улучшенная. На ней провели заводские испытания — 30 тысяч километров. Гоняли эти же автомобили на форсированный ресурс целых девять месяцев на автополигоне. Накатали 300 тысяч. На них же сделали еще 120 тысяч километров, испытывая ресурс двигателя. По результатам испытаний конструкторы создали третью серию дизеля, учитывая замечания водителей и объективные рекомендации специалистов. Были улучшены обзорность, приборная панель, система запуска двигателя, повысились прочность автомобиля.

...Мы выехали из ворот завода на улицу. Ощущение в кабине такое, будто сидишь в прозрачном куполе. Это благодаря очень хорошему обзору. Неровность дороги почти не ощущалась — прекрасная амортизация, кресла водителя и пассажира подогнаны по фигуре и могут менять положение. Евгений продемонстрировал работу системы воздушного охлаждения, обогрева и вентиляции кабины — сработала безукоризненно: тепла, по его словам, хватает, свежего воздуха тоже. Надо отметить, что дизельный двигатель с горьковской маркой практически не загрязняет атмосферу благодаря надежной системе сгорания топлива. Вообще комфортные качества кабины автомобиля очень высоки, чуть ли не выше, чем в «Жигулях». Так и было задумано. Ведь дизельный грузовик — машина, которой предстоит шагнуть в третье тысячелетие. Остановились у автоматов с газировкой. Тихомиров вышел попить. Его тут же окружили прохожие (так бывает всегда: злегантный, яркий грузовик притягивает внимание), посыпались вопросы: «Какая фирма?», «Сколько сил?», «У какой страны купили?». Тихомиров ткнул пальцем в капот, где красовался фирменный знак Горьковского автозавода, проворчал:

— Какая фирма... Наша, советская, не видите разве? — Уже взявшись за руль, добавил: — Обидно, увидят что-нибудь необычное, яркое — значит, иностранного производства.

По предварительным подсчетам, применение в сельском хозяйстве автопоездов позволит сэкономить в год до 370 тысяч тонн топлива и сократить потребность водителей на 22 тысячи человек. Но не только в этом выигрыш. Повышение работоспособности водителя, абсолютно уверенного в своей технике, — это тоже немалый плюс.

Остается добавить, что испытания подходят к концу. На заводе полным ходом идет строительство новых корпусов и линий, предназначенных для выпуска новых грузовиков. Впрочем, машина №1, собранная объединенными усилиями всего коллектива ГАЗ, уже сошла с конвейера. Это было в день Ленинского субботника. Принято по традиции желать новому автомобилю доброго пути. И хоть не страшны горьковскому дизелю ухабы, пожелаем ему и мы все-таки хороших дорог.

Борис БРУСИЛОВ, ответственный секретарь штаба всесоюзного конкурса «Движение для здоровья»

тайка мальчишеск порхала с места на место по территории небольшого, уютного стадиона, который в этот субботний июльский день был почему-то совершенно пуст. Они вдоволь побродили по трем футбольным полям. На некоторое время «прикрепились» было к однокомнатному авиамоделисту, но у его модели никак не запускался мотор, и глазеть на него бесплодные старания не было никакого интереса. Потом на их пути выстроилась серия добрых площадок — гиродоща, ОФП, волейбольная, баскетбольная. Однако пристроенная здесь же каптерка, где, по-видимому, хранились главные сокровища этого комплекса (сетки, мячи, биты и т. п.), молчаливо давала всем от ворот поворот, демонстрируя внушительных размеров висячий замок.

Я настиг их неподалеку от водопойного фонтанчика и фотостенда, где под стеклом желтели кадры зимних соревнований.

— Что, ребята, скучновато?

Мальчишки шарахнулись от взрослого, неожиданно обрашившегося с вопросом.

— А что, мы ничего! Смотрим.

— Да вы меня не бойтесь, я тут не работаю. Ну, и что хорошего видели?

— Соревнования были тут недавно. Человек сорок с фабрики приходили стометровку сдавать. Умора!

— Что ж смешного? Бегали плохо?

— Да нет, не в том дело. Инструктор у них сильно деловой. «Посерьезней», — говорит, — товарищи. Чем организованнее проведем мероприятие, тем быстрей разойдемся». Ну, они и провернули все за час. Потом пошли кто по домам, кто загорать, кто «козла» забить, а кто во-он туда...

Я посмотрел в указанную сторону. В примыкающей к одному из футбольных полей бересковой рощице было заметно какое-то движение, слышались мужские и женские голоса, на полянку то и дело выбегали оттуда дошкольники в трусиках и панамках. Ага! «Папа, мама, я — спортивная семья!» Чему же еще тут быть? И я храбро зашагал в том направлении, на ходу доставая блокнот и авторучку. Впрочем, еще не доходя до рощицы, все это поспешно спрятал и прикинулся случайным прохожим. Стрелки часов показывали 13.30. Початые и еще не раскупоренные бутылки почти не отбрасывали теней. Малыши ловили бабочек. Их родители «ловили кайф».

Средь бела дня уютный стадион «Труд» подмосковного городка Ивантеевки терпел бедствие. С этой минуты он стал казаться мне кораблем, получившим пробоину ниже ватерлинии. Впечатление усиливалось тем, что «судно» было покинуто своим «капитаном» (директор Н. Коршунова в разгар лета ушла в отпуск).

Есть стадионы, напоминающие красивые безделушки. От яркой зелени газона больно глазам. Заботливая ухоженность, чистота и прямо-таки витринное сверкание во всем, но на каждом шагу вы словно читаете невидимую надпись «Руками не трогать!» и вскоре перестаете удивляться тому, что пустует этот «цветущий оазис»: живительного источника-то здесь и нет вовсе, одни декорации, бутафория...

Для стадиона, как и для человека, внешность важна, но важнее то, что «за душой». Говорят, в каждом деле можно найти романтику, сделать свою работу вдохновенным творчеством. Надо только любить свою профессию и в совершенстве владеть ею. Прежде мне казалось, что будни администратора спортивной базы здесь в счет не берутся. Тем более если речь идет о маленьком стадионе в маленьком же городе. Я так и слышу жалобные причитания некоторых знакомых мне администраторов о коварных шефах, которые только и мечтали, как бы «спихнуть базу с баланса», о скучности фондов и отсутствии материалов, о «белочном колесе», в коем крутится директор, да о «Тришином кафтане», олицетворяющем собою бесконечные заботы об обслуживании и ремонте стадиона. Какое уж тут, помилуйте, творчество, какая романтика?

Но встреча с Василием Матвеевичем Кошелевым — директором стадиона «Энергия» в Новой Каховке — в корне изменила мое представление о директорской доле. Его биография во многом объяснила неугомонный и волевой характер. Вот некоторые ее страницы: 16-летним юнгой на одном из судов Главсевморпути Кошелев участвовал в спасении ледокола «Седов». В Великую Отечественную он — артиллерийский офицер, которому под Сталинградом было доверено командовать батареей реактивных гвардейских минометов.

Вполне обеспеченный пенсионер, он мог бы спокой-

но жить на заслуженном отдыхе в Новой Каховке. Да только жить спокойно этот человек не умел и не хотел. Возглавив работу жильцов по озеленению и благоустройству двора, он сделал двор образцовым. Его хозяйственными и организаторскими способностями заинтересовались в горисполкоме и решили поручить находившийся в запущенном состоянии городской стадион заботам Кошелева. С этого момента он для многих стал человеком-загадкой. Недоумевали, чего ему не сидится в своем кабинете? Зачем ему надевать фартук каменщика или брать в руки рубанок? С какой стати он лично засучив рукава на корчевке пней, орудовал малярной кистью или сварочный аппаратом? Чего это он все бродил и высматривал на заводских свалках металлом? Да и можно ли, наконец, работать от зари до темна, и при том без всяких выходных? Вопросов, недоумений, как видим, было много, а ответ и разъяснение всему крьлись всего в одном слове — увлечность.

Хозяйственный двор стадиона стал своего рода ателье, производящим для спортивной базы всевозможные обновы. Груда спутанной проволоки, куча ржавого хлама — все это отнюдь не радует глаз. Но вот в работу пущено нехитрое приспособление для резки и выгибания труб, пошла в ход самодельная кошелевская машинка для вязания проволочной сетки, вспыхнул огонек сварки, а затем яркий слой нитрокраски лег на возвращенный к жизни и облагороженный металл... И глазам явилась новая художественная деталь в великолепном убранстве «Энергии», изготовленная по эскизам директора. Замечу, что кустарницой от всех этих изделий и не пахло. Ажурная, но добротная и прочная (или, как говорит Кошелев, «хулиганоустойчивая») ограда спортивплощадок, образцы оформления арок, стендов, клумб, сама цветовая гамма их окраски свидетельствовали о хорошем вкусе.

Василий Матвеевич поистине дня не мог прожить, не добиваясь осуществления какой-нибудь оригинальной идеи. Другие администраторы, возможно,

ВСЕ СТА

удивляются: зачем, к примеру, «Энергии» оборудовать собственную маленькую прачечную, ведь без этого обходятся и многие базы покрупнее? Но Кошелев, оказалось, все подсчитал: стирка формы будет производиться оперативнее и обойдется дешевле. То же можно сказать об афишах: зачем «Энергии» их где-то заказывать, если при стадионе есть своя «типография»? Здесь наготове металлические буквенные трафареты, рулоны бумаги и пульверизаторы с красками различных цветов. За час один человек изготавливает столько афиш, что их хватает на расклейку во всех видных местах города.

А как заботился Кошелев о посещаемости «Энергии», с каким гордым воодушевлением говорил, бывало: «У нас вчера был чуть ли не весь город!» Ну, весь не весь, а в «дни здоровья», проводившиеся регулярно по вторникам, на стадионе действительно собирались никак не менее одной пятой всех жителей Новой Каховки. Особенно много было всегда мальчишек. Одна из кошелевских идей позволила «Энергии» окончательно завоевать их сердца.

Речь идет о создании рядом со стадионом на живописном берегу реки целого комплекса футбольных полей под название «Днепр», которые были огорожены металлической сеткой, хорошо ухожены, оборудованы и использовались строго по расписанию. Причем играть здесь на равных правах могла любая команда — школьная, дворовая или заводская. Прежде всего ребятишкам «Энергия» подарила тогда и понтонный бассейн на плаву: он был сварен из ни на что другое не годных труб большого диаметра и служил одновременно купальней, пунктом обучения плаванию и местом сдачи норм ГТО.

О сдающих нормативы комплекса у Кошелева особая забота. Одним из первых он придумал вывешивать перед входом на стадион «Экран ГТО», отражающий положение дел в любом городском коллективе физкультуры.

«Ну, много ли еще в стране таких стадионов и таких энтузиастов? — спросит меня, возможно, иной читатель. — Таких, кто не показух ради, а действительно для людей старается?»

Думаю, что немало. В Тамбове, к примеру, значительную часть минувшей зимы что ни день стояла плюсовая температура. Этим явлением природы можно было на сто процентов оправдаться, поставив крест на планах заливки катка и календаре хоккейных и конькобежных соревнований. Но директор стадиона «Динамо» И. Аскarov так не поступил. Глубокой ночью, когда температура упала значительно

ниже нуля, он вышел с группой рабочих готовить лед. Трудились до утра, зато прочный панцирь толстым слоем сковал обширную площадку, и ей стали не страшны дневные оттепели. Радости городской детворы не было границ.

Директор Центрального стадиона имени Ленинского комсомола в Красноярске М. Дворкин тоже из тех, кто хочет, чтобы на спортивной базе, как он выражается, «каждый час, каждую минуту кипела жизнь». Этот крупнейший в Сибири стадион предоставил все свои лучшие арены детям. Учителя окрестных школ стали проводить здесь уроки физкультуры, воспитатели детсадов — занятия с дошкольниками. Нужно ли объяснять, во сколько раз увлекательнее и плодотворнее стали уроки? И можно ли оценить в двух словах степень благодарности родителей? В сооруженном специально для малышей небольшом бассейне и «лягушатнике» с подогревом воды здесь получают закалку и первые навыки плавания тысячи маленьких красноярцев.

На стадионе имени В. И. Ленина в Ленинграде картина в этом отношении не менее впечатляющая: на всех его аренах полными хозяевами чувствуют себя, например, рабочие Балтийского морского пароходства, 4-го и 5-го автопарков, объединения «Рудогеология» и, конечно же, учащиеся всех школ Выборгского и Петроградского районов.

Вряд ли кто сейчас станет спорить, что самая действенная и перспективная форма приобщения населения к физкультуре на стадионах — создание многочисленных и эффективно работающих групп здоровья. На такой флагманской базе страны, как Центральный стадион имени В. И. Ленина, число их в отдельные годы превышает 350. На днепропетровском «Метеоре», бывает, доходит до 100. Даже сравнительно небольшой стадион «Красное знамя» в Гродно насчитывает таких групп 20 и, по существу, удовлетворяет потребности близлежащего микрорайона. Но если стадион только и сделал, что «отметился» на этом участке работы и, чтобы отчетность его

А как беззастенчиво тянут строители резину с реконструкцией стадиона «Локомотив» в Мичуринске! Согласно решению местного исполкома, работы должны были завершиться еще в 1982 году, но и по сей день ведущий центр конькобежного спорта в городе не вступил в строй.

Как бы наряды ни были современные города, какие бы архитектурные обновы и украшения ни появлялись у них с каждым годом, но овальная изумрудная брошка стадиона никогда не выйдет из моды. Вы можете восхищаться размахом новой площади, шеренгой высотных зданий или фантастическим сооружением — цирком, похожим на приземлившуюся корабль космических пришельцев. Но если увидите, что старый городской стадион всеми забыт, запущен и жалок, то, уверен, от ваших прежних восторгов не останется следа. А может быть, и протест поднимется в вашей душе, какой возникает против щеголей и франтов, готовых ради модной тряпки лишить своих домашних самого необходимого.

И все же, повторю, не от каких-то зачастую абстрактных меценатов зависит благополучие стадиона, а прежде всего от людей, непосредственно им управляющих. Вот как это можно проиллюстрировать на судьбе центрального стадиона «Шахтер» в Донецке. В течение 1978—1980 годов на его капитальный ремонт и частичную реконструкцию было израсходовано около двух миллионов рублей. Вся страна узнала из печати, что футбольное поле «Шахтера» будет в любое время года нежно-зеленым, как в субтропиках, что ему не будут страшны ни мороз, ни снег, ни оледенение, ни засуха, потому что под ковром травяного газона расположена целая сеть хитроумных трубчатых коммуникаций для искусственного орошения и подогрева почвы.

Итак, деньги затрачены, работы проведены, и что же? Ничто не подогревается, и ничто не орошается, потому что вода через подгазонную трубчатую систему по непонятным причинам не течет. И наоборот, она почему-то течет со стен и потолков подтрибуных

Но нет, за многие годы «Авангард» снискал себе репутацию лучшего друга юных жителей города. Сегодня он содержит пять детско-юношеских спортивных школ. Учебный процесс не прекращается в этих ДЮСШ и летом: стадион построил для ребят два оздоровительных лагеря.

А вот уж совсем новое — детские спортивные клубы по месту жительства, созданные стадионом в жилых кварталах, расположенных в добром десятке километров от него. У «Авангарда» четыре таких клуба. «Богатыри», например, организован при жилом квартале имени 50-летия Октября. Горжилуправление выделило помещение. Стадион обеспечил его спортивную «начинку», и не без хозяйственного расчета. Старый борцовский ковер давно уже был списан и уничтожен: слишком пообретался и для большого зала не годится. В небольшом же помещении эжковской секции борьбы он после некоторой переделки смотрится отлично и послужит еще не один год.

Около тысячи ребят охвачены регулярными занятиями в спортивных клубах, созданных стадионом в жилых кварталах города. Часть тренеров, работающих с ними, — в штате «Авангарда». Часть — общественники. Но вот что важно: каким бы видом спорта ребенок ни занимался — боксом, борьбой, велосипедом, физкультурой катанием — никто и никогда не отчислит его из секции за «неперспективность», главное — чтобы ему было интересно, чтобы была охота к занятиям и чтобы в школе успевал.

Впрочем, не первый год ведет стадион свое «мирное наступление» на жилые кварталы, захватывая плацдармы то на улице Кошбайнского, то на Тульской, то в кварталах Восточном или имени 50-летия Октября. И надо сказать, что горжилуправление действует в контакте с «Авангардом», в частности, когда проводит собственные традиционные спартакиады коллективов, созданных по месту жительства.

Медкабинет или даже диспансер на стадионе — тоже вроде бы вещь обыкновенная. А на «Авангарде» и медицинская служба несет особую физкультурную вахту. Здесь в подтрибуунном помещении оборудован зал лечебной гимнастики. Из многих школ горздрав-отдел направляет сюда ребятишек с врожденными пороками сердца, с искривлениями позвоночника и прочими недугами, а выписываются они отсюда, как правило, с допуском к занятиям на школьных уроках физкультуры. Многие взрослые, перенесшие инфаркт или страдающие от гипертонии, тоже благодарны медикам стадиона. Число людей, прошедших в зале лечебной гимнастики соответствующий курс, исчисляется тысячами. Половина из них — дети до 14 лет.

Не менее, чем медицинские учреждения, стадиону благодарны и городские военкоматы, ведь он стал образцовой базой военно-патриотического воспитания и подготовки допризывной молодежи. Здесь к тому же проводятся и традиционные спартакиады допризывников, месячники и смотры оборонно-массовой работы. За городом стадион совместно с военкоматами оборудовал специальный военно-спортивный лагерь, где, в частности, идет и прием нормативов комплекса ГТО.

Никак не обойтись без «Авангарда» и ворошиловградским комсомольским организациям. В собственном календаре спортивных мероприятий стадиона — две традиционные спартакиады молодежи. Одна посвящена дню рождения Ленинского комсомола, другая — Дню Победы.

И горено со стадионом в дружбе. В последние годы особенно, потому что найдена интересная форма сотрудничества — организация школьных спортивных праздников на главной арене «Авангарда». Средние школы №№ 1 и 25 были «первыми ласточками», а программу по типу «Веселых стартов» им помогал разрабатывать учебно-спортивный отдел стадиона.

Хочется ничего не упустить из многогранной деятельности ворошиловградского «храма здоровья». Напомнить хотя бы о том, что здесь создавалась и базируется крупнейший на Украине клуб любителей бега «Олимп», насчитывающий только в основном своем ядре (не считая филиалов) 500 активных бегунов. Или о том, что в дни зимних и летних каникул стадион не раз организовывал на своей территории оздоровительные пионерлагеря для школьников младших классов. А территория-то — 20 гектаров (если опять-таки не считать загородные филиалы).

Итак, что же может хорошего сделать для нас такое великолепное учреждение, как стадион? Право, кажется, легче ответить на вопрос, чего он не может (ведь это «храм здоровья», а оно, согласно пословице, всему голова). Но, как, наверное, убедился читатель, для того, чтобы повсеместно пробить путь от возможного к действительному, придется еще немало побоеваться. Что ж, не впервые. Да и дело правое. В докладе товарища К. У. Черненко на июньском (1983 г.) Пленуме ЦК КПСС было сказано: «Важно, чтобы каждый человек — причем не только в рабочее, но и в свободное время — чувствовал внимание к себе. Большую роль здесь призвана сыграть, в частности, развитие массового физкультурного движения». Кому же не понятно, что внимание (отнюдь не казенное) должно исходить от истинных энтузиастов дела?

МОЙ ЕГДИОН

была в ажуре, завел пару-тройку групп, то можно смело говорить, что администрация такой базы попросту свернула в кусты с магистрального пути физкультурного движения.

Начнем с того, что в стране более 3600 стадионов, на содержание которых расходуются значительные средства. Если каждый возьмет на себя труд оздоровливать лишь по несколько десятков человек, то не слишком ли разорительной будет такая «отдача»? В свете последних данных статистики вопрос этот стоит очень остро и серьезно. Ведь, оказывается, только 4 процента людей старше 40-летнего возраста занимаются физкультурой регулярно. А вот еще более тревожная цифра: в среднем только один процент досуга современного человека посвящен занятиям физкультурно-оздоровительного характера. Чувствуете, какой непаханой целиной повеяло от этих данных? Представляете, какая нагрузка должна лечь на плечи спортивных баз (в том числе и стадионов), если спрос с них пойдет действительно по большому счету?

Археологи, не раз находившие при раскопках руины древних спортивных ристалищ, кажется, никогда еще не приходили к выводу, что то или иное из них погибло по причине некачественного строительства или бесхозяйственности при эксплуатации. Что скажут наши потомки, наткнувшись на останки некоторых наших стадионов, я просто боюсь предположить. Ну, какое, спрашивается, оправдание мы найдем развалинам стадиона в городе Волноваха Донецкой области? Ведь так или иначе потомки поймут, что волновавский стадион (его сооружение было заброшено 20 лет назад) так ни одного дня и не послужил людям.

Стадион в Теплогорске (бывшее Ирмино, родина стахановского движения) служил, напротив, долгие годы, но составился в заброшенности и при полном пренебрежении к себе. Печать — от многостражной до центральной — годами пытались сдвинуть с места его проблемы, но чехарда и обезличка в вопросах ответственности сводили на нет все усилия, и воз оставался на прежнем месте.

Открытые спортбазы города Жданова постигла та же участь. Хозяйственники старались «отфутболить» друг другу местную малорентабельную команду второй футбольной лиги и освободиться от связанных с ней забот, в результате большой индустриальный центр остался без мало-мальски приличного стадиона.

оначалу старший Шкрибляк показался мне не особенно общительным, пожалуй, даже замкнутым. Потом я понял: он молчун по природе. В разговоре всегда участвует, но в основном в роли слушателя. Приставит ладонь к правому уху и внимательно наблюдает за собеседниками. Когда необходимо его подтверждение, кивнет головой: действительно, мол, так. А если не согласен — опять одно-два слова, не больше. Пусть даже речь заходит о нем самом, о его профессии или его работах, он и тогда не меняет своей манеры разговора. Смотрит как бы со стороны, может быть, только чуть мелькнет в глазах смешок — о чем, дескать, они судачат, — да обычные свои «то так» подкрепит чуть более заметным кивком головы.

По-настоящему он оживляется только с внуком на руках. Не то чтобы становился особенно речистым, просто девятимесячный Мишка, предчувствуя скорые самостоятельные прогулки, заблаговременно тренирует ноги и неутомимо скакает на коленях у деда, тянет руками за волосы, нос, уши. А тот только успевает увертываться да тихим голосом успокаивает внука. И опять не больше одного-двух слов кряду.

Говорит за старшего Шкрибляка в основном жена, веселая и бойкая на язык Васелина Ивановна. Она так быстро сыплет словами на непривычном для моего уха гуцульском диалекте, что я порой вынужден обращаться к их дочери Олене и зятю Михаилу за пояснениями. И когда, во всем разобравшись, я для верности излагаю свою версию услышанного, Дмитрий Федорович Шкрибляк подтверждает:

— То так!

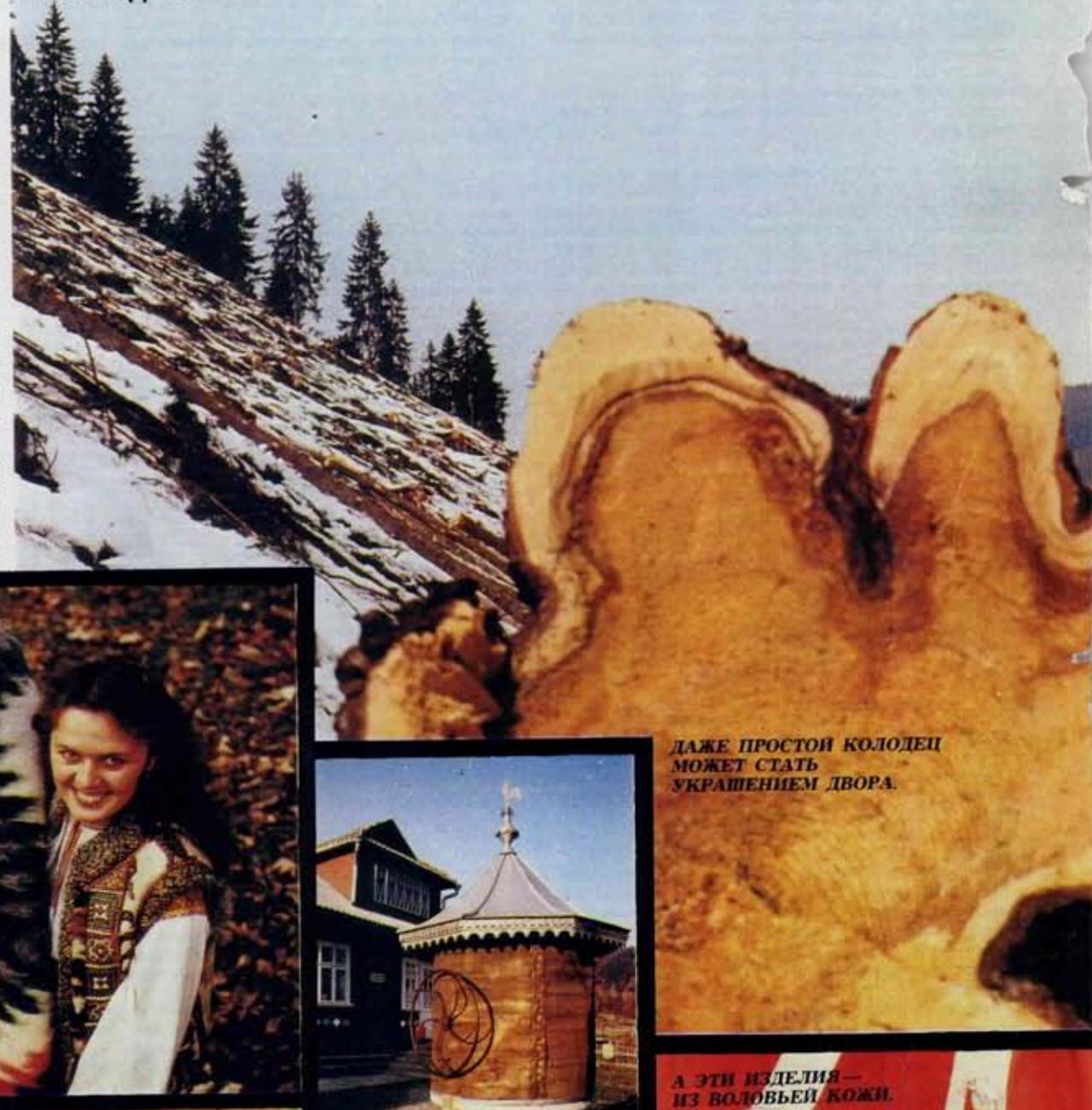
И Васелина Ивановна тут же пускается дальше, а я тороплюсь следом, не всегда поспеваю, а когда чувствую, что канва рассказа вновь ускользает от меня, прошу хозяйку чуть-чуть сбавить темп. Тогда на выручку опять приходят дочь с зятем:

— Чекайте, мама, — и подробно комментируют только что рассказанное.

— У них, у Шкрибляков, испокон веков все были резчиками по дереву, — говорит Васелина Ивановна. — Даже их фамилия отсюда пошла. Говорят, давным-давно жил в здешних местах пастух. Гонял отары на полонины, доил овец, делал брынзу. Как у всякого

КРАСКИ ВЕРХОВИНЫ

Леонид ПЛЕШАКОВ

ДАЖЕ ПРОСТОЙ КОЛОДЕЦ
МОЖЕТ СТАТЬ
УКРАШЕНИЕМ ДВОРА.

В МНОГОЦВЕТЬЕ ЛЕЖНИКОВ —
ВСЕ КРАСКИ КАРПАТ.

пастуха, была у него крепкая палка, чтоб удобнее лазить по нашим крутым склонам. Идет он следом за отарой, а сам эту палку ножичком строгает, шкрябает, по-нашему, всякие там цветочки, крестики, звездочки вырезает, птичек, зверюшек. И так у него все фантастично получалось и так людям понравилось, что стали ему заказывать такие же пастушеские трости. А самому мастеру дали прозвище Шкрибляк. Резчик, значит.

— А давно он жил?

— Очень давно. Никто точно и не знает когда. А может, это вообще легенда и такого человека никогда не было. А вот род Шкрибляков есть. И все мужчины у них были резчиками, да такими мастерами!

Прадед Дмитрия Федоровича, Юрий Шкрибляк, прославился еще в середине прошлого века. Он умер ровно сто лет назад, в 1884 году, а до сих пор его работу помнят! Три сына Юрия — Василий, Николай и Федор — унаследовали профессию и талант отца. Но Николай стал самым знаменитым из них. В конце прошлого века с несколькими другими карпатскими резчиками он был удостоен чести вести отделочные работы в императорском дворце в Вене. В столице Николай проработал года два и, когда возвращался

А ЭТИ ИЗДЕЛИЯ —
ИЗ ВОЛОВЬЕЙ КОЖИ.

ОСЕНЬ —
ПОРА СВАДЕБ.

У СТАРОГО
ВЕТРИКА.

Фото
Сергея ВЕТРОВА
и Натальи ИОЛИСА

ДАЛЕКО В ГОРАХ
СЛЫШЕН
ГОЛОС ТРЕМБИТЫ.

домой, его непревзойденное мастерство, кроме положенных денег, было отмечено личным подарком Франца-Иосифа: токарным станком и скрипкой. На все деньги Николай сразу купил землю: надо было поднимать и выводить в люди пять сынов и четырех дочерей. Скрипкой веселил народ во время праздников и свадеб. На станке работал. В те давние времена токарный станок был диковинкой в карпатских деревнях, так что к самому удачливому из Шкириляков тут же прилепилось прозвище Николай-Токорукив — Николай-Токарнорукий, или, уж если совсем по-русски, то просто Коля-Токар.

Тот немудрый токарный станок с ножным приводом, мощностью в одну человеческую силу, многие десятилетия честно служил всем Шкирилякам, но во владение переходил только к самым одаренным из них. Сначала к сыну Николая — Федору, потом к сыну Федора — Дмитрию, моему немногословному собеседнику, который, став очередным хозяином реликта кустарной «индустрии», унаследовал вместе со станком также и кличу — Токорукив, хотя претендентов на то и на другое было немало по прямой и по боковым ветвям весьма раскидистого и обильно плодоносящего генеалогического дерева Шкириляков.

Между прочим, сохранилась и дарованная венская скрипка, выжила хрупкая старушка наперекор бурным десятилетиям. Как тут не подивиться живучести вещей, нужных людям!

Понятно, что дедовский станок и дедовская кличка — красноречивое и убедительное подтверждение мастерства Дмитрия Федоровича. Но подтверждение все-таки вторичное. Признание знатоков не передается по наследству, его нужно заработать собственным трудом. Своими руками убедить сведущих в этом тонком деле людей, что ты самый достойный, первый среди равных.

Я убедился в том еще в Коломые, когда Любомир Владимирович Кречковский, главный хранитель Музея народного искусства Гуцульщины, водил меня по залам этого уникального собрания прикладного творчества Карпат, посвящая в тонкости древнего рукоисла. Слушая его рассказ, я неожиданно для себя открыл, что имею совершенно неверное, этакое облегченное туристско-экскурсионное представление об этом удивительном и, казалось, таком давно и

хорошо известном мне крае — Карпатах. Думаю, подобное заблуждение свойственно не только мне, а многим, кто не жил здесь долго, а только наезжал сюда с озией, или на отдых, или, тем паче, познавал эту землю по книгам, фильмам, песням — информации пусть объективной и правдивой, но все-таки выборочной, односторонней. Конечно, и туристские тропы, и знаменитые курорты, и лыжные базы с подъемниками и многоцветьем спортивных костюмов, и бесшабашные плотоны, и пестрые, нарядные свадьбы, и трембита, и песни Софии Ротару — все это, разумеется, Карпаты. Однако этот яркий, броский декор — только одна сторона жизни, а она, как известно, состоит не из одних праздников.

Казалось бы, Музей гуцульского искусства, где собраны самые выдающиеся, красочные и изощренные творения народных умельцев, отнюдь не способствовал разрушению стереотипов. Напротив, это буйство цвета только утверждало в прежних представлениях.

Прозрение началось вроде бы с мелочи. Путешествуя со мной по залам музея, Любомир Владимирович время от времени рекомендовал обратить внимание на тот или иной стенд, тот или иной экспонат. Если я не улавливал особой разницы между отмеченными им вещами и теми, что были рядом или в соседних залах, он начинал подробно объяснять эту разницу, подчеркивал детали и завершал свой рассказ словами:

— Это замечательный мастер! Вы чувствуете руку?

Мастеров было много. И хотя на первый взгляд их работы были на одно лицо, постепенно даже я стал понимать, как они различны. По рисунку, цвету, деталям. Мне захотелось встретиться с наиболее одаренными мастерами, и мой провожатый, не заглядывая в записи, сталсыпать адресами. Оказывается, он знал всех, а также их многочисленную родню — живых и давно почивших. И мне оставалось только записывать и намечать маршруты. На предусмотрительно захваченной мною карте Ивано-Франковской области под диктовку Кречковского я отмечал наиболее интересные села, а когда кончил это занятие, увидел, что они, к счастью, лежат довольно близко друг от друга. За один день можно побывать сразу в нескольких. Любомир Владимирович только покачал головой:

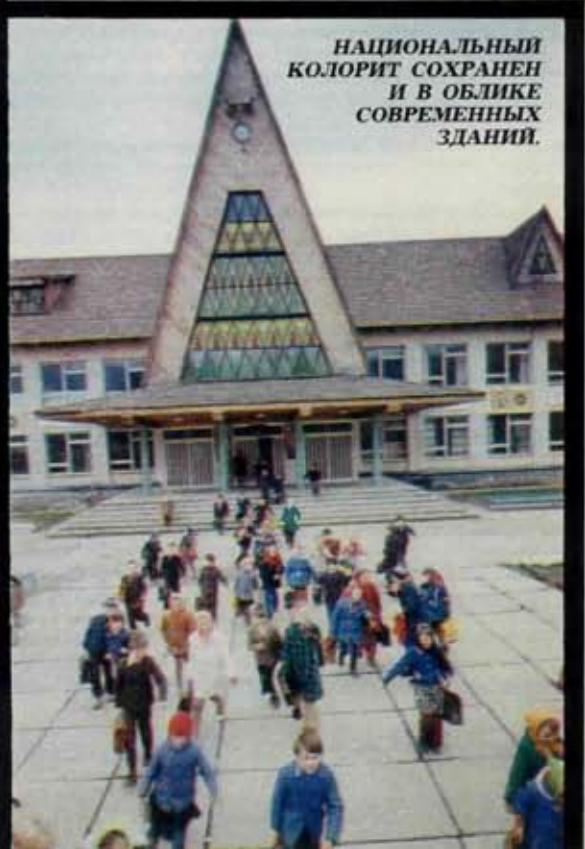
— Это по карте они рядом. А на самом деле они лежат в разных долинах, и каждый раз нужно возвращаться либо в Косов, либо в Коломыю. На это нужно время. Да и напрямую, через перевалы, тоже не скорый путь. Это же горы.

Я убедился в этом под вечер того же дня, когда с пересадкой в Косове прикатил на автобусе в село Яворов, где жил Шкириль. Предусмотрительный Кречковский на полях моей карты оставил предупреждение: сам Яворов нужно миновать, а сойти только на второй остановке — Рыбница — и, свернув с дороги, по тропе идти километра три до деревни Максимец. Он даже поставил стрелочку на самой карте, чтобы я не спутал направление.

Я не заблудился. На мое счастье, тем же автобусом возвращалась из райцентра соседка Шкириляков, она и взялась довести меня до места. Свернув с асфальта, мы стали подниматься в гору по самому краю леса, откуда сочились неприметные роднички. Тропа старательно обходила образованные ими трясинистые бочажки или с помощью мостков перепрыгивала, когда вода набирала силу, соединяясь в ручей. Вскоре появился первый дом с просторной усадьбой, окру-

НАЦИОНАЛЬНЫЙ
КОЛОРИТ СОХРАНЕН
И В ОБЛИКЕ
СОВРЕМЕННЫХ
ЗДАНИЙ.

женной изгородью из жердей. Там, где тропа упиралась в изгородь, был сделан простой и остроумный перелаз: недоступный для коровы и овцы, он был в принципе легко преодолим для человека, хотя, конечно, требовал определенных усилий и ловкости.

— Скоро ли Максимец? — спросил я попутчицу, когда мы преодолели еще один — сбился со счета какой — перелаз и вышли из очередного перелеска. Я то понимал, что она, нагруженная городскими гостинцами, выберет ближний путь, но дорога что-то уж очень подозрительно затягивалась.

— Так это и есть Максимец, — ответила она. — Вон у той фермы мы разойдемся. Вы пойдете вдоль леса и никак не сворачивайте. Второй дом и будет Дмитро Шкириляка.

Перед нами распахнулась редкая по красоте зажатая между двух горных валов долина. Сбегающие в нее склоны были покрыты то массивами леса, то белыми заплатами цветущих садов, ближе к вершинам, куда у деревьев уже не хватало сил взобраться, начинались альпийские луга. Пригретые солнцем кряжи толпились друг за другом до самого горизонта, теряя с расстоянием четкость очертаний. По долине редко-редко были разбросаны дома. Разного цвета, с просторными усадьбами, изломом жердяных оград. Они отстояли друг от друга метров на двести — триста, а то и больше.

Гора справа называлась Максимец, и речка на дне долины — тоже. Но самое удивительное — эти, казалось бы, ничем не связанные между собою хаты были деревней Максимец. Представление человека, выросшего на равнине, где дома в поселках теснятся плечом к плечу и, словно солдаты в строю, выстраиваются в шеренгу вдоль улиц, представления такого человека не могут смириться с этим раздельем и поселенческой вольницей.

— А иначе нельзя, — пояснял мне позже зять Шкириляка Михаил. — На равнине земля даже ценная, ее треба беречь, расходовать экономно, потому как она родит урожай, и там все прямо. А попробуйте у нас выбрать ровное место, чтобы поставить два дома с подворьями рядом, не найдете. Даже для одного дома нет площадки, все буераки. И прежде, чем поставить хату, нужно спланировать участок. Это одно. А у каждой семьи — свое хозяйство. Огород нужен — сбирай кусочки пологих склонов. Коров, овец пасти нужно — опять расширяй участок около дома, далеко гонять не всегда возможно, леса ведь кругом. Ну и потом традиция. Тут так привыкли: жить просторно, не мешая соседям. Чтоб «свой» бугор, «свой» родник, «свой» кусок соседнего леса был рядом.

Так повелось исстари, но и в наше время, когда многие складывавшиеся веками привычки хозяйствования могли бы и отойти в прошлое, давние традиции все-таки сохранились, и неизвестно, отомрут ли в будущем. Во всяком случае, некоторые из них, на первый взгляд патриархальные, спокойно уживаются в современном быту с электричеством, цветным телевизором, автомобилем и прочими материальными приметами индустриального века.

— Попробуйте нашего хлеба, — почтевала меня Василина Ивановна, — сами печем.

— Неужели хлеб сами печете? — удивился я.

— А я же! — не менее удивилась Василина Ивановна. — Да ж мы его возьмем?

И правда. Не находишься за ним в Яворов. Да если бы магазин поставил даже тут, в Максимце, из конца в конец мерить дорогу — не ближний путь. А как быть с подвозом в ненастье? По свежему снегу, пока не набита тропа или тракторная колея, сидят Шкириляки в своей усадьбе, как в осаде, отрезанные от всего мира толкими сугробами, которые могут умиять только на цветных открытках да, может быть, любы еще горнолыжники. Но жить среди снегов изо дня в день — совсем иное дело.

— Мы с осени завозим пару мешков муки, крупу, сахар, остальное — все свое, до самой весны без забот.

Природа здесь по-своему сурова, земля не особенно щедра. Казалось бы, Украина, а помидоры не растут. Огородные культуры тоже не те, что в предгорьях. Для хлебов нет полей, сады — с капризами. Но человек тут селился испокон веков, находя экономическую опору в скотоводстве. Правда, альпийские луга кормили не особенно сытно. Во всяком случае, если и не давали умереть с голода, то уж не оставляли обильного продукта для товарообмена. Большинству населения приходилось вести свое замкнутое натуральное хозяйство, изготовляя в нем все необходимое для жизни: орудия производства, одежду, обувь, посуду. Часть этой продукции, естественно, шла на рынок, ремесло становилось важным подспорьем в хозяйстве, а то и основным занятием и источником существования. Думаю, поэтому здесь никогда не боялись больших семей. У двоюродного деда Дмитрия Федоровича народилось двадцать четырех ребенка. Конечно, до взрослой поры дожили не все, тем не менее такое обилие детей, немыслимое в наше время, было вполне понятно и объяснимо. Тут очень рано начинали зарабатывать на жизнь, ибо

ремесло позволяло привлекать детский труд поначалу к каким-то подсобным или подготовительным операциям, а уж годам к девятым-девяности «гнать» взрослуе продукцию. Так что лишний детский рот совсем не был лишним. С годами большее количество детей гарантировало родителям кусок хлеба под старость.

Излагая вышеупомянутую схему, я отнюдь не претендую на новизну открытия. Модель подобного бытия давно изучена на примерах многих народов, условия жизни которых отличались известной суровостью. Так что, знакомясь с некоторыми деталями быта гуцулов, ничуть не удивляешься, что уже видел нечто неуловимо похожее в дагестанских Кубачах или, допустим, у нанайцев Хабаровского края. И все-таки личные открытия ждут каждого, кто так или иначе прикасается к неисследованному источнику материальной культуры.

Для меня, например, всегда бывает откровением удивительная функциональность изделий народного промысла. Понятно, что имею в виду не те ремесленные поделки, которые наспех «пекут» оборотистые люди, потрафляя туристскому спросу, стараясь соблюсти только внешнюю форму традиционных изделий и напрочь забыв об их первоначальном предназначении. Я говорю о вещах, которыми можно пользоваться сейчас, как пользовались подобными им и сто, и двести, а может быть, и тысячу лет назад.

Вычурными кажутся на первый взгляд гуцульские топорики. Странное скосшенное лезвие, длинное, тонкое и прямое топорище, удлиненный обушок. Оказывается, ничего лишнего, все по делу, выверено веками. На крутых горных тропах длинное топорище — поставь только явр или ясень — может служить опорой вроде трости. Длинный ручаг топорища увеличивает амплитуду замаха, а значит, и силу удара при рубке. Поэтому саму металлическую часть топора можно облегчить, что для ношения по горам немаловажно. И лезвие топора сковано не напрасно. Если мысленно продолжить его, то эта линия пересечет топорище в самом нижнем его конце. Оказывается, это обстоятельство помогает всю энергию удара вкладывать в нужную точку и одновременно бережет руки от «осушки». Удлиненный обушок может служить молотком и в то же время является балансиром в такой простой и сложной конструкции, как обычный топор.

А вы видели когда-нибудь пояс карпатских лесорубов, невероятное сооружение сантиметров 20—30 шириной с тремя-четырьмя пряжками? Конечно, внешне импозантно: кожа, орнамент, золотистые заклепки. Но никак не возьмешь в толк, с какой стороны подъехать к такому коробу, как надевать и к чему невероятная замысловатость будничной вроде бы вещи.

— О-о, это гениальная конструкция, — убеждает Кречковский. — У лесорубов работа жаркая. Распарился, скинул кептарь на землю, а тебя по пояснице холодным ветерком — вот и радикулит. Если, конечно, нет пояса. Он защитит. Или попробуйте по склонам бревна ворочать. Это же какое напряжение! Пояс убережет, извините, от грыжи.

Мы ходили от экспоната к экспонату, и каждый из них убеждал, что сделан не на показуху, а с большим практическим смыслом. И яркие, не повторяющие узор и расцветку друг друга, пышущие с высоким ворсом лежники, и тканые скатерти, полотенца, и полуушки, и кептари, и деревянные и глиняные тарелки, чаши, изразцы, писанки — все могло служить людям. Конечно, не каждый изотовитель был художником. Работал он все-таки для себя или для базара. Но лучшее, что открывал или наследовал каждый, постепенно накапливалось, осмыслилось и со временем концентрировалось в работах Мастеров.

И еще одна удивительная черта, которая, собственно говоря, выросла из той же функциональной заданности изделий и перекинула между материальными культурами различных народов некие внутренние мостики. Постолы карпатских крестьян и мокасины гуронов или дакотов Северной Америки по виду, крою и способу изготовления, ей-ей, стоят не дальше друг от друга, чем туфли, сработанные в Ленинграде или, допустим, в чешском Готвальдове. А лежник? Разве он не родственник шотландскому пледу, как, впрочем, и карпатская «коза» — волынка? А гляньешь на карту: где Гурон, где Дакота и Шотландия, а где Гуцульщина. Всякий шел к одному и тому же своим путем.

— Обратите внимание на это, — Любомир Владимирович показывает на упрятанные под стекло изящные огнища, чипцы для колки орехов, литые бронзовые поделки.

— Все это изготовлен Петром Федоровичем Харимчуком, кузнец-литейщиком из Верховинского района, большой мастер по обработке металла. Видите, у него в каждом огниве стальная пластинка упрятана в бронзовую фигуру зверя или птицы. Заметили, как они похожи по форме на те, что находили в скифских курганах? Харимчуку восемидесятый год. Свое ремесло он получил от отца, тот от деда и так далее. Уверен, ни Петр Федорович, ни его предки скифских

сокровищ не видели. Откуда же такое сходство? Может, это отголосок древних торговых отношений пришел к нам из глубины веков?..

Вон ведь с какой стороны может откликнуться эхо творцов.

Керамика, изделия из кожи и металла, выжигание, инкрустация и резьба по дереву, изразцы, ткани, вышивка, традиционные гуцульские писанки — чего только не было выставлено на стендах этого единственного в своем роде музея. По этим рукотворным шедеврам легко прочитывался слагавшийся веками быт, семейный уклад, различные «отрасли» кустарного производства и даже внутрисемейное разделение труда на мужской и женский. Правда, в некоторых видах изделий эта граница была сглажена, так как в их изготовлении в равной мере могла принимать участие как мужская, так и женская половина. Освоение смежных профессий диктовалось необходимости, той же конъюнктурой рынка, когда семья как производственная единица должна была уметь быстро и пластиично приспособливаться к кризисам спроса и предложения.

Естественно, ручной труд только до поры до времени мог сдерживать натиск машинного производства. Глиняная макита, вышедшая из-под рук деревенского гончара, функционально ничем не превосходит свою родину, сработанную на фабричном потоке. И вопрос, какому процессу жить, а какому уходить на покой, решался такими прозаическими категориями, как производительность труда, себестоимость, рентабельность, конкурентоспособность. Понятно, что ручное производство заранее было обречено на поражение. И лишь один его бастион непал под натиском машин, конвейера, потока — тот, где простой кустарный «вал» достиг вершин искусства, где элементарное функциональное предназначение вещей отошло на второй план, уступив первенство чисто эстетической или исторической их ценности. Ведь ставшее привычным нам слово «сувенир» — подарок на память или вещь, связанная с воспоминаниями о ком-то и чем-то — в буквальном переводе с французского означает «память». И если порой приходится сетовать, что в каком-то городе нет сувениров или же они халтурны по исполнению, это значит, что там не особо пекутся о доброй памяти предков. Побывав в коломыйском музее, о гуцулах такого не скажешь.

Собственно, здесь и произошло мое первое знакомство со Шкириляками. Сначала Любомир Владимирович показал мне стены с поделками Юрия Шкириляка и его сыновей — им отведен небольшой зал, — а уж в заключение экскурсии подвел к работам их потомка Дмитрия Федоровича, отдана которым отдельная комната. Когда, познакомившись с работами других резчиков, выслушав квалифицированный разбор их сильных и слабых сторон, поняв суть традиционности и новаторства в гуцульском искусстве, я уж было притомился от обилия полученной информации. Любомир Владимирович сказал:

— А теперь смотрите сами. Трудно поверить, что до 1960 года мало кто знал такого замечательного художника.

Действительно, поверить в это было трудно. Даже не особо разбирающийся в тонкостях ремесла человек мог понять, что перед ним Мастер, первый среди равных. Любое произведение искусства трудно описать словами. Его нужно видеть самому, так как даже фотография не в силах передать тот неуловимый нюанс, который выдает «руку» творца. Живой человеческий глаз улавливает это более точно.

Кречковский не уговаривал меня ехать к Шкирилякам. Он просто сказал, что на моем месте познакомился бы именно с этой семьей. Сам хозяин — член Союза художников СССР, жена и дочь — тоже известные мастерицы. Недавно они со своими работами ездили в Киев на квалификационную комиссию при Союзе художников, им были присвоены звания мастеров народного творчества. Обе работают надомница-ми от художественных мастерских. Обе творческие, ищущие личности...

— К дереву Дмитрий приучен с детства... Сначала учился у отца, помогал ему. А с двенадцати лет стал резать самостоятельно... К девятнадцати годам он вел уже свое хозяйство, столярничал по найму. Он такой добрый столяр был... Вот этот станок — его работа.

Василина Ивановна, заранее уверенная в бесплодности моих попыток разговорить ее мужа, без приглашения пришла на помошь нам обоим, вклинившись в нашу беседу в самом ее начале. Правда, труженица по природе, она не хотела терять просто на разговор свое время, а поэтому уселилась за ткацкий станок с начальным рушником. Ручное ткачество в принципе дело нехитрое. Аккуратно намотанные на воротило и поделенные на две пасмы нитки идут через бердо к ляде. Деревянными педалями — поножами — ткачиха меняя положение пасм и пускала рукой тяжелый челнок с нитью-утком. Один ход челнока — полотно удлиняется на толщину одной нити. Теперь его нужно уплотнить ударом берда. И опять сменить положение пасм. И опятьпустить челнок уже в обратную сторону. И снова уплотнить ткань. Операции занудливо не-

сложные, отработанные до автоматизма, они позволяли Васелине Ивановне и работать и говорить, а когда бывало нужно сменить цвет нити, то она ухитрялась еще и жестикулировать. Так и шла наша беседа под грохот ляды, ритмичный переговор поножий и почти беззвучный шелест летящего грабового членка. Ткацкий станок задавал ритм речи, диктовал паузы.

— Тут у соседей два столяра мастерили дверь. Хорошо сладили, а повесили на петли — не закрываются. День мудрили, второй — никак подогнать не могут. Вызвали Дмитра. Он сразу все сделал.

— То так, — подтвердил муж. — Они там небольшую ошибочку допустили.

Раньше он очень много работал. А теперь я не даю. Пусть побережет здоровье. Всех тарелок и раковин не переделает.

Дмитрий Федорович улыбнулся и, когда внук в очередной раз атаковал его чуб, засмеялся с какой-то нескрываемой надеждой: главное — успеть передать свое мастерство по наследству, а там и вправду можно отдохнуть...

Я прошу показать, как он работает, как из простого бревна груши и явора рождаются изумительные по красоте тарелки и кубки, сахарницы, шкатулки, раковины.

Рубленую избушку рядом с домом со стороны можно было принять за хлев или крестьянский амбар, где обычно хранили зерно, сбрую, нехитрый хозяйственный склад. Одну половину избушки занимала овчарня, вторую две небольшие комнатки — мастерская Дмитрия Федоровича. В каждой комнатке стояло по массивному, словно влитому в пол, сработанному из гладко выстроганных толстенных буковых досок и брусьев столу. На аккуратно врезанный в верхнюю плоскость столов вал электромотора можно было насаживать диск циркульной пилы, наждачный круг, вал с горизонтальными ножами, массу других приспособлений, и тогда получался великолепный деревообделочный агрегат, способный строгать, выбирать фаски и пазы разной конфигурации, затачивать инструмент. При выключеннном моторе столы становились верстаками столяра-краснодеревщика. Сами понимаете, смастерили станки-верстаки Шкирляк собственноручно.

Сыре для работы он хранит на чердаке — чурбаки и плахи чуть-чуть красноватого отлива из груши и белые с желтизной из явора. Свалив, распустили эти деревья на доски, замазали варом или kleem с торцов, чтоб не пошли трещинами, и уложили сушиться. Только года через три-четыре они годятся в дело.

Дмитрий Федорович взял в руки толстое грубое полено, едва касаясь, провел по нему ладонью.

— Очень добро дерево, при жизни кормит, умирает — тоже кормит.

И нельзя было понять, какое качество он имел в виду: доброту или добротность. Скорее всего и то и другое сразу, потому что эти понятия сплитны и в его работе.

Когда мы спустились в мастерскую, он поставил на верстак коробку с самодельными резцами и сверлами, укрепил одно в ручном, словно пришедшем из каменного века сверлильном станке, и нацепился его острием в рисунок на круглой заготовке, отдаленно напоминавшей тарелку. Подвешенная на веревочках центральная ось сверлильного «агрегата» сделала несколько вращений, и на древесине образовалось небольшое отверстие. Шкирляк сменил перку и тут же из белой дощечки выверлил такого же диаметра пробочку. Она плотно вошла в отверстие, и, когда Дмитрий Федорович срезал ножичком заусенцы, на красноватом фоне засветился белый пятничок инкрустации.

— Теперь сюда надо вбить бронзовый гвоздик и шкуркой зачистить.

Все было просто и понятно. Но если бы видели, как он держал свои деревяшки! Так ласково берут любимых детей только самые ласковые и любящие матери.

— Почему вы не пользуетесь электродрелью?

— Нельзя. Я должен чувствовать дерево собственной рукой. И оно должно чувствовать мою руку...

Электричество помогает ему только в начальной стадии работы, когда нужно выточить заготовку для будущей тарелки или кубка, гладко выстругать доску. Самую же тонкую работу он доверяет только своим рукам. Рукоделие. Понему-то это слово мы употребляем, лишь говоря о труде вышивальщиц, кружевниц, вязальщиц. Если бы вы видели деревянные узоры Шкирляка!

...Я пустился в обратный путь сразу же после завтрака, часов в восемь. Зять Михаил, звеньевой овцеводческой бригады, шел на ферму проверить, как готовятся отары к перегону на половины. Мне было это удобно, так как к автобусной остановке на Косов можно было возвратиться не вчерашней дорогой, а тропой через горы Максимец.

Не торопясь мы шагали все выше и выше, а когда достигли перевала и оглянулись, в широкой долине я все-таки нашел крышу дома Шкирляков — небольшое пятнышко среди других редких пятен на зеленом фоне.

Армен ШЕКОЯН

Тридцатая весна

Какое солнце ясное вдали!
Под ним, как маки,
дети расцвели.
И старики сегодня не узнать,—
у них такая молодая стать!
Девичьи груди, вызрев в тишине,
как дыни, округлились по весне.
И юноши следят исподтишка
за тою,
что красивее цветка.
А женщины, бидонами звеня,
спешат домой среди большого дня,
и кажется прохожим, что окрест
гримит военный духовой оркестр.
Смешались
звуки, краски и слова—
и у меня
кружится голова.

Ужель зима
с метелями и льдом
была всего лишь бесконечным сном?
И источался иней, как слюда,
от снега не осталось и следа.
Понятен ли восторг
счастливый мой?
Ведь я родился сказочной порой.
Счастливо оставаться!
До зимы
я не вернусь к вам, отчие холмы.
А спросят, где я,
отвечайте так:
«Куда-то ускакал
с весной смельчак!»

Веселый день

День веселый, ибо он
дарит Веру и Надежду,
я же заключаюсь между
ними, счастьем окрылен.
Распахнулись ворота,
это мой знакомый ветер
на порог взбегает,
мы с ним мчим
за ворота.

День веселый, ибо я
нынче в девушку
влюбился,
ее чарам покорился...
Как же звать, душа, тебя?
Небо, искренне молю,
не дождем,
а песней брызни,
ничего нет слаще жизни.
Я люблю ведь, я люблю!

Рисунки Владимира УСОВА.

Наш дом

Здесь мне все
и ближе и знакомей.
Здесь живут мои отец и мать.
Здесь я начал мир осознавать.
Здесь моя сестра —
свет в нашем доме.

Вечером на кухоньке сойдясь,
мы обговорим свои заботы —
мой отец, учивший правде нас,
мать, не знавшая дня без работы,
я, привыкший к дому с детских лет,
и сестра — наш негасимый свет.

Здесь наш дом,
шумит вода речная,
долетает свежесть полевая,
запахи полыни, чебреца...
А когда, бывает, нас обидят,
слез скупых соседи не увидят,
слезы мы смахнем с лица.

Девушка

Легкой бабочкою белой
промелькнула меж ветвей,
промелькнула, улетела,
я гляжу вдогонку ей.

Я, глупец, не догадался
имени спросить ее...
Только
ровный свет остался,
озарил житье-бытье.

Молча я уйду со всеми,
но она одна во мне,

словно ласковое семя,
словно тихий луч извне.

Лишь она одна со мною,
и таинственно постиг
я, что будет мне судьбою
вновь дарован
встречи миг.

Несравненная царевна,
по-весеннему свежа.
Буду ждать ее душевно.
Вдаль смотри, моя душа!

Алле-гон!

Мы в школе учились.
Дивился лишь я,
как в голубя он превращал воробья.
Мы выросли. И в ресторанах хитро
показывал фокусы грустный Серо.
И я замечал, как Серо постарел,
исчез в нем мальчонка,

веселый пострел,
сбивалось дыханье, и пальцы его
уже не творили свое волшество,
от пляски не шел уже гул по земле,
и не повторял он в восторге:
«Алле!»

И в голубя не превращал воробья.
— Халтурщик! —
мрачнели туристы, браня.
Мещане ворчали:
— Здесь нет мастерства!
И сделался сизым Серо, как сова.
И космы седые спадали на лоб,
казалось, себя загоняет он в гроб.
Что делать?

Семью нелегко прокормить,
и снова Серо начинает острить,
жонглирует, бедный, одной рукой
и сердце сжимает рукою другой.

Перевод с армянского
Олега ШЕСТИНСКОГО.

ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТЬ ДЕТАЛИ

Максим АЛЕКСЕЕВ.
Фото Валерия КАМЫШКО

вета, краски, линии нашей одежды, повторяясь в бесчисленных вариантах, все же удерживаются в каких-то ограниченных и разумных пределах. И хотя все мы будто похожи, приглядимся к деталям.

Вот совсем неожиданная строчка, что ярким пунктиром легла на однотонный, казалось бы, унылый лацкан... Вспыхнувшая вдруг вроде бы не на традиционном месте «молния»... Кнопка застежки, в которой блеснет солнечный луч, даже просто цветной лоскуток, подобный крохотной метке, словно по какому-то волшебству оживят, подчеркнут, украсят, а порой и заставят удивиться внезапно открывшемуся изяществу самого обычного костюма. Нужно-то всего немного — штрих, подробность, деталь. И сразу почувствуешь в одежде вполне определенный стиль.

«Лаконизм» — это слово чаще всего употребляет главный художник Новосибирского Дома моделей Наталья Николаевна Брежнева, рассказывая о принципах работы молодых сибирских художников-модельеров. Простота, классика, строгость стиля — не дань консерватизму и не умозрительные правила, сковывающие полет фантазии модельера.

ЛЕГКОСТЬ И ФУНКЦИОНАЛЬНОСТЬ —
ОСНОВНЫЕ ПРИМЕТЫ
МОЛОДЕЖНЫХ МОДЕЛЕЙ.

ПРОСТОТА
И НЕМНОГО ФАНТАЗИИ,
В ИТОГЕ —
ЭЛЕГАНТНОЕ ВЕЧЕРНЕЕ ПЛАТЬЕ.

Принципы основываются на глубокой народной традиции, на условиях жизни в суровом сибирском крае. Простота и умеренность, свойственные классике, определяют диапазон моделей, формируют вкусы здешней молодежной моды. Они же обуславливают функциональность костюма. И уж тогда открывают простор для творчества молодых художников.

К примеру, для Александры Зиньковской создание новой модели вовсе не завершается готовым эскизом, а, наоборот, лишь вступает в решающую творческую fazu. Потому что лаконизм объема, силуэта, общей формы, ограничивая на первый взгляд художника, как раз и заставляет его обращаться к деталям, к отдельным элементам костюма, немногочисленным, порой скучным, но в действительности очень важным. Которые в итоге и определяют «лицо» будущей модели.

На два десятка швейных предприятий Западной Сибири работают Александра Зиньковская, Алла Сивкова, Сергей Назаров и их товарищи, молодые модельеры. Знают их изделия и далеко за пределами региона. Почек новосибирцев, умело использующих в своих моделях лучшие черты народного сибирского костюма, вышивку, аппликацию, цветовые контрасты тканей, мельчайшие особенности кроя, индивидуален, своеобразен. Главное его отличие — гармоничность и, повторю, лаконизм, без которых не мыслится традиционная сибирская одежда, ее точный и строгий стиль.

Вырабатывая его, молодые художники Новосибирского Дома моделей одновременно воспитывают и вкусы своих заказчиков.

СТЕСТНЫЕ ЗАЩИЩЕННЫЕ ЛЕКАРСТВА

СЕКЦИЯ ЛЕКАРСТВЕННЫХ РАСТЕНИЙ —
ОДНО ИЗ ВАЖНЕЙШИХ
НАПРАВЛЕНИЙ В РАБОТЕ ВИЛР.

СВЕТЛАНА СВИНИЦЫНА, МОЛОДАЯ
МОСКОВСКАЯ АПТЕЧКА № 1.
«ЛЕКАРСТВЕННЫЕ ПРЕПАРАТЫ
ПОЛЬЗУЮТСЯ БОЛЬШИМ СПРО-

ПОСЛЕ
ПОДГОТОВ-
ТАНИЯ
ВЫДЕЛЫ-
ВАТЬ

ЗА РОСТОМ
ЛЕКАРСТВЕННЫХ
РАСТЕНИЙ
ВСЕ ДАННЫЕ ЗА-
ПИСЫВАЮТСЯ
В «БИОГРАФИИ»

Фото
Владимира
ЧЕЙШВИЛИ

Юрий РАГОЗИН

Если посмотреть на природу взглядом врача, ищущего лекарственные средства, то можно сказать, что мы живем в мире лекарств.

Цо-Жед-Шон-ну, древний индийский врач

утра алтайский охотник гнал зверя. Крупный молодой марал, раненный в поединке с сородичем, упрямо уходил в горы. А охотник был стар и слаб. Зверь словно чувствовал истощение человека и крепко от времени останавливался, отдыхая, шумно втягивая воздух влажными ноздрями.

Что он там ищет? Охотник прищурил глаза и разглядел, как марал

откальпывает копытами какие-то корни, тут же жадно их поедает и становится от этого как будто сильнее. Это были корни высокого, с детства знакомого растения, на верхушке стебля которого летом распускалась фиолетово-лиловая головка. Охотник наклонился к земле, выкопырял кусочек мохнатого корня и, пожевав, проглотил. Кисловатый, слегка вязкий привкус освежил рот.

Пока старик пробовал корешок, марал скрылся из виду. Но это не расстроило охотника — он чувствовал, как приятное тепло медленно растекалось по его жилам, подгоняя кровь. Надо откапывать еще. Охотник полз по траве, отыскивая чудесные корешки, потом лег на спину блаженно закрыл глаза. Тишину нарушил только мерный шум стремительной Катуни. Охотник слушал его, и ему чудилось, что он снова становится молодым...

Пройдут долгие годы, от поколения к поколению алтайцев будет переходить

слава об этом растении, как о волшебном средстве, «поднимающем человека от четырнадцати болезней и напинаяющем его молодостью...». И лишь в начале — середине прошедшего столетия люди досконально изучат маралий корень, или левзею сафлоровидную, и станут применять как стимулирующее средство, поднимающее кровяное давление, а также помогающее при некоторых сердечно-сосудистых заболеваниях.

В глубокой древности зарождалась народная медицина, лечение травами.

В те давние времена многое человек узнавал случайно, употребляя в пищу различные клубни, кореня, луковичи, плоды и листья. Немало полезного открыл он для себя и наблюдал за поведением диких зверей, а позднее — и домашних животных. Известно, к примеру, что алтайские медведи питаются десятками видов растений. Лось поедает более двухсот.

Археология подтверждает, что уже

пять тысяч лет назад человек пользовался целебными растениями. Много их было найдено в памятниках культуры Ассирии, Вавилона, Египта, Греции, Индии и Китая. Описания свойств некоторых лекарственных трав встречаются в трудах древнегреческих ученых — Гиппократа, Пифагора, Аристотеля, «отца ботаники» Теофраста. Ученик последнего Диоскорид составил полное описание шестисот видов целебных растений.

Великий Авиценна создал «Канон врачебной науки», в котором обобщил обширные сведения о лекарственных растениях. Этот труд был переведен на латинский язык, выдержал тридцать изданий и пользовался огромной популярностью и авторитетом в течение нескольких столетий.

В двенадцатом веке на Руси большими знатоками целебных трав слыла внучка Владимира Мономаха Евпраксия Мстиславовна, написавшая медицинское руководство, в котором рассказала о способах изготовления лекарств из растений. В то время уже широко использовались как лекарства **полынь, крапива, подорожник, мята, рябина, можжевеловые ягоды, кора дуба** и другие. При царе Иване IV в Москве была открыта первая русская аптека (1581 г.). Царь велел составить лечебник; в нем насчитывалось около пятидесяти российских и более двадцати иностранных растений: **живость, валерьяна, миндаль...**

Но не все цари благоволили к знахарам. Борис Годунов, например, неизменно боялся отравы зельем и, естественно, не покровительствовал исследователям растений, дабы не откусывать подсунутого в еду корешка ядовитого или листочка. При царе Михаиле никто не имел права собирать какие-либо травы, иначе темница...

Спасибо Петру Великому: у него до всего доходили руки, он учредил аптеки, которые собирали лекарственное сырье и разводили травы на специальных «аптекарских огородах». Однако после смерти Петра Первого аптечное дело перешло в руки иностранцев. Они использовали растения Западной Европы, не думая о колосальных запасах русской лекарственной флоры. Из Германии, к примеру, ввозили растения, которых в России было гораздо больше: **березовые почки, мать-и-мачеху, подсолнечник, можжевельник**. Бывало, и обманывали русских хитрых иностранцы. Так, например, хмель немцы заготавливали в России, запечатывали его в свою упаковку и отнюдь не дешево продавали россиянам.

До Октябрьской революции страна ввозила из-за границы двадцать пять видов растительного лекарственного сырья, сейчас у нас почти все это выращивается в питомниках либо заменено отечественными растениями. Так, до 1918 года Россия покупала у Канады **желтокорень** — кровоостанавливающее средство, а теперь он заменен **водяным перцем**, широко распространенным у нас.

Мы бродим по лесу, вдыхаем пронзительно свежий, чистый воздух, восхищаемся красотой природы и не подозреваем, что вокруг нас, прямо под ногами растут десятки полезных растений.

Я не степью хожу—
я хожу по аптеке,
разбираясь в ее
травяной картотеке.
Беспредельная степь,
бесконечная степь,
ты — природой написанный
странный рецепт.

Это стихи Семена Кирсанова, большого знатока природы. Лекарства действительно растут повсюду: в поле, в лесу, даже на пыльной дороге. **Ландыш по-латыни называется конваллия майялис**, что означает лилия долин, цветущая в мае. Скажите в аптеке это название, и вам дадут ландышевые капли; они регулируют работу сердца,

спокойствуют сильное сердце. На елочки симпатичного **хвоща** вы, конечно, тоже не обращаете внимания. А в лечебных целях он используется как мочегонное средство, при ревматизме и болезнях печени.

К **подорожнику** мы привыкли настолько, что совсем не замечаем его. А это опытнейший исцелитель и путешественник. Приложите его к натертой ноге, и вскоре боль пройдет. Это вы знали и раньше. А знаете ли вы, что сок подорожника применяется при гастритах, семена — при дизентерии, галеновый (водный) препарат — при язвенной болезни желудка, колите. В Китае врачи используют экстракт из стеблей подорожника при лечении хронического бронхита. И это еще не полное перечисление. Вот он какой, неприметный спутник наш!

Недалеко от кольцевой дороги, к югу от Москвы, рядом с небольшим поселком стоят несколько корпусов Всесоюзного научно-исследовательского института лекарственных растений (ВИЛР).

Институт окружен ботаническим садом площадью сорок пять гектаров, где произрастает более двух тысяч лекарственных растений. Ну, а если вы никогда не бывали в райских уголках, можно зайти в институтскую оранжерею. Здесь в двух стеклянных залах собирались лекарственные представители тропиков и субтропиков.

Жарко и влажно в тропиках, в огромном аквариуме-бассейне плавают экзотические рыбы, в воздухе — запахи тропических лесов. Пятидесятилетнее дерево **алоз** поднимается метров на семь до самого потолка; мощные, сочные листья его остроконечными пальцами растопырились в разные стороны. Да, да, это тот самый алоз, который мы привыкли видеть на подоконнике. Из его листьев получают сильнейшие биогенные стимуляторы, эмульсию из листьев в комбинации с эвкалиптовым и кастральным маслом лечат дерматиты, сок помогает при нарывах и ожогах.

В субтропиках попрохладней, здесь побогаче ароматы. Со всех сторон обступают **апельсиновые деревья, фиевые, какао, Кофейное дерево** с недозревшими красными еще плодами, **лимонное, целая галерея кактусов, трехметровый эвкалипт...**

Ботанический сад лекарственных растений — единственный в Союзе, это база для проведения научно-исследовательских работ, связанных с поиском новых целебных растений и изучением их биологии, разработкой научных проблем акклиматизации. Здесь проходят производственную практику студенты фармацевтических факультетов, институтов и училищ страны.

Директор института Александр Михайлович Задорожный с гордостью подчеркивает:

— ВИЛР — это уникальное по своей структуре научное учреждение! Мы выполняем весь цикл исследований, начиная с поиска новых видов лекарственных растений до приготовления из них лекарственных препаратов и фармакологических испытаний. И, кроме всего, за нами еще и выпуск готовой продукции для клиник, у нас ведь и свой завод есть...

Сейчас многие интересуются лекарственными травами. Это и понятно: мы ощущаем определенный недостаток в растениях, на природу выезжаем редко, а в городе... В городе хватает химии, поэтому хоть полечиться хотим травами. Химия химией, а около сорока процентов лекарственных препаратов делают из растений. К тому же они менее токсичны и не имеют побочных действий. Однако сразу хочу предупредить любителей самолечения: травы хоть и безобидны с виду, при неправильном применении могут доставить массу неприятностей. Поэтому, прежде чем купить травку и бежать скорее ее заваривать, надо посоветоваться с врачом...

С помощью селекции нами выведено тридцать четыре сорта лекарственных культур: создано около ста лекарственных препаратов. Возможно, вы слышали: кардеален, целанд, тауреумин, сапарал, глауцин и так далее. Заводы медицинской промышленности выпускают сейчас сорок четырех наших препарата.

Итак, с чего же начинается путь растения в научную медицину?

Вначале изучаются сведения народной медицины. Вот, к примеру, **белена черная**, которую в народе называют блекота, или бешеная трава. Растение действительно сильно ядовитое. Об этом как бы говорит и сам внешний вид. Грязновато-лиловые крупные цветки — с неприятным запахом, полый стебель и длинночерешковые листья покрыты клейкими железистыми волосками. Коварное растение! Его можно обнаружить около жилья, вдоль дорог. И горе тому, кто попытается на него плоды, похожие на коробочки мака!.. Однако, несмотря на ядовитость, с древнейших времен белену применяют в народной медицине как сильное болеутоляющее и противоспазматическое средство. Дым от семян белены выдыхают из зубной боли, настоиную траву втирают при ревматизме, подагре, прострелах и ушибах.

Научные исследования во многом подтвердили правильность использования белены в лечении ряда недугов.

После изучения данных народной медицины растение подвергается ботаническому, фармакологическому, химическому и клиническому исследованию. Врачи изучают действие лекарственных препаратов из растений в клинических условиях — в течение трех лет. Если растение представляет ценность по своему лечебному действию, специальным постановлением фармакологического комитета при Минздраве оно вносится в список официально употребляемых в медицине лекарств. И тогда за работу берутся растениеводы, селекционеры, агротехники и специалисты по защите растений. Растение изучается и химическим путем, ведь в состав его входят многочисленные химические соединения, но не все они полезны для человека.

И заканчивается путь лекарственных растений в медицину на производственно-экспериментальном заводе ВИЛР.

Семен Кирсанов словно бы побывал здесь когда-то:

...И мне видится: тонкие корешки
В аккуратные съплются порошки,
И качаются склянки
с ромашкой на пробке,
И пилюли слагаются
с веток в коробки.
Вы горячкой болны —
вам накапали стель,
Вы в жару —
Нате стель на горчичном листе...

С кем бы из специалистов ВИЛР я ни встречался — все это были люди, глубоко понимающие и любящие природу. Вот мы говорим: «Научить любить природу». А как это сделать? Парнишка, сломавший молодое деревце, чтобы вырезать из него рогульку для костра, или нарывавший охапку цветов и оставивший мусор на поляне, тоже, чего доброго, полагает, что любят природу... Александр Михайлович Задорожный тепло рассказывал мне о школьниках и студентах, занимающихся сбором лекарственных трав, собравших только в прошлом году около 35 тысяч тонн дикорастущих плодов, ягод, грибов и лекарственно-технического сырья; говорил о практической важности и нравственном значении этого дела, особенно для молодых. Ибо научное собирание лекарственных растений — это не просто полезное дело, помоему медицине. Изучая и собирая растения, становишься не только образованнее и духовно богаче, но и добрее. Постигая великие тайны природы, учишься понимать ее, по-настоящему любить и беречь.

Взгляд

ЕСТЬ В ЭТОМ НЕЧТО ОТ ИСКУССТВА

о, что в нашем театре имени Маяковского есть своя команда, болельщикам, вероятно, известно — об этом писали. Так вот недавно ее капитан, вратарь и заслуженный артист РСФСР Александр Мартынов, центрфорвард и заместитель директора театра Александр Гольдман, капитан наших болельщиков и заслуженная артистка РСФСР, лауреат Государственной премии СССР и премии Ленинского комсомола Наталья Гундарева и я, как меня называют наши актеры-футболисты, «играющий тренер», были приглашены в Новогорск к сборной СССР. Мне кажется, встреча была интересна для обеих сторон, запомнилась и гостям и радушным хозяевам.

Сейчас многие признают сближение искусства и футбола. Их схожесть, на мой взгляд, не только в том, что и то и другое — зрелище. У футболистов век короче. Век актерский, конечно, дольше. Но настрой на игру, как и на спектакль, — процесс одинаково сложный, всегда заслуживающий особого внимания.

Мне кажется, параллель в том, что и на сцене и на футбольном поле происходит обнажение человека на физическом и нервном пределе. По выражению лица можно понять их всепоглощающую за-

Переписка

ДИАГНОЗ: ФАНАТ

од таким заголовком во втором выпуске нашего футбольного клуба было помещено письмо студента педагогического института С. Микулика, в котором он дал оценку лже-болельщикам, фанатам, как они себя называют. Среди первых откликов оказалось и письмо из Орехово-Зуевы Московской области от майора милиции **Владимира Константиновича Петрова**. Вот что он пишет:

«Выступление журнала на эту тему считаю очень актуальным — и как футбольный болельщик с многолетним стажем, и как сотрудник милиции. По мере возможности стараюсь не пропускать ни одного матча в столице с участием любимого «Спартака», постоянно посещаю и наш орехово-зуевский стадион. Команда нашего города «Знамя труда» неплохо выступает в первой зоне второй лиги. Отсюда и устойчивый интерес к футболу: пять-шесть тысяч зрителей на каждом матче — согласитесь, это не мало для районного центра. Люди с удовольствием идут на футбол отдохнуть после трудового дня. И как же порой бывает обидно, когда среди тысячи настоящих любителей прекрасной игры находятся несколько десятков человек, оправляющих атмосферу на стадионе.

В Орехово-Зуеве болельщики приветливы и объективны. Я, во всяком случае, ни разу не слышал оскорбительных выкриков в адрес своих футболистов или приезжих. И не боюсь обвинений в квасном патриотизме: такое же мнение неоднократно высказывали судьи, игроки и тренеры команд-гостей. Однако в последнее время вдруг стал замечать, что в семье, как говорится, не без урода. Стали попадаться и на нашем стадионе отвратительные пьяные личности, которым все равно, сидеть ли на трибунах или спать на лавочке в парке.

дачу. Они живут ради выигрыша: футболист — у другой команды, актер — у зрителей. Во что бы то ни стало. Ценой перенапряжения сил. Даже ценой потери себя на какое-то мгновение... Это — проявление! Именно в этом смысле футбол может быть прекрасен. И тогда он, как и искусство, приносит победу и над зрителем, который ее и жаждет.

Но точно так, как и в искусстве, едва игрок начинает беречь себя, не трогать все душевые и физические силы, он становится неинтересен. Неинтересен даже не потому, что перестает забивать голы, просто он уже не личность. Играла однажды сборная Голландии во главе с Круйфом — никогда не забуду того памятного матча. Круйффу передали мяч, а он, стремительно рванувшись, оказался в офсайде. Свисток арбитра застал его в редкостной, головоломной ситуации, такой, что Круйфф не мог не закончить ее и не забить гол. И он это сделал: обманув вратаря, влетел в ворота с мячом, вскочил, скватил мяч и, похлопав вратаря по плечу, извинился перед ним. Его тогда все простили, в том числе и судья. И я понял, что Круйфф — художник в футболе. Тот гол необходимо было дорисовать. Вот что прекрасно в жизни футболистов: им дано выражать себя!

Меня часто спрашивают, в том числе во время той встречи в Новогорске с игроками сборной СССР, о нынешнем состоянии советского футбола, с точки зрения заинтересованного болельщика. Знаете, кто-то сказал, что «звезды», скижая себя, освещают нам путь. Вполне уместно это и в футболе. Насколько я понимаю, мельчает наш футбол. А может быть, это извечный спор отцов и

детей? Вспоминаю кумиров своей юности: Симонян, Нетто, Стрельцов, Воронин. Сейчас таких или похожих на них не вижу. У Чехова в «Чайке» есть фраза: «Да, больших артистов мало, но средний артист стал выше». Наверное, ее можно употребить, и характеризуя сегодняшний футбол на наших стадионах. Жаль только, что в спорте срок, отведененный исполнителю, очень короток. В искусстве люди живут десятилетиями, а в футболе 10 лет — это уже эпоха. Сегодня мои дети, студенты, не знают толком, что стоит за фамилией Яшин. А ведь он прямо-таки новая эра в футболе. На мой вкус, «звезда» — это еще не тот игрок, который хорошо бегает и забивает голы, а тот, кто создает вокруг себя особый климат. Беккенбауэр, Нетто, Стрельцов играли так, что, если бы их загримировать до неузнаваемости, болельщик все равно «по пачке», по влиянию на картину матча угадал бы их.

В одной из статей писатель Вениамин Каверин говорил, что среди движущих сил прогресса есть стремление людей собеседовать. Литература, телевидение, театр, кино — это, несомненно, собеседование. Так же можно отозваться и о футболе. Он тоже собеседование на каком-то своем уровне, в сфере особых человеческих проявленияй. В футболе главное — интрига: кто сильнее, кто удачливее. Во время матча я слежу прежде всего за интригой. Но даже если показывают видеозапись и результат известен, все равно с интересом слежу за игрой...

Армен ДЖИГАРХАНЯН,
народный артист РСФСР
и Армянской ССР

ФУТБОЛЬНЫЙ КЛУБ *Надежда'*

Здесь вывод однозначен: таких нельзя пускать на стадион!

Досаждают нам и приезжие фанаты. Как-то прибыла поболеть за своих футболистов группа молодых людей из Калуги. Всего-то их оказалось двенадцать человек, но они буквально терроризировали город. Шатались по улицам, выкрикивали воинственные, зачастую нецензурные лозунги, оскорбляли прохожих. Ну и, естественно, завершили свой «вой» там, где положено.

Или вот приехал однажды автобус с похожими «любителями» из Каширы. Все поголовно пьяные, некоторые не могли самостоятельно вылезти из автобуса, но рвались на футбол. Их вопли о том, что «команды нету лучше в мире, чем «Динамо» из Каширы!», звенели в ушах. А на беседе в отделении милиции, куда они, понятно, тут же угодили, выяснилось, что никто из этих гореболельщиков не знает больше двух-трех фамилий игроков своей горячо обожаемой команды, да только единицы смогли сказать, с кем же сегодня играют «наши» и в какой город они приехали.

Неоднократно бывал я на стадионах Костромы, Рязани, Красногорска, Вологды, других городов. Антиболельщики, увы, появились практически повсеместно, и это не может не беспокоить.

По долгу службы пришлось узнать, что в дни матчей, загодя, собираются где-то в установленных местах «дружные» фанаты и перед игрой «разминаются» у пивных ларьков и винных магазинов. Трибуны стадиона для них — своего рода сцена, а сам футбол — лишь повод собраться вместе, выступить «широким фронтом», иными словами — попытаться хулиганить безнаказанно.

Убежден, что настало время приглядеться к ним пристальнее.

Конечно, по-разному проявляется увлечение футболом. Но, как правило, в первый раз сына приводят с собой на стадион отец. Постепенно подросток сам определяет свое отношение к тому или иному виду спорта. Едва ли юноша, сам активно занимающийся спортом и по-настоящему любящий спортивное зрелище, втянется в компанию фанатов. Но вот все ли мы, взрослые, делаем для того, чтобы зародить и развить в детях истинный интерес к спорту?

Иногда детям до 16 лет запрещают без сопровождения взрослыхходить на спортивные мероприятия, начинающиеся позже 18 часов. У меня сердце скжимается каждый раз, когда приходится проходить на стадион буквально сквозь строй мальчишек, просящих «усыновить» их на время матча. Пожалеешь паренька, а его и все равно могут не пустить, распознав в нем «сироту». Вот и останется обиженный мальчуган на улице. Так бы на следующий день делился с товарищами в школе впечатлениями от игры, а, проболтавшись на улице, попадет, не исключено, в компанию фанатов, для которых игра, повторяю, и значения-то не имеет. Поэтому я и утверждаю: все мы сообща должны думать о том, как прививать детям истинную любовь к спорту. Это — верное средство не пополнять ряды лже-болельщиков».

ОТ РЕДАКЦИИ. Мы ждем откликов от заинтересованных лиц: педагогов, родителей, футболистов и... самих фанатов. Может быть, они сами попытаются объяснить свое поведение?

Мастера

АНДРЕЙ ЯКУБИК

3

а трехзначным числом забитых мячей, которое через черточку стоит против фамилии Якубика в списке бомбардиров из Клуба Григория Федотова, просвечивает лицо судьбы с чертами размытыми и странными, с переплетением обстоятельств горестных и счастливых, где футбол и жизнь в тугом узле.

Был в московском «Динамо» полузащитник Андрей Якубик. Свой, с Красной Пресни. Играли себе и играл, компании не портил, но и нельзя сказать, чтобы украшал. На трибунах к нему относились по-доброму, статью парень вышел, сильный, рослый, знали, что ударить по воротам может так, что и мяча в полете не увидишь, ждали этого удара залихватского не то чтобы с надеждой, как чего-то обязательного, а при случае вдруг прорвется. Забивал он изредка, но голы его нравились. Был честен в командной работе, себя не жалел, честен был и в манерах, подвохи и грубость ему не по нутру. Играли, а погоду не делал.

«Динамо» — команда с претензиями, другим неудачи, скромные места как с гуси вода, а ей не прошли, не могли примириться с тем, что она не на самом верху. Меняли тренеров, тасковали игроков. В таких случаях молва, скорая на расплющу, виноватит любого, все нехороши. И Якубiku ничего не прощали, находили, что он и неловок, и поля не видит, и по воротам ленился бить. Злой досады у болельщиков он, пожалуй, не вызывал, но сложилось мало-помалу мнение, что он не для «Динамо», точнее, не для того «Динамо», которое витало в воображении людей, помнивших славное прошлое клуба и с нетерпеливой горячностью полагавших, что дело легко поправить, если заменить трехчетырех игроков. Такое мнение в секрете не держится, да и руководители команды его охотно принимают, им же нужно чем-то заслониться. Ну, а игроки, попавшие в немилость, напрягаясь в желании делать все как можно лучше, и вовсе теряют свободу движений, необходимую мастеру, ссутуливаются, у них перестает получаться и то, что они умеют. Они даже рады не выходить на передний план, не показываться, отработать бы без грубых ошибок, что обзывают. Твердый, жесткий переплет, вырваться из него не просто. Чем дальше, тем труднее было Якубiku, становился он на поле человеком без определенных занятий. А годы шли. И у «Динамо» ничего не вырисовывалось, и Якубiku как футболисту грозило забвение, еще немного — и конец игре.

После трагической гибели футболистов «Пахтакора» клубу этому пришли на выручку. Из разных городов в Ташкент были посланы игроки, «Пахтакору» предоставили три льготных сезона с сохранением места в высшей лиге, пока организуется новая команда. Среди командированных был и динамовец Андрей Якубик. Он шел на доброе дело, этот честный парень, не зная, конечно, что его ждет. Да и кто тогда об этом думал. А для Якубика, против отъезда которого «Динамо» не возражало, это был и выход из запутанного, двусмысленного положения.

Вновь созданном «Пахтакоре» он сразу заиграл. Словно вздохнул всей своей широкой грудью. И побежал по полю легко, и голы принесли забивать, и признание трибун получил. Заново начал 27-летний мастер, когда по всем устоявшимся представлениям полагалось бы ему мирно «догиывать». А он вошел в «Пахтакор», будто ничего до этого не было, только и открылся ему большой футбол, поманил, притянул, послал все те свои трудные радости, которые прежде не давались.

Говорили: «Якубик раскрылся». Это и есть поворот судьбы. Он не был в состоянии научиться играть по-другому, не тот возраст, да и вообще таких чудесных превращений футбол не знает. Будучи в «Пахтакоре», он делал все то, что умел, находясь в «Динамо».

Бывает, что форвард начинает играть в команде роль исключительную, партнеры считают себя обязанными держать его в поле зрения, отдавать ему тут же мяч, все заслуживающие внимания события разворачиваются вокруг него, и зрители надеются, что только при его участии что-то может удастся, а без него не на что рассчитывать. Такой премьер, как правило, футбольно одарен. Но надежности в игре на одного не так уж много. То его закроют защитники, то он окажется не в духе, а то вдруг примется покрикивать на партнеров, желая показать, что ему невмоготу в обстановке непонимания и примитива. В таком образе футбольных действий есть что-то любительское, дачное, нарушается одно из важнейших установлений футбола высокого класса — о соблюдении чувства меры в том, что делают один и девять остальных полевых игроков, создается крен, перекос, фальшивая нота, игра теряет складность и разумность, распадается на эпизоды с «его» участием и все остальные, ничего не значащие, проходные.

Якубик в «Пахтакоре» премьером не заделался, хотя и забивал регулярно наиболее значительные голы. Чувством меры, этим, я бы сказал, футбольным слухом, он был наделен: трудиться, перемещаться по полу, разыгрывать мяч, выходить на ударную позицию — наравне со всеми. Это как нечто само собой разумеющееся. А сверх того, коль скоро необходим его завершающий удар, он обязан быть особенно зорким, находчивым в мелькающих и тут же ускользающих ситуациях, годных для этого удара. Это то, что он считал лично обязанным делать в каждом матче.

Волна, им самим поднятая, выносила его к воротам противника, а там дело за ударом. Никто из партнеров не делал за Якубика лишнее, его угоднически не искали, он был заодно со всеми, но своего момента не упускал. Все, что он не сыграл смолоду, он, наверстывая упущенное, отыграл в зрелые годы. Это не было второй молодостью, это была молодость, несколько задержавшаяся. Играли, которым за тридцать, то и дело чем-то выдават свой возраст. Якубик и в тридцать четыре, уже войдя в федотовский Клуб, был неотличим от молодых партнеров и продолжал забивать.

Так распорядилась Якубиком судьба. За место в строю, отданное ему с полным доверием и уважением, он расплатился многими голами, которые позволили «Пахтакору» после трех льготных сезонов занять в нашем футболе достойное место.

Лев ФИЛАТОВ

КЛУБ ‘МУЗЫКА С ТОБОЙ’

Владимир КОВАЛЕВ

Фото
Сергея ВЕТРОВА

Был период, когда в многочисленных интервью с польской певицей Марылой Родович звучал один и тот же вопрос: «Как долго вы еще намерены выступать?». Возможно, под этим скрывался более чем прозрачный намек на то, что пора, дескать, уступать дорогу молодым талантам. Но певицей он воспринимался по-своему. «Может, я кому-то и надоела, но спорю», — говорила она. — Что ж, сделаем остановку в пути...» На одном из концертов Марыля спела последним номером песню с такими словами: «Звезды гаснут, чтобы вспыхнуть вновь пламенем невиданного блеска!» — и объявила, что... решила покинуть эстраду. «Остановка» длилась почти три года.

За это время на небосклоне польской молодежной музыки появилось такое количество ансамблей, что даже знатоки порой терялись: кому отдать предпочтение? Пресыщение наступило скоро. Все поняли: количество не перешло в желаемое качество. И сначала осторожно, потом все смелее и смелее заговорили о «незаслуженном забвении поколения мастеров». Тех, кому польская музыка обязана своим взлетом в 60-е и 70-е годы. Марыле Родович — в первую очередь.

Встретившись не так давно в Москве, куда Марыля Родович приезжала как участница Дней польской культуры в ССР, мы говорили о состоянии дел в молодежной музыке ее страны. «Слишком много молодых желают лишь развлекаться под крылом музы», — грустно констатировала Марыля.

**МАРЫЛЯ
РОДОВИЧ:**

“МОИ ПЕСНИ НАДО И ВИДЕТЬ”

Годы, проведенные Марылой Родович в «полосе тени», стали для нее своеобразной подготовкой к взлету в новом качестве. Взлету? Точнее все-таки — к продолжению, логично последовавшему за ее успехами на фестивалях студенческой песни в молодежном клубе Krakowskiego университета, первыми премиями на всепольском конкурсе в Ополе и международным призами в Сопоте с песней «Разноцветные кибитки». В Москве мы увидели фрагменты спектакля «театра Марыли Родович», пародию на увлечение подростков рок-группами. Огромный, не по размеру, пиджак, яркий грим, ансамбль сопровождения с нелепым названием «Розовые чубчики» — едкая клоунада.

Но она не высмеивает жизнь. Она влюбленный в жизнь артист. Сентиментальный влюбленный, весельчак и балагур с гитарой, произносящий не банальные фразы «в рифму», но стихи серьезного, философского содержания.

«О вещах серьезных надо уметь говорить с юмором», — сказала Марыля об этой программе.

Со времени «Разноцветных кибиток» минуло почти полтора десятилетия, а музыка и слова этой песни не канули в Лету. Прочно вошли в репертуар других исполнителей и «Разноцветные ямочки», и «Сядь в другой поезд», и «Модница». Они записаны на пластинках, изданных нашей «Мелодией», и разошлись миллионами экземпляров. И хотя пластинки для исполнителя подобны вехам его творческого пути, Марыля Родович считает их лишь началом незавершенной фразы: «Мои песни надо и видеть!» — не без оснований утверждает она.

И в ранних песнях и в композициях последнего периода поэтическое слово из уст певицы покоряет. При этом Марыля не привязана целиком и полностью к авторскому тексту. «Отношусь к поэзии бережно, однако не считаю верным

полную зависимость исполнителя от поэта», — говорит она. Творческое содружество перерастает в совместное творчество, покоряя тех, кому песня адресована. Как, скажем, в известной «Синг-синг»: грустно-элегический настрой стихов продиктован композитору мионорную мелодию, а певице — такое исполнение, из которого начисто выброшена эстрадная сентиментальность, сплошь и рядом присутствующая в песнях о любви. Гамма чувств родилась из единства автора слов, композитора и исполнителя.

Рассказ о том, как поет и играет Марыля Родович, можно продолжать долго. Среди ее песен нет вещей проходных, случайных. Марыля глубоко и точно понимает содержание и своеобразие той поэзии, которую выбирает для себя. На эстраде такое видишь нечасто. Гораздо чаще — в театре, где актер силой своего таланта становится вовремя с автором. И посещая концерты

певицы, мы тем самым присутствуем на спектаклях театра одного актера.

Нынешним летом в городе Зеленогура проходил фестиваль советской песни. Традиционный, собирающий ежегодно десятки самодеятельных и профессиональных исполнителей со всей Польши. Марыля Родович пела на фестивале новые произведения советских авторов. Эти песни слышали и услышат почитатели ее таланта во время гастролей по городам ССР. «Мечтаю принять участие в культурной программе XII Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Москве. Это ведь так почетно!» — говорит Марыля.

За быстротекущий эстрадной модой певица не гонится. Своим талантом она напоминает о том, что эстрада не место для отдыха, не искусство потребления, а искусство, к которому молодежь тягнется и, взрослев, постоянно открывает новое в музыке, в себе, в мире.

Надо обсудить

«Мы выбираем, нас выбирают...»

Леонид ЖУХОВИЦКИЙ

Знакомство — это работа!

В предыдущих заметках я писал, что проблемы знакомства нет, что дело только в завышенном уровне притязаний. Но перечитываю письмо высокой девушки, и берет сомнение: а прав ли я?

Да, просто знакомство сегодня не проблема. В принципе у каждого из нас полно приятелей — однокашники, соседи, сослуживцы. Десятки людей. Вроде бы чего еще надо?

Но, оказывается, надо. Вдобавок ко всем этим знакомствам нужно еще одно.

Так уж мы устроены, что старые знакомые другого пола постепенно становятся для нас почти родственниками. С ними общаемся, советуемся, даже целимся при встрече и прощании, но слева в груди ничего не тает и не замирает. Видимо, благая рекомендация лекторов — выбирать супруга из хорошо проверенных знакомых — не учитывает человеческую психологию: божок любви, крылатый мальчишка с луком и стрелами, по три года не прицеливается.

Дружба с годами только крепнет. А любви на первых порах нужна неожиданность. Так что, кроме серьезных, продуманных, проверенных знакомств, требуются и иные: время от времени надо предоставлять шанс любви с первого взгляда.

Наша высокая девушка просто знакомствами не обделена, приятелей, даже друзей, хватает — пока ее обходит именно неожиданность, случайная встреча, солнечный зайчик удачи.

Я уже говорил о довольно скромных возможностях службы знакомств. Кроме причин, о которых шла речь, есть и еще одна, весьма существенная. Служба знакомств и по сути своей и, к сожалению, даже по форме прямолинейна, как служба быта. И на вечерах «Для тех, кому за тридцать» и на страницах рекламных приложений человеческие желания обнажены, обобщены до предела, схематизированы до одной фразы, до формулы: «Хочу замуж». Все открыто, все наружу! А любви нужна тайна, прямолинейность угнетает и сковывает. Поэтому, уважая и поддерживая все усилия службы знакомств, я хорошо понимаю тех, кто даже в крайних ситуациях отстраняется от ее услуг.

Не сомневаясь, что служба знакомств со временем будет совершенствоваться и улучшаться. Но, говоря откровенно, слишком больших иллюзий на ее счет у меня нет. Думаю, что место этой службы в сфере знакомств всегда будет скромным. Клубы по интересам, турпоходы, просто дружеские вечеринки и в дальнейшем окажутся более действенными.

Почему я так считаю? Да потому, что служба знакомств как бы пытается обойти один очень существенный жизненный закон.

Нужно ли доказывать, что ничего в жизни не дается даром? Что по главной своей сути жизнь — это работа, многогранная, сложная, нестандартная, но работа. Даже ходить ребенок учится в трудах. И семья — это работа. И любовь — это работа. И знакомство не исключение — тоже работа.

Почему так продуктивна с точки зрения знакомств обычная вечеринка? Да потому, что на вечеринке работают, и труд каждого виден, и безделье не спрячешь. Одна легко и с удовольствием организует стол — работница! Другой острит, терзает гитару — в поте лица своего веселит компанию. Третья со знанием предмета делится театральными новостями, и загодя проделанный интеллектуальный труд не может не вызвать уважения. Четвертая на кухне моет посуду, тарелки в руках так и мелькают — труженица! И все четверо, хоть и по разным причинам, будут на вечеринке в центре внимания. Словом, в обычной современной кварти-

ре есть полная возможность за один вечер и людям посмотреть и себя показать, причем не просто так, а в деле.

А любая самодеятельность в самом широком смысле слова, любой кружок, хоть драматический, хоть вышивания — разве это не труд? Радостный, желанный, но труд, дающий, кстати, прекрасный повод для знакомства. Не говоря уж про туризм, где каждый километр пути выделяет труженика и разблачет бездельника.

А как покажешь себя на танцах в клубе знакомств?

Боюсь выглядеть замешанным консерватором, отталкивающим все новое и передовое, но убежден: при всей полезности службы знакомств гораздо нужнее нам служба общения — она знакомит лучше.

Впрочем, кажется, к тому же выводу постепенно приходит и сама служба знакомств: в целом ряде случаев она перенимает многое существенное у службы общения...

Улица Чехова, дом 9, восемнадцать ступенек вниз. Сижу в маленьком кабинете руководителя клуба знакомств. Беседуем.

— Аркадий Петрович, сколько народа в вашем клубе?

— Две с половиной тысячи. Желающих вступить к нам гораздо больше, но мы вынуждены ограничить прием.

— Для огромной Москвы это капля в море... Так, может, стоит поискать помещение побольше?

Клуб знакомств расположен в подвале: восемнадцать ступенек вниз. Лестница ведет под землю, стены из красного кирпича с белыми прожилками, черная чугунная решетка, а внизу прямо перед глазами черный же щит с изображением вдохновенного детского лица в окружении мерцающих звезд.

Символика понятна и приятна: ночные небо, дальние загадочные миры и где-то между ними крохотная уютная планетка, на которой живет и даже правит очень популярный в мире ребенок, давший имя этому клубу знакомств. «Маленький принц» — да, именно так и назван подвалчик на улице Чехова, 9.

Много ли значит для клуба хорошее имя? Больше, чем мы порой думаем.

Могли бы, например, написать на вывеске «Бригантина» или «Альые паруса» — так, кстати, чаще всего и пишут. И было бы куда хуже. Потому что любому прохожему сразу стало бы ясно: это дело начинали люди с весьма скромной фантазией, а то и просто ленивого ума, вот и не стали утруждаться, просто списали красивое слово с чужой вывески, как двоечник списывает у отличника. Бесчисленные «Факелы» тоже зажжены от чужой огни. А «Маленький принц», как минимум, останавливает. Озадачивает. Заставляет подумать, а после и кое-что понять. Ну, например, уловить сложную ассоциацию: цель знакомства — семья, цель семьи — ребенок, а у любящих родителей детеныш и есть маленький принц, делающий обычную жилплощадь веселой и доброй планетой. Или вспомнить, что именно Маленький принц подарил человечеству фразу, которая постепенно превращается в один из общепринятых житейских принципов: мы в ответе за тех, кого приучили.

Словом, по такой вывеске не мазнешь безразличным взглядом.

Подвал, где размещается клуб, тесноват. Гардероб, прихожая, кабинет руководителя, зал, библиотека, две-три служебные комнаты, кладовка, даже кухня — все есть, но все маленько. Впрочем, можно выразиться и по-иному: все маленько, но все есть. Герой знаменитой сказки был хоть и маленький, но принц. Клуб его имени хоть и маленький, но клуб. Что надо, имеется.

Рассказывать о клубе нелегко: при всей его

внешней камерности это авторитетная и мощная организация с целым рядом граней и направлений. Как уже сказано, организация многогранная: две с половиной тысячи человек. Сразу же хочу отметить — ни одного человека, принятого для статистики, в клубе нет. Из двух с половиной тысячи реально заняты в деле две с половиной тысячи. Сама система приема в клуб начисто исключает даже невольную лицу.

Что же это за система?

В не самой большой, но самой важной комнатке бывшего подвала шкафы. Их четыре. Грехиным делом, главку про клуб я так и хотел назвать: «Четыре шкафа надежд». Хотел, но постыдился, уж слишком празднично звучит, слишком именинно, а я ведь не тост произношу.

Впрочем, некоторые надежды действительно есть, и занимают они как раз четыре шкафа. Это картотека. Так сказать, личные дела желающих вступить в брак. Фотографии, жизнеописания — листай, ищи подходящее.

Люди, случайно узнавшие про клуб, именно с такой целью и приходят: полистать и поискать. Приходят, но не тут-то было — к картотеке их не допускают. Они возмущаются: «Почему?!» А потому, что картотека только для членов клуба. Вступайте — вот тогда пожалуйста.

— Сколько платить и где расписываться? — спрашивает бывалый новичок.

Но выясняется, что пока ни платить, ни расписываться не надо. Нужно всего лишь поработать на благо общего дела. Как именно?

Разнообразно: готовить карточки, дежурить по клубу, организовывать вечера, ремонтировать помещение, заниматься уборкой и вообще всем, что понадобится. Как долго? Вот тут-то порой новичок и впадает в шоковое состояние. Ибо отработать надо не день и не три, а сто четыре часа — по четыре часа в неделю в течение полугода! Прямо скажем, немного клубов и обществ в стране имеют столь весомый вступительный взнос!

Но нужны ли такие сложности? Полгода «батрачить» только во имя того, чтобы тебе помогли при знакомстве?

Прежде чем ответить на этот вопрос, стоит кратко рассказать историю этого весьма нестандартного клуба.

Москва, улица Чехова, дом 9 (вход с улицы и ступеньки вверх). Здесь на втором этаже старого дома, украшенного лепниной и не слишком годящегося для медицинского учреждения, участковый психиатр кандидат наук А. П. Егидес регулярно ведет прием. Врач должен лечить — ничего иного от него никакими служебными инструкциями не требуется.

Аркадий Петрович и лечил. И ничем посторонним заниматься в общем-то не собирался. Но что делать, если с каждым пациентом в маленький его кабинет входила жизнь, и даже не входила, а вкатывалась целым клубком своих запутанных, колючих проблем? И врач не мог не видеть, что от многих из этих проблем не спасет даже самая обнадеживающая таблетка...

На прием приходили главным образом женщины. В большинстве своем одинокие. И многие неосознанно стремились не столько пожаловаться на конкретный недуг, сколько просто выговориться. Так что первая обязанность врача была внимательно выслушать. С интересом и без суеты.

Он и выслушивал без суеты, порой не укладываясь в установленную инструкцией норму — пятнадцать минут на человека. А в тесном коридорчике тем временем скапливалась очередь.

Все мы томились в очередях, и все знаем, что это такое. Приходит в поликлинику вполне добродушный пациент, а после полуторачасового коридорного сидения в кабинет врывается разъяренный неврастеник. Вот Аркадий Петрович и решил устроить в относительно свободной комнатке нечто вроде клуба, где ожидающие приема могли бы в покое и уюте попить чайку, полистать газеты, прочесть вырезки из периодики на медицинские темы и, главное, поговорить друг с другом, получить хотя бы толику общения, без которой человеку еще хуже, чем без незаменимого витамина С.

Более чем скромный клуб стал тем не менее быстро давать результаты: улучшилось настроение пациентов, облегчилась работа врача. А в дверь уже стучалась следующая проблема.

Аркадий Петрович лечил неврозы, снимал депрессию, избавлял людей от угнетенного состояния. Однако при этом прекрасно понимал, что во многих случаях угнетенное состояние через некоторое время вернется, ибо причина его ни от курса инъекций, ни от гипнотерапии не перестает существовать. Но что делать: даже самый квалифицированный врач не лечит одиночество!

Впрочем...

Все мы, хотим того или не хотим, ведем непрерывный деловой диалог с жизнью. Мы мечтаем об одном — она предлагает другое, мы требуем — она в ответ ставит условия, мы обижаемся — она, не

заметив наших надутых губ, проходит мимо. В общем-то жизнь нелегкий, но честный партнер: за работу платят, за халтуру лишает премии, за нежелание понять себя, за эгоизм порой жестоко наказывает.

Аркадий Петрович относился к жизни по-деловому, без излишнего пиретта, но с уважением, как к представителю смежного предприятия, с чими правилами, если хочешь чего-то достичь, приходится считаться.

Недуги, которыми он занимался, уходили корнями далеко за пределы врачебного кабинета. Чтобы работа была результативной, необходимо было добраться до этих корней.

Примерно так возникла идея клуба знакомств. Тогда же Аркадий Петрович и те, кто его поддерживал — руководители диспансера и райздрава, — вспомнили о подвале под зданием.

Как превратить подвал в клуб? Вопрос очень сложный, но по счету второй. А первый — кто превратит подвал в клуб? Аркадий Петрович быстро понял: это могут сделать лишь те, кому клуб нужен.

Они и сделали.

В клубе люди самых различных специальностей, интересов, увлечений. И все их профессии и хобби — на стенах клуба. Кто-то выкладывал кирпич. Кто-то монтировал сантехнику. Кто-то прятал трубы за фанерными щитами. Кто-то эти щиты красил, а потом расписывал. Кто-то развесил в коридорах фотографии. Кто-то установил звукоаппаратуру. Кто-то оклеил стены комнатки, предназначенной для личных знакомств, красно-рыжими кленовыми листьями — красота, кто понимает, а кто не понимает — почувствует.

Стены библиотеки разрисованы и расписаны всевозможными изречениями. Прочитал — да это же целая школа общения! Тут же переписал, может, и пригодится. Впрочем, готов поделиться этой настенной наукой с любым желающим:

Не упрекай!

Не демонстрируй чувство превосходства.

Неуважение к человеку — дешевый способ самоутверждения.

Критикуя, не обвиняй и не унижай.

Будь требователен больше к себе, чем к другим. Свои предложения выдвигай лишь в порядке обсуждения.

Высокопарность низкопробна, будь проще.

Прежде чем критиковать, убедись, что тобой не движет стремление покрасоваться.

Будь терпим к недостаткам людей. Недостатки человека — часто продолжение его достоинства. Более того, достоинства — часто продолжение недостатков.

Шедро дари знаки уважения.

Не допускай реакции по типу «сам дурак».

Категоричность суждения неприятна окружающим.

Не давай советы, если тебя о них не просят.

Прости партнеру раздражительность. Постарайся понять и оправдать его. Не сердись, даже если он не прав. Дай выговориться и заведи дружелюбный разговор.

Не перебивай собеседника.

Смейся вместе с человеком, а не над человеком. Быгуди мужу, а локоны сотруднику? Несправедливо!

Чаще говори человеку о его достоинствах.

Занимайся распрашиванием, но не будь бесцеремонным.

Тебе никто ничего не должен — будь благодарен и за малое.

Решай вместе с человеком, а не вместо человека. Прости совета — это знак уважения.

Ищи в людях хорошее.

Споры, а не скоры!

Выиграв конфликт, не разыгрывай роль победителя.

Чаще улыбайся, даже если тебе невесело. Не делай злое лицо.

Не обвиняй — ты не прокурор.

Не командуй, а проси.

Критикуя, не обвиняй, а предлагай конструктивное решение.

Будь признателен за усилия, даже не увенчавшиеся результатом. Будь признателен за результат, достигнутый для тебя даже малыми усилиями.

Самоутверждайся через творчество, а не через унижение другого.

Вот такой своеобразный кодекс человеческих отношений. Не полный, не идеальный, возможно, не всегда точно сформулированный, но я привел его здесь с сугубо конкретной целью: может, кто-то из одиноких самостоятельно найдет в этом перечне причины своего одиночества...

Вообще в облике клуба ничего казенного и очень много домашнего. Не потому, что такова была цель его создателей, скорей потому, что таков был метод создания. Каждый делал, что мог и умел, и неволь-

но оставлял на кирпиче и штукатурке, на дереве и металле отпечатки своей руки, след своей личности. Висит на стене чья-то картина, брошена на диван кем-то вышитая накидка, мягко светится кем-то придуманные светильники. И в разных местах, в разных вариациях, как символ, как фирменный знак, возникает один и тот же мотив: черное небо, светлые звездочки, и между ними детское лицо. Небо условно, звезды условны, лицо реально — фотография.

Красив клуб, красив и уютен, ничего не скажешь!

Я не хочу идеализировать этот самодельный дизайн — вполне возможно, профессиональный архитектор, мастер интерьера мог бы оформить помещение не хуже. И приятный облик клуба вовсе не снимает поставленный прежде вопрос: нужна ли в качестве вступительного взноса столь серьезная отработка — двадцать шесть недель, сто четырех часа? В конце концов все мы люди занятые. Можно бы, например, решить проблему и так: собрать по десятке, на эти деньги нанять районную ремонтную контору — и пусть трудятся во имя общения и плана.

Но практика показала, что у «отработки» — этой поначалу вынужденной полосы препятствий перед входом в клуб, — помимо чисто практической пользы, есть как минимум два больших достоинства.

Во-первых, к местам общения и знакомства тянутся народ разный и не всегда лучший, причем порой этот не лучший народ, эгоистичный, скандальный и даже хулиганский, начинает задавать тон. Так вот, сто часов отработки — вполне надежный барьер перед теми, кто приходит в симпатичный подвалчик просто поразвлечься, а то и позабавиться чужой бедой. У члена клуба может быть множество недостатков, но легкомыслия, как правило, нет. Более того, отработка дает известную гарантию, что член клуба работящий и элементарно уживчив, иначе за полгода нашел бы повод разрушаться и уйти.

Во-вторых, эта отработка не только «чистилище» перед клубом, но и сам клуб. Поразительно, но многие новички, получив через полгода доступ к желанной картотеке, ее услугами не пользуются — не нуждаются. Сто часов совместной добровольной творческой работы — вполне достаточный срок, чтобы познакомиться, найти среди общения, а иногда и выделить из него человека, необходимого лично тебе.

Знакомство — это работа. В «Маленьком принце» данный принцип начинает действовать буквально с порога, даже раньше...

Ну ладно, пройдено «чистилище», новичок принят в клуб. Наконец-то и ему доступна та самая картотека, в которой таится столько надежд. Но что это такое — картотека?

Она состоит из двух частей. В первой — поисковые карты, каждая размером в один лист. Фотография и своеобразная анкета — 14 вопросов слева, 14 справа. Слева человек рассказывает о себе, спрашивает о том, каким хочет видеть будущего супруга. И ни имени, ни фамилии, только номер. Собственно, формальное вступление в клуб с того и начинается, что новичок заполняет поисковую карту.

Карты эти разложены по возрастам. Любой член клуба может посмотреть хоть всю картотеку — по желанию! Словом, выбор есть. Бери на заметку хоть пять карточек, хоть десять.

Следующий этап — знакомство со второй частью картотеки. Там тоже своеобразные «личные дела», но уже иного объема — целые папки. Теперь фотографий десять — двенадцать, а вопросов в анкете больше двухсот. И опять ни имени, ни фамилии — тот же самый номер, что и в поисковой карте. Все это называется самоописание.

Анонимное знакомство продолжается, на этот раз весьма углубленно: ведь, отвечая подробно на двести с лишним вопросов, человек как бы пишет портрет собственной души — простите за красноречие, но проще выразить мысль не сумел. Причем сделать этот портрет приукрашенным очень нелегко: Егидес — опытный психолог, хорошо знает людей, и предложенные им вопросы не только дополняют и уточняют, но и проверяют друг друга.

Если и после этого более глубокого анонимного знакомства желание встретиться не пропало, член клуба обращается в службу связи, которая передает его номер отобранным им номерам. Да, именно так: номер знакомится с номером, полная анонимность. И лишь при обоюдном желании службой связи назначается, наконец, личная встреча. Знакомство состоялось. Дальше все зависит от двоих.

В чем достоинство такого, через две анкеты, знакомства?

Достоинств несколько. Есть возможность спокойного и обширного выбора. Есть возможность еще до встречи узнать о человеке очень много. И все это без ущерба для самолюбия: анонимный отказ на анонимном предложении не ранит.

Я не специалист и в данных вопросах не судья. Но и специалисты считают, что методика знакомства в

«Маленьком принце» продумана, серьезно разработана — одна из лучших в системе нашей службы знакомств.

Хочу подчеркнуть еще один существенный момент: Аркадий Петрович не просто организатор и руководитель клуба знакомств, он прежде всего ученик. Его цель — создать методику, своеобразную модель знакомства, которая могла бы использоваться по всей стране. Прекрасная идея, пошли ей, судьба, удачу!

Собственно, такая модель как раз и проходит испытания в «Маленьком принце». Будем надеяться, они окончатся успешно. Я же подробно эту модель описывать не буду — такая работа для специалиста. Меня сегодня интересует лишь сугубо практическая сторона дела, предварительные итоги, из которых уже сегодня можно вынести некий урок.

Прежде всего какова результативность этого прочно, продуманного, умело направляемого клуба знакомств?

Пока около пятидесяти сложившихся пар. Сто человек. Напоминаю — анкет в картотеке две с половиной тысячи.

Пятьдесят пар — это много или мало?

В общем, не так уж и мало: из каждой сотни четверо ушли от одиночества. Но не так уж и много — результат примерно такой же, какой дают и прочие формы службы знакомств.

Но пусть нас не пугает скромность успеха. «Маленький принц» — и клуб знакомств и экспериментальная площадка науки. Не надо огорчаться, что цифры малы, надо понять, почему они малы.

Аркадий Петрович основную причину формулирует четко: несоответствие статуса уровню притязаний. В переводе с научного на обиходный это означает, что мы с вами мало знаем, но много хотим. Об этом уже шла речь, повторяться не буду.

Вторая причина — мы не умеем общаться. Есть масса способов без особых нервных затрат обидеть близкого человека, и всеми этими способами наш рядовой современник владеет виртуозно. В результате чего частенько и коротает дни в одиночестве.

Так вот. «Маленький принц» — не только знакомит — он и учит общению. Именно учит, как учат в школе арифметике или ботанике.

Школа бесконфликтного общения — при клубе время от времени производит набор очередной группы, двадцать — тридцать молодых и не совсем молодых людей занимают места в комнате, которую можно назвать и аудиторией, и конференц-залом, и дискотекой, в зависимости от того, что в ней сегодня происходит. Занятия ведут высококвалифицированные психологи.

На одном из занятий я был. Тема — Конфликтогенный посыл. Раздел — Грубые и тонкие знаки превосходства. Форма занятия — разбор домашних заданий. Суть этих заданий — на улице, в очереди, в транспорте, дома, наконец, выделить и записать различные знаки превосходства. Общее ощущение от занятия интересно!

Домашнее задание аудиторию явно увлекло, примеры так и сыплются:

- Вы что, сами не видите?
- Лучше послушайте, что я вам скажу!
- Поберегите нервы!
- А еще интеллигентный человек!
- Не учите меня жить, лучше помогите материально.
- Вас же не спрашивают!

Фразы, обычные в нашем обиходе, слышанные много раз, в разговоре почти незаметные. Но прислушайтесь! Ведь это язык одиноких.

И грубые и тонкие знаки превосходства вызывают раздражение, а потом и злость. Человек, вовсе не собиравшийся ссориться, хотелый всего лишь себя «поставить», а другого «поставить на место», вдруг нарывается на скандал с весьма тяжкими последствиями. Но это для себя вдруг. А на самом деле логично и закономерно: конфликтогенный посыл провоцирует конфликт, или (опять перевожу с научного на обиходный): как аукнется, так и откликнется...

Помимо этих двух причин, определяющих относительно малую результативность клуба, есть, мне кажется, и третья, несколько парадоксальная. А именно — сам факт членства в клубе знакомств.

Дело в том, что человек одинокий отчаянно стремится выбраться из своего одиночества, каждый месяц промедления воспринимается им как беда. Но вот после долгих стараний он наконец вступил в клуб знакомств. Возможности его сразу резко возросли: под рукой сотни предложений! Да и сама обстановка клуба практически снимает остроту одиночества. Занятия, вечера, словом, общение в «Маленьком принце» хватает. Так что теперь можно и не спешить. Человек и не спешит.

Такой вариант не кажется мне неудачей клуба, скорей наоборот. Ведь главная цель всего дела — из-

бавить человека от одиночества. А каким путем это произойдет, уже не столь существенно...

«Маленьком принце» надо бы рассказывать подробней — уж очень ярок клуб, талантливы его организаторы. Формы работы тут постоянно обновляются и совершенствуются. Сейчас тесноватый подвалчик на улице Чехова дает кров нескольким очень разным секциям: собственно службе знакомств (карточка), клубу молодоженов и «Школе бесконфликтного общения», о которой я уже написал. Мне, однако, кажется, что «Маленьком принцу» пока не хватает еще одной, остронеобходимой секции — клуба руководителей клубов знакомств. В этом новом для нас деле пока что успехов не так много, а огрехов полно. Любой удачный опыт драгоценен. И обмениваться им надо не откладывая...

Кстати, я, кажется, упустил еще один скучный, но важный вопрос. Сам-то «Маленький принц» под чьей эгидой действует? Кто дает кров ему? От какой организации он помогает одиноким?

Отвечаю ясно и недвусмысленно: клуб существует на общественных началах. Штатных единиц у него нет.

До чего же сильны, до чего могущественны эти общественные начала, если смогли породить такое живое, такое жизнеспособное дело!

Не будь иждивенцем у судьбы!

У этой женщины золотистые распущенные волосы, золотистая кожа и глаза подернуты дымчатой поволокой, как в минуту любви. Она летит над землей, никогда не оглядываясь, и волосы ее вопреки всем законам аэродинамики относят не назад, а вперед. Торопясь, не упусти момент: пролетит — и не ухватишь...

Так ее порой изображали. Фортуна, богиня удачи. Я утверждал, что женщина эта, в общем, объективна, и любому из нас за редким исключением дает свой шанс. Утверждал и не отрекаюсь. Но Фортуна нелегко, она одна, а нас миллионы. Поэтому не будь иждивенцем у судьбы, помоги Фортуне!

Как ей помочь? Способов множество.

Вот, например. «Маленький принц». Хороший клуб, но маленький. Даже на район его не хватит. Но скажите, а что в «Маленьком принце» уникального? Что требует непомерных затрат? Что невозможно в любом ином подвале?

Все возможно!

Никого не хочу упрекать, но, на мой взгляд, любой пустой, захламленный подвал — позор и для жэка, и для общественников, и прежде всего для одиноких граждан района. Ведь это им, не кому-нибудь, а им необходим клуб знакомств и общения. Его может возглавить учитель или журналист, музыкант или историк, и у каждого такого клуба появится свое лицо, своя неповторимость, свои средства от одиночества.

Помогите Фортуне — создайте клуб общения там, где его нет!

Стоп! Кажется, я начинаю мыслить слишком широкими категориями. А ведь цель у меня как раз узкая и конкретная: помочь высокой девушке, безымянной корреспондентке, приславшей отчаянное письмо. Что, если ей создать клуб просто не под силу, если она по натуре не организатор, не лидер, не боец? Как быть тогда?

Тогда все равно помочь Фортуне. Пусть не лидер, не боец, просто женщина. Этого достаточно — женщина может много.

У высокой девушки, по ее же словам, внешность средняя. Это, как уже сказано, любви не помеха. Но ведь внешность — то нам не навек дана! Она меняется, и порой очень резко.

Лет восемь назад я познакомился с толстенькой некрасивой девушкой, чьих «комплексов» с лихвой хватило бы на пятерых: замкнутая, неуверенная в себе, косноязычная от стеснительности. Долго не виделись и вот недавно встретились снова. Перемена просто ошеломила: стройная юная красавица, не зависящая от колебаний моды, из тех, что в любой ситуации первым же взглядом бьют наповал, как спайсерская винтовка! Откуда такая метаморфоза?

Вот откуда.

На втором курсе института ей вдруг надоело переживать по поводу собственных несовершенств, и она решительно занялась собой. За полгода похудела на восемь килограммов, нашла идеальную для себя прическу, свой тип одежды. Косметика? Я не большой ее поклонник, но буду объективен, тут сыграла роль и она: не где попало, лишь бы погуще, а словно курсив в тексте, выделяющий нужные места. Да, месяцем шесть моей приятельницы прислалось помучиться (хотя что за мучение? Просто режим пряде спортивного), зато теперь заботы минимальны — не терять форму.

Вот так. Девятнадцать лет жила дурнушкой, теперь пятый год живет красавицей.

Кстати, к нынешним ее внешним достоинствам надо добавить еще одно, возможно, самое существенное: так называемую «изюминку». Это слово мы употребляем довольно часто, даже не пытаясь определить его суть. «Изюмина», и все. Даже не качество, а некий загадочный фонарик, как бы высвечивающий изнутри все наши плюсы. Либо он есть, либо нет.

Однако, если разобраться, в «изюмине» ничего мистического нет. Это, по сути, «подтекст» внешности, тот случай, когда за поверхностным и очевидным угадывается еще нечто, словом, наша человеческая глубина. А глубина от беззабочного существования не появится, глубину дает только пережитое. Вот с моей знакомой щедро расплачивается за причиненные огорчения бывшая замкнутость неуверенной в себе дурнушки.

Если в юности нам не везет и в близком будущем ничего не светит, не считайте эти годы потерянными: вы не только страдаете, но и выполняете важную и перспективную работу — накапливаете в себе будущую «изюминку»...

Высокая девушка пишет, что и характер у нее средний. Вот это уже сигнал тревоги.

Если средней внешности для счастья нам более чем достаточно, то среднего характера мало. Почему?

Да потому, что к внешности быстро привыкают и перестают ее замечать. А к «среднему» характеру привыкнуть трудно, он постоянно напоминает о себе. Можно назвать выделенное высокой девушкой качества ее характера обидчивостью, можно капризностью, можно гордостью — лучше от этого оно не станет. Безусловно, человек вправе уважать себя — если есть за что. Но без особых к тому оснований требовать от человечества неукоснительного внимания к своим однажды высказанным желаниям (редко обращаюсь с просьбой во второй и третий раз) просто смешно. Плохого человека лучше ни о чем не просить вообще: хорошему не грех и пять раз напомнить. (Впрочем, и плохого надо просить: все же человек, и почему бы не дать ему возможность проявить в себе человеческое?)

Короче,ничто так не унижает и не делает смешным, как собственная гордость, возведенная в манеру поведения.

Почему я на этом так подробно останавливаюсь? Да потому, что эта самая «гордость» — одна из верных примет нелюбви. Любовь — чувство в высшей степени естественное — крайне редко нуждается в принципах, потому что сама по себе выше большинства принципов. Тем более таких: сколько раз повторять просьбу...

Правда, высокая девушка пишет об отношениях не с любимым человеком, а с друзьями или сослуживцами. Но разве можно иметь две натуры — одну для всех, другую для избранных?

Так что со «средним» характером, я полагаю, надо кончать, для счастливой любви характер нужен хороший. А избавиться от неумеренной обидчивости разумному человеку не так уж сложно: просто во всех конфликтных ситуациях надо стараться понять сперва другого человека, а уж потом себя.

С капризными людьми тяжело не только окружающим — тяжело и Фортуне. Помогите судьбе — станьте шире и добрей!

Кстати, улучшая характер, человек улучшает и внешность. Известно: ничто нас так не красит, как глаза. Но ведь не всякие глаза украшают — добрые, только добрые...

И еще одно. Чем насыщенней, чем деятельней ваша досуг, тем шире возможность счастливой случайности. Ничего не поделаешь, знакомство — это работа...

Женщине, лежащей вечером на тахте, грозит лишь визуальное знакомство с диктором телевидения. У гуляющей по улице шансы лишь немногим выше. Ну, допустим, кто-то захочет к ней подойти. А что скажет? Спросит, который час?

А теперь представьте: та же женщина, но на велосипеде, и туристский рюкзачок за спиной. Тут уж совсем иные возможности! Вопросы не надо вымучивать, разговор конкретен и интересен даже без дополнительной задачи. Так что дорожный велосипед не только укрепляет мышцы ног.

Не доставайте театральные билеты по знакомству — честно выстаивайте свое в очередях. Окупится: чем длиннее очередь, тем увлекательней беседа.

У кого больше шансов на пляжное знакомство: у женщины в роскошном купальнике или у ее более чем скромной подруги, но с шахматной доской? Играйте в шахматы!

О самодеятельности речь уже была, даже скромные таланты клубной сцены не страдают от нехватки поклонников.

Ходите на диспуты, на читательские конференции: споры, начатые в зале, порой кончаются в засге.

Но, помогая судьбе, не прислуживайте ей. Ходите в театр ради театра, гоняйте на велосипеде ради чувства скорости, заплывайте в море ради моря, спорьте на диспутах ради истины. Живите своей жизнью, делайте свое дело, а Фортуна пусть делает свое...

Ну, а если все равно не повезет? Тогда останется утешаться тем, что жизнь ваша стала вдвое более богаче.

Но скорей всего повезет. Ибо трудно знакомиться только с безликим человеком. С интересным легко.

Поэтому пойте в концертах, пишите пейзажи, играйте в шахматы, приручайте водные лыжи, охраняйте природу — помогайте судьбе!

Преимущество имеет нахал

Служба знакомств развивается главным образом в крупных городах. Здесь больше клубов, здесь чаще вечера, здесь публикуются объявления.

А теперь зададим себе вопрос: зачем горожанину служба знакомств? Чабан, охотник, лесоруб — тут все ясно, они по роду профессии оторваны от человеческой массы. Но зачем служба знакомств обычному горожанину, чьи дни проходят в людской толче? Не умеем выбрать без помощи клубной анкеты или массовика-затейника?

Нет, причина иная. Не умеем знакомиться. Элементарно не умеем знакомиться.

Женщина, письмо которой я уже цитировал, умна и прекрасно владеющая словом, пишет: «Возраст у нас такой, что на танцы не пойдешь».

Ладно, допускаю — в сорок пять на танцах неуютно. Но при чем тут танцы? Вдумайтесь только — при чем тут они? Речь-то идет не о танцах, а о знакомстве! Когда-нибудь малоизуровиденный потомок просто не уловит связи.

Мы эту связь улавливаем мгновенно и без вопросов. Потому что великолепно знаем, что танцы существуют не столько для того, чтобы танцевать, сколько для того, чтобы знакомиться. А почему? Потому что на танцах знакомиться можно. На улице нельзя. В трамвае нельзя. Зато на танцах можно.

Свободные люди, всеобщее среднее образование, Чехова изучали, разбудили среди ночи, моментально назовут столицу Непала: Катманду, и только Катманду! Но какие же при этом рабы жалкой и бессмыслицей условности...

Впрочем, может, я зря так сурово? Может, есть какой-нибудь смысл? И не напрасно идет из прошлого имени такая разрешающая традиция?

Век или два назад некий смысл действительно имелся. Барышни из благородных семейств отлавливали женихов на балах, то есть как раз на танцах, и знакомство под мазурку имело решающее преимущество перед уличным и даже, например, театральным. Почему? Да потому, что гарантировало определенное сословное равенство. На танцы попадали лишь приятные и званные, купеческий, а тем паче крестьянский сын в это избранное общество проникнуть никак не мог. Только свой круг!

Нынче сословий нет, круги потеряли ясность очертаний, на любые танцы может прийти любой. Баллы атомной эры никакой избранности не гарантируют. А традиции остались!

Общественное неодобрение уличных знакомств вроде бы и сегодня имеет свой резон. Ведь такое знакомство безответственно: ни соседей общих, ни сослуживцев, ни друзей, сегодня встретились, завтра разошлись — словом, можно позволить себе и кое-что непозволительное. Почему? Да потому, что гарантировало определенное сословное равенство. На танцы попадали лишь приятные и званные, купеческий, а тем паче крестьянский сын в это избранное общество проникнуть никак не мог. Только свой круг!

Но вот ведь какое дело: на улице знакомиться хоть и нельзя, но можно. И знакомимся. И не так уж это трудно, не столь уж прочна оборона, существует множество маневров, позволяющих ее прорвать или обойти. Всего-то и нужно иметь опыт к таким делам да относиться к ритуальным женским протестам со здоровым мужским презрением. Так что кому надо, тот и в трамвае познакомится.

А теперь смотрите, что получается: на улице, на танцах, на пляже, в автобусе, в очереди и т.д. явное преимущество имеет нахал. Ведь это именно он имеет в таких делах опыт и споровку. Все преграды, которые ставят мораль перед уличным знакомством — замки от честных людей, жулики откроют их хоть спичкой, хоть ногтем. И наши женщины, блюда скромность, успешно отшивают скромных, расчищая поле действия для бывальных и беспардонных.

Так не лучше ли распространить относительную вольность танцплощадок и на прочие, менее музы-

кальные места и вообще упростить ритуал знакомства, лишив нахала его теперешнего преимущества? Пусть каждый получит право подойти и поговорить, пусть дальнейшее зависит от уровня этого разговора, а не от степени наглости в первый момент. Проводят же в институтах «День открытых дверей» — так не учредить ли «День открытых знакомств» и проводить его 365 раз в году?

Белый танец

Даже мужчине при знакомстве не так-то легко сделать первый шаг — можно нарваться и на насмешку и на прямую грубость.

Ну, а женщины?

Тут уж традиция не ворчит, а просто зубами лязгает.

В тридцать пять женщине трудно, в двадцать семь трудно. А когда легко? На лекциях о семье и браке до сих пор едва ли не самая популярная записка: «Может ли девушка первая объясняться в любви?». На что обычно рекомендуют самой не объясняться, но повести себя так ловко, чтобы объяснился он.

Видимо, потому высокая девушка считает своим большим недостатком неумение кокетничать.

Между тем не так уж редки ситуации, когда женщины позарез необходимо самой сделать этот рискованный первый шаг.

Надо сказать, и в прежние, более строгие времена люди понимали, что жизни сложней ритуала, что и женщины порой необходима отдушина, аварийная дверца в каменной стене благопристойности. Поэтому, наверное, и был придуман дошедший до нас трогательный обычай: тот белый танец, о котором и поныне поют сентиментальные песни.

Белый танец. Весь вечер танцуют с теми, кто пригласил. Зато уж эти пять минут — с кем хочется!

Но жизнь не бал, тут белого танца можно и не дождаться.

Процитирую еще одно письмо. Кому-то, может быть, оно покажется наивным, даже смешным, но девушке, приславшей его, не до смеха.

«...Теперь о себе. У меня много друзей, поклонников тоже хватает. Масса интересов: музыка, литература, театр. Играю в самодеятельном ансамбле. Есть у меня и проигрыватель, и магнитофон, и гитара, и фирменные вещи — одним словом, все, что нужно современной молодежи.

Но несколько лет назад я встретила человека и сразу, мгновенно в него влюбилась. Чуть позже мы по случайности познакомились ближе. Он у нас популярен (играет в профессиональном ансамбле), говорят, пользуется вниманием девушек. Если о внешности — ростом невысок, довольно симпатичен, гордый вид, одевается элегантно.

Постепенно я привлекла его внимание, и у нас началось нечто вроде дружбы. Его неравнодущие ко мне очень меня радовало. Я помню каждый его жест, манеру разговора, задумчивый взгляд, приятный голос, красную улыбку. Временами он учил меня играть на гитаре.

Я полюбила его, я дышала им. Но никогда, ни разу я не выдала этих чувств. Я была в ожидании его признания. Но увы... Со временем я поняла, что он просто уважает меня и любовь моя невзаимна. Поняла, а примириться не могу. Веду дневник — разговор с ним. Все мои стихи посвящены ему. Я была у него дома, он познакомил меня с мамой, родными. Как они сейчас дороги мне! С тех пор прошло два года. Сейчас он в армии. Никто, кроме двух подруг, не знает, что я его люблю.

Вы пишете в своей книге: «Невзаимная любовь может превратиться во взаимную». Может, бывает и так, но редко. Я стараюсь забыть его, но не получается. Неужели я больше не полюблю никого? Через полгода он вернется. Что мне делать? Подойти и сказать: «Я люблю тебя, я не могу жить без тебя?» Нет! От любимого человека я готова стерпеть все, но не унижение!»

Пусть простит меня милая девушка, приславшая это письмо, но, мне кажется, повода для серьезных огорчений у нее пока еще нет. Проблема неразделенной любви перед ней скорей всего не стоит, тут, на мой взгляд, типичная проблема «белого танца».

Мы видим историю глазами любящей девушки, и выглядит она приблизительно так. Он популярный музыкант, гордый и неприступный, она одна из почитательниц, имеющая слишком мало надежд, одинаково боязливая и невнимания и унижения. Добиться его внимания все-таки сумела, признания — нет. Значит, не любит. Значит, равнодушно уважает.

Я, однако, не уверен, что подлинная суть их отношений именно такова.

Попробуем взглянуть на ту же историю глазами молодого человека (это не столь уж сложно, ибо девушка описала его подробно). И с этой точки зрения все будет выглядеть по-иному.

Он начинавший музыкант в ансамбле, лет около восемнадцати (познакомились до армии), ростом

маловат. Внешность? Влюбленной девушке нравится, самому себе вряд ли, иначе зачем стал бы так старательно наряжаться и принимать гордый вид (и то и другое — явные признаки неуверенности в себе). Она хорошенькая, модная, окруженная поклонниками, оснащенная новейшей музыкальной техникой и вообще всем, что нужно современной молодежи. Со всех сторон защищена! Трижды подумаешь, прежде чем сделать первый шаг.

Тем не менее сделал, и не один. Ведь как только не намекал, как не изловчался! И домой позвал, и с мамой познакомил, и на гитаре учил, и смотрел задумчиво, и говорил приятно, и улыбался красиво... А в ответ? Никакой реакции, даже бровью не повела!

Что прикажете в таких случаях делать неуверенному в себе, мучительно боящемуся унижения восемнадцатилетнему пареньку? Только и остается, что уважать!

Она боится унижения, он боится унижения — вот и уважают друг друга...

«Что мне делать? — спрашивает автор письма. — Подойти и сказать: «Я люблю тебя, я не могу жить без тебя?»

Я бы посоветовал именно так и поступить: подойти и сказать, но лишь первую половину фразы.

Ведь говоря человеку, что не можем без него жить, мы, по сути, поступаем эгоистично: мол, люби меня, а то умру и смерть моя будет на твоей совести! Словом, как бы возлагаем на него некие обязательства. А что значит «Я тебя люблю»? Совсем иное. Это значит — я хочу видеть тебя счастливым и в любой ситуации безоговорочно можешь на меня надеяться, потому что мои силы, мое время и вообще все мое принадлежит тебе. Говоря «Я люблю», мы обязательства не возлагаем, а берем на себя. Так что чего-чего, а достоинства в этой фразе более чем достаточно.

Хорошо, что оба героя этой истории молоды — есть время во всем разобраться... Ну, а в принципе как быть в аналогичных ситуациях представительницам слабого пола?

Абсолютно уверен, что женщина сама вправе выбирать, какой танец назначить белым.

И дело не только в том, что у летящей Фортуны волосы относят вперед, что утраченное время не вернешь, а счастливый случай может и не повториться. Вообще, на мой взгляд, женское признание почти всегда значительней и достойней мужского. Не потому, что женщины лучше и правдивей, нет. Просто за коротеньку фразу «Я тебя люблю» женщина может ответить девятью месяцами беременности и долгими годами материнства, поэтому в ее устах универсальные слова приобретают подлинный вес и силу. При любом ответе унизительными они быть не могут.

Скорей уж унизительно вертеть и крутить, выуживая мужское признание.

У человечества сотни болезней и тысячи лекарств. Уже появились лекарства от лекарств. Не из протеста ли против этой многочисленности и дробности во все века своего существования медицина ищет панацею: лекарство от любой болезни, «волшебную пурпур», разом поражающую все недуги? Но что делать, пока что панацею не нашли...

У одиночества много причин — от драматических парадоксов демографии до обыкновенного ханжества. А единое средство от них есть? Так сказать, панацея?

Не ждите дальнейшей аналогии с медициной — есть. Есть панацея! Известна много лет, и не только специалистам. Хороша, надежна. Вот только очень сложна в производстве, и пока, увы, ее не хватает на всех.

Это высокая культура человеческих отношений.

К сожалению, указом ее не введешь, в план не впишешь, за деньги не купишь и силой не навяжешь. По крупинке, по зернышку приходится накапливать в себе сочувствие и любовь к близким и неблизким, понимание того непреложного факта, что все мы люди и, следовательно, имеем абсолютно равное право на счастье, что чужая тоска — твоя беда, а чужая радость — твоя победа, что не только чья-то смерть, но и чье-то одиночество — колокол, который звонит по тебе.

Человеческим отношениям мы учимся и у мудрых книг и у самой жизни. Еще учимся друг у друга, ибо тут все мы и учителя и ученики — у каждого свой опыт, каждый хоть раз ощутил жестяной вкус одиночества, каждый искал, а может, и нашел средство от этой тусклой хвори.

Высокая девушка попросила совета и помощи. Не знаю, будут ли ей полезны эти заметки. Возможно, помогут косвенно: кто-то, страдавший, как и она, но сумевший победить свое одиночество, напишет об этом. В таком деле лишних знаний не бывает, дорог и практический шаг, и добрый совет, и горькое предостережение.

Если есть у вас чем помочь — помогите высокой девушке!

Ждем ваших писем!

ШАХМАТЫ

Под редакцией гроссмейстера
Виктора
ЧЕЛИЖНОГО

Этюды Л. Куббеля

Успехи Леонида Ивановича Куббеля в области шахматного этюда не уступают его творческим достижениям в жанре задач. Они столь высоки, что Куббель по праву считается одним из основоположников отечественной этюдной композиции. Куббель не только блестящее продолжил лучшие традиции своих предшественников, но и обогатил этюдное искусство новым содержанием, новаторскими идеями.

Главное место в его этюдном творчестве занимает комбинация. Какие бы идеи Куббель ни разрабатывал в своих этюдах, он неизменно стремится придать им комбинационную остроту. Особо следует отметить его мастерское умение рельефно выделить кульминационный момент этюда. Этот новый для своего времени эстетический момент pronto вошел в число художественных принципов советского шахматного этюда.

Предлагаем вниманию читателей три этюда Леонида Куббеля.

«Тидскрифт фор шак»
1916

Ничья

1. f7 Lf8 2. e6 b6! Черные предупреждают ход 3. e7, на что последует 3. Lf7, и пешка связана. 3. Kpb7 Krc5. Кажется, белые ничего не достигли. На 4. Krc7? последует 4... Kpd5 5. Kpd7 Krb6 6. Krc7 La8, и черные выигрывают, проводя свою пешку «b» в ферзи. Но белые имели в виду совсем другое: 4. e7! L:f7 5. Krb6 L:e7 — пат!

«Шахматы в СССР»
1940

Выигрыш

Трудно поверить, что в этой позиции игра закончится матом!

1. Kbb6 b2 2. Kd5+ Kpd6 3. Kc3 Krc5 (3... Krc4 4. Kpd5+ Kpd4 5. Ccb3 c3 6. Cf5, и выигрывают) 4. Kc4! (4. Ka4+? Kpd4 5. Kb2 c3 6. Cf5, и ничья) 4... Kpb4 5. Kpb6 6. c3 6. Cd3 Kpb3 7. Kpb5 c2 — и в этот момент, когда превращение одной из черных пешек неизбежно, белые объявляют красивый мат при участии всех фигур, находившихся на доске с самого начала — 8. Cc4+!

Конкурс шахматного клуба ВЦСПС, 1940
I приз

Выигрыш

1. Kh2 Krc3 2. Kg4+ Kpf4 (2... Krc4 3. Kf6+ Kpf5 4. Kd7!, и мат на g4 или выигрыш ферзя) 3. Ff1+ Krc4 4. Kf6+ Kpd4! 5. Fd1+ Kpc4 6. Fd5+! Krc3 7. Faf8!! Kr — 8. Kd5!, и черный ферзь в капкане! Если 6. Kpb4, то 7. Faf2!, и черные получают мат 8. Kd5+ или теряют ферзя.

Все три приведенных этюда по праву считаются классическими.

Николай
ОГАНЕСОВ

ПОВЕСТЬ

ИГРАЕМ В СПРИНГ

Я осмотрелся. Справа на бетонном лафете дремала обнесенная цепью пушка. Слабый ветерок играл в натянутых над столиками кафе тентах. Вокруг по-прежнему ни души. Только в кресле у стеклянной двери «Лотос» клевал носом тучный швейцар. Судя по блуждавшей на лице улыбке, ему снились чаевые.

Я вспомнил вчерашний вечер, тротуары, запруженные толпами нарядно одетых людей, смех и музыку, гул голосов, и пустая, сияющая огнями Приморская показалась мне гигантской декорацией, которую не-надолго покинули те, кому с восходом солнца предстояло принять участие в продолжении праздника.

И снова, как в прошлый раз, я подумал о Кузнецовых, представил его идущим по улице, возвращающимся с работы. Это получилось само собой, без всякого усилия с моей стороны, и я не удивился, когда он действительно появился в конце квартала. Такой, каким хотел казаться: мужественный, слегка утомленный полуночным ковбой с осанкой Юла Бриннера и клающими о мостовую подковками — ожившая фотография из альбома, фантом, тайна, которую неразгаданной я нашу с собой. Все громче подковки, все ближе и ближе четкий, подсвеченный сзади силуэт, расстояние между нами все короче. Я силюсь поймать его взгляд, но на лицо падает густая тень. Еще секунда, и он проходит сквозь меня. Гаснут за спиной шаги. И опять безлюдная улица. Опять тишина, прерываемая едва слышным журчанием стекающей в луки воды...

Он ушел. Как ушел тогда, пятнадцатого, как днем позже навсегда ушел из жизни, не оставив после себя никаких следов, ничего, кроме разноречивых воспоминаний, груды одежды, неоплаченных долгов и гадающих о его смерти друзей.

Как это сказал о нем Вадим? «Он знал, чего хочет от жизни». Чего же? Жена, музыка, одежда. Много это или мало? Не знаю. Он считал, что достаточно, и все это у него было. Программа, выполненная на все сто... Впрочем, нет. Одна из трех опор, на которых строилось его благополучие, оказалась непрочной. Вадим прав: предполагаемый развод грозил вывести из равновесия все сооружение, мог повлечь любые, самые неожиданные последствия — месть, отчаяние, загул, бегство, любые — да, но не самоубийство. Ведь семья была лишь одним из слагаемых в этой системе ценностей, остальные-то оставались при нем...

Я подпрыгнул и сорвал с ветки несколько продолговатых, жестких, как картон, листьев. Растирая их на ладони и поднес к лицу. Они пахли одуряюще сладко.

Почему Нина сказала Вадиму неправду?

На этот вопрос я, кажется, мог ответить. Но был еще другой, гораздо более сложный — вопрос о причастности Нины к смерти мужа.

Сообщение Вадима о разладе в семейной жизни Кузнецовых имело для меня как бы двойное дно, ведь разлад не всегда укладывается в сравнительно безобидную формулировку «не сошлись характерами». Иногда он означает и отчуждение, и непримиримость, и враждебность, и ненависть, а к чему могли бы привести подобные чувства, комментариев не требует.

Подозревал ли я Нину? И если подозревал, имелись ли для этого основания?

Формально она входила в число подозреваемых. По тем же формальным признакам в их число попадал и Вадим. Я обязан был рассмотреть даже кандидатуру швейцара из гостиницы «Лотос»...

На память пришел давний случай. Я тогда учился во втором или в третьем классе и однажды, собирая макулатуру для школы, наткнулся в общей бумажной свалке на связку книг в основательно потрепанных переплетах. На обложках стоял значок о принадлежности к популярной приключенческой серии. Кто-то выбросил их за древность и наивность повествования, а может, и по ошибке. Так или иначе, я притащил книжки домой и, едва открыл первую страницу, с головой ушел в мир, где против коварной госпожи Барк, ее куклы и агента по кличке Бумеранг действо-

вал отважный и находчивый майор Пронин. В течение одной ночи освоив винегрет, щедро заправленный перестрелками, минами замедленного действия и шифрованными телеграммами, я немедленно приступил к поискам объекта для наблюдения и, конечно, тут же его нашел. Мой «жертвой» стал тихий, безобидный старик, имевший несчастье соседствовать с нами по лестничной площадке. Он показался мне угрюмым, замкнутым, он не всегда отвечал на мое бодрое пионерское «здравствуй», и я поразился, как это раньше не заметил, что рядом, за стенкой, живет и процветает материальный резидент иностранной разведки. Дальше — больше. Дошло до того, что каждый самолет, пролетавший над нашей блочной пятиэтажкой, я принимал за вражеский транспорт, с которого ему сбрасывают секретные инструкции и динамитные шашки. Приключение закончилось плачевно: в один прекрасный день — а может, был вечер, уже не помню — я решил самолично задержать резидента. Позвонил к нему в квартиру и выпложил все, что знал о его шпионской деятельности. Возмущенный старик сгорячился надрал мне уши, а мать, разбросавшись в причинах моей сверхбдительности, долго не могла унять смех. Наказывать меня она не стала, ограничила тем, что рассказала немного о соседе, который по иронии судьбы оказался бывшим работником уголовного розыска. Он и привил мне впоследствии любовь к этой профессии.

С тех пор прошло много лет. Я успел кое-чему научиться. Тому, например, что подозрение не самый лучший способ составить о человеке верное мнение, что в нашей работе это — лишь одно из средств к достижению цели и что пользоваться им надо крайне осторожно.

Я отбросил смятые листья магнолии и вошел во двор.

С крыши еще срывались редкие звонкие капли. Они падали в лужи и, наверно, выбивали в них пузыри.

— Володя, это ты? — окликнули меня по имени.

— Нина? — По моим расчетам, она давно должна была видеть десятый сон — шутка ли, час ночи!

Я вслепую пошел на голос.

Нина сидела в беседке.

Лунный свет, чудом пробившийся сквозь листву, пятнами лежал на скамейке. Лицо и плечи Нины тоже были залиты лунным светом, но не прямым, а мягким, отраженным, от которого слабо фосфоресцировал воздух и поблескивали крошечные, похожие на застывшее стекло бусинки на листьях.

Я присел рядом.

— Он уехал? — спросила Нина.

— Уехал. — Это были первые слова, которыми мы обменялись после размолвки.

— Ты знал его раньше? — Она говорила, глядя в противоположный угол беседки, хотя смотреть там было не на что.

— Нет, с чего ты взяла?

Она не ответила.

— Вы, конечно, договорились встретиться?

— Конечно, — сорвал я.

— И он пригласил тебя к себе на дачу?

— Пригласил, — ответил я, несмотря на то, что впервые услышал, что у Вадима есть дача.

— Я так и думала... — Возможно, она что-нибудь добавила бы к сказанному, но помешал резкий протяжный гудок, долетевший со стороны порта.

Нина поежилась. Снизу тянуло сыростью, а на ней было легкое платье, да и то без рукавов. Я стянул с себя свитер и накинул его ей на плечи.

— Спасибо.

Мы сидели молча. Я где-то читал, что молчание сближает. Может, оно и так, только наше молчание было скорее тягостным. Как будто каждый, думая о своем, догадывался, о чем думает другой, и чувство мнимого понимания, которого на самом деле не было и в помине, мешало отнести друг к другу с настоящим доверием.

— Он рассказал тебе?

Странно, но мы действительно думали об одном и том же.

— Да, сказал, что вы с Сергеем собирались развестись, это правда?

Нина снова не ответила, и вновь воцарилось молчание. Теперь его прервал:

— Объясни, почему ты мне не веришь, словно подозреваешь в чем-то или боишься?

Я не предполагал, какой опасной темы коснулся, иначе ни за что не полез бы в расставленную самим собой ловушку.

— Ты не тот, за кого себя выдаешь.

— То есть как это не тот?

— Ты играешь какую-то роль, Володя, и сам не замечаешь, как при этом фальшивишь.

— Какую роль? — Я старался говорить как можно естественнее.

— Не притворяйся. — Она посмотрела на меня и тут же отвела взгляд. — Я не знаю, какую. Только чувствую, что здесь что-то не так. По отдельности мелочи, а в сумме... Книга, которую ты принес. Это предлог, я сразу догадалась. Догадалась, что это связано со смертью Сергея. Не знаю как, но связано. Ты ведь об этом не из газеты узнал, верно?

Я не нашел, что ей ответить.

— Ты знал об этом раньше, до того как пришел сюда. А вчера... Я не хотела этого говорить. Вчера кто-то роился в шкафу, на полках. Если ты что-то искал, почему не сказал, не спросил? И еще: где ты раздобыл адрес библиотеки? В городе десятки библиотек, откуда ты узнал, в какой из них я работаю? Ты сказал, что прочел адрес на штампе, но в доме нет книг с библиотечными штампами. Я хорошо это помню, а когда пришла, специально проверила...

Ночь разоблачений, начало которой часом раньше положил Вадим, продолжалась. Нина исполнила свое желание внести ясность и сделала это предельно убедительно. Все, о чем она говорила, было справедливо. За исключением обыска. К нему-то я не имел никакого касательства.

— Вчера я еще сомневалась, а сегодня... У нас на работе хранятся подшивки старых газет. Я просмотрела все, где есть объявление о размещении квартир...

Она могла не продолжать — я прекрасно понимал, чем должна была закончиться такая проверка, — но Нина довела свою обвинительную речь до конца.

— Твоего объявления там нет, — сказала она. — Молчишь. Значит, я права... — Секунду-другую она еще ждала ответа, потом безвольно опустила плечи. — Помнишь, ты читал мне про Ричарда Льюиса Сердце? Он скрывался от врагов. А ты? От кого скрываешься ты, Володя?

Что я мог ей сказать? Что завидую Ричарду, твердо знаявшему, где друг, а где враг — пусть беспощадный, пусть могущественный, но конкретный, зримый и осязаемый.

— Я хотела тебе верить, хотела... — Голос ее дрогнул. — А ты лжешь даже в мелочах...

Ее глаза наполнились слезами. Однажды я уже видел, как она плакала, но сейчас причиной был я, а это совсем другое дело.

— Не надо, успокойся...

— Я устала. Я запуталась и перестала понимать, что происходит. Помоги же мне... Не молчи, скажи что-нибудь!

— Ты мне нравишься, — вырвалось у меня как бы помимо воли, и хотя более неподходящий момент для признания трудно вообразить, я повторил, чувствуя, как души спадает ноша, которую таскал с тех самых пор, как впервые увидел Нину. — Ты мне очень нравишься...

Очевидно, это были единственные слова, способные пробить брешь в разделевшей нас стене взаимного недоверия.

— Я боюсь, — прошептала она. — Мне страшно, Володя...

— Это пройдет, пройдет, — сказал я, очень смутно представляя, что имею в виду: ее страх или свое бессилие помочь ей от него избавиться. — Вот увидишь, все будет хорошо.

— Володенька, я хочу знать правду. Даже самую тяжелую, самую жестокую, слышишь?

— Видишь ли, есть обстоятельства... — начал я издели, но Нина меня остановила.

— Не надо про обстоятельства. Обстоятельства есть всегда. Я хочу тебе верить, верить — только и всего.

— Разве ты сама всегда говоришь правду?

— Мне нечего от тебя скрывать.

— А Вадим? Зачем ты сказала ему, что я приезжал к вам раньше, что останавливался у вас?

— У меня просто не было другого выхода. Он видел, как я нервничаю, жду тебя, и спросил, вот и пришло сказаться. Но он чужой, ему безразлично, давно мы знакомы или недавно.

Рука, лежавшая в моей ладони, замерла, и я почувствовал, как между нами вновь пробежал холодок отчуждения.

— Скажи, почему ты уходишь от ответа? Будто специально отталкиваешь меня. Зачем? Ведь я боюсь называть тебя по имени — оно может оказаться такой же выдумкой, как и все, что ты мне говорил до сих пор.

Я не нашел ничего лучше, как брякнуть:

— Но меня действительно зовут Владимир. И вообще как я могу помочь, если ты не веришь ни единому моему слову? Как?

— А ты попробуй. Представь, что рядом с тобой не враг.

— Не говори глупости. Просто я не вижу способа доказать тебе, что я не шпион, не диверсант, что это не я копался в твоих вещах, не я шарил по полкам...

— Не ты?

— Вот видишь, ты не веришь.

— Это правда не ты?! Дай честное слово!

— Да за кого ты, черт возьми, меня принимаешь! — Я сказал это громче, чем сам того хотел, но, похоже, именно это и убедило Нину.

— Почему же ты сразу не сказал?! Но если это не ты... это все меняет. Подожди, послушай меня. Я постараюсь объяснить... Когда ты пришел тогда с книгой, я почему-то сразу подумала, что ты из милиции... Молчи, не перебивай...

Предупреждение совершенно излишнее — даже при желании я не смог бы вымолвить ни слова.

— Не знаю, почему я так решила, — продолжала Нина. — Может, потому что нуждалась в поддержке, а поддержки ждать неоткуда — не могла же я пойти в милицию и сказать: защитите меня, мне страшно. Может, из-за твоей настойчивости или из-за книги — она полгода пылилась в букинистическом магазине, я сама видела, а ты сказал, что привез ее с собой...

«Еще один прокол», — автоматически отметил я.

— В общем, я сразу подумала, что ты, ну, что ты оттуда. И разрешила оставаться. Ты свалился больной, потом у тебя начался жар. Ты лежал такой слабый, беспомощный... Вчера я уже хотела все тебе рассказать. Все-все. И вдруг этот обыск. Он испил меня с толку. Ну, думаю, наверно, он тоже из этих...

— Каких?

— Сейчас, Володя, сейчас. — Она взяла со скамейки какой-то пакет. — Сейчас ты все поймешь. Я знаю, Сергея подозревают в преступлении. Мне не сказали прямо, но несколько раз допрашивали и постоянно интересовались, откуда у него столько денег, где он их брал. Денег у него действительно было много, я сама удивляюсь: тех двух тысяч, что он выиграл в лотерее, не могло хватить на все эти вещи. После того выигрыша с ним вообще творилось что-то странное. Просто помещался на потерях. Десятками покупал билеты, заполнял карточки, составлял таблицы. Завел специальный блокнот и записывал туда тиражи «Спортлото». Ему не везло, но он продолжал играть. Я просила, убеждала, говорила, что это нехорошо, что нельзя ставить всю свою жизнь в зависимость от слепого случая. Мне всегда казалось, что есть в этом что-то нехорошее, безнравственное, что ли: заплатить копейки и ждать, что взамен получишь тысячи. Ведь это незаработанные деньги, шальные, мы с девчонками даже на комсомольском собрании как-то об этом говорили. А ты как считаешь?

— Пожалуй. — Я никогда не смотрел на лотерею из этой точки зрения, но мысль Нины показалась мне любопытной.

— Ну вот. Я просила его бросить, не играть. Он злился. Мы сорились, а на следующий день он снова приносил билеты, заполнял свои карточки. И все тащил и тащил в дом барахло, просто как ненормальный. Принес, например, как-то туфли, а они оказались велики, на несколько размеров больше, чем нужно. Так он их на четыре пары носков надевал, лишь бы оставить у себя. В последний год он вообще сильно изменился, стал совсем другим. Я просто его не узнавала: напустил на себя таинственности, замкнулся. К нему зачастии друзья. Они часами обсуждали, кто во что одет, какая фирма лучше, какая хуже, и так без конца, одно и то же. А потом... ты знаешь, что случилось потом. Его разыскивали милиция. А начиная с семнадцатого я стала получать вот эти письма. — Нина положила сверток мне на колени. — После его смерти они приходили каждый день. Каждый день, пока не появился ты...

Я развернул сверток. В нем лежала пачка конвертов. Я раскрыл верхний и вытащил оттуда сложенный вдвое листок.

Глаза успели привыкнуть к темноте, и я без особого труда разобрал два слова, составленные из крупных, вырезанных из газетных заголовков и наклеенных на бумагу букв: «ГДЕ ДЕНЬГИ». Вопросительный знак отсутствовал, но было ясно, с каким вопросом обращались к Нине анонимные отправители.

— Остальные можешь не читать, они все одинаковые. Только последнее отличается. Оно снизу.

Я вытащил нижний конверт.

«ЖДИ, МЫ ПРИДЕМ», — гласило послание, выполненное тем же не блещущим оригинальностью способом.

— Теперь ты понимаешь?

Теперь я понимал. Еще как понимал! Я догадывался, кто составлял эти письма, кто подбрасывал их в почтовый ящик, кто обещал прийти и выполнил свое обещание.

— Они следили за мной, — продолжала Нина. — Ночью я слышала, как они бродят во дворе,

возле дома. Несколько раз звонили на работу — возьму трубку, а там молчание. После таких звонков домой идти боялся. Надо было, конечно, сообщить в милицию, но я испугалась, ведь они могли отомстить.

— Ты видела кого-нибудь из них в лицо?

— Нет. Просто ощущение, что за спиной все время кто-то стоит, дышит тебе в затылок.

— Вчера ты об этом хотела рассказать?

— Да.

— И побоялась, что я имею отношение к письмам? Нина кивнула.

— Я подумала, что они выполнили угрозу... — Она не договорила, и я закончил вместо нее:

— И послали меня за деньгами?

Она закрыла лицо руками.

— Я не знаю, чего они хотят от меня, о каких деньгах пишут...

Только сейчас я в полной мере осознал, какой ценой далась ей этот разговор. Три дня сомнений, колебаний, страха. Три дня рядом с человеком, в котором видела то друга, то заклятого врага. А разве раньше было легче? Одиночество, муж, ушедший в иллюзорный мир, где счастье определяется номером и серией лотерейного билета, его внезапная смерть, преследование, угрозы. Хотелось сказать: «Потерпи, потерпи немножко. Ты не одна. Сейчас десятки людей заняты тем, чтобы на твоем лице чаще появлялась улыбка, чтобы жизнь не казалась мрачной и опасной загадкой». Хотел, но не сказал — это было бы равнодушно признанию своей причастности к расследованию, а на такое признание я не имел права.

Да, меня раскрыли. Нина догадалась, что я работник милиции, но, пока я не подтвердил это, догадка оставалась догадкой. По крайней мере формально.

В новом моем положении имелись и преимущества: теперь я мог не таясь задавать вопросы и рассчитывать получить на них прямой и честный ответ.

— Ты сказала, что в последний год к нему зачастии друзья. Ты имела в виду Стаса?

— Да, он приходил чаще. Но были и другие.

— Какие они из себя?

— Один такой толстый, прыщавый и глаза, как пуговки.

— Герась, — определил я. — А другой?

— Другой худощавый. Все время резинку жует. Имени я не знаю. Он часто приносил с собой спиртное. И всегда такие необычные бутылки...

— А Тофик? Тофик Шахмамедов? Брюнет, среднего роста, прическа под Анджелу Дэвис — он бывал у вас?

— Приходил несколько раз. Я имя заломнила. Он, по-моему, на такси работает.

Итак: Стас, Витек, Герась и Тофик — «невидимки», которых мы искали. Круг окончательно установился.

— Нина, после пятнадцатого Сергей где-то скрывался почти две суток. Как ты считаешь, он мог прятаться у кого-нибудь из своих приятелей?

— Конечно, мог. — Она подняла голову. Улыбнулась устало. — Еще есть вопросы?

О, вопросы! Я был напичкан ими, как задачник по математике. Но стрелки подбирались к трем, и пора было закругляться.

— А почему ты так уверена, что мы с Вадимом договорились встретиться?

— Ты же интересовался Сергеем, а он знал его, как никто другой: они с детства дружили.

— А дата? С чего ты взяла, что он должен был пригласить меня на дачу?

— Он любит похвастать своей аппаратурой, коллекцией пластинок. Он меломан.

— Между прочим, твой меломан вручил мне контрамарку на открытие фестиваля. На две персоны. Пойдем?

— Не знаю, Володя, — с каким-то особым выражением сказала она. — Боюсь загадывать на будущее, я каждую минуту жду, что что-нибудь случится и...

По Приморской, шурша шинами, проехала машина. Где-то в районе магазина «Канцтовары» она остановилась, и оба мы невольно замерли, вслушиваясь в наступившую тишину.

Машина отъехала. По асфальту застучали каблучки. Звук шагов постепенно стих, удаляясь.

Мне стало неловко, словно своим молчанием я лишний раз подтвердил, насколько реальна опасность, о которой только что говорила Нина. Глупо, конечно: молчи не молчи, а самые веские доказательства этой опасности находились сейчас у меня в руках.

Глава 5

1

Ночь я провел в сарае.

Это была кирпичная, примыкавшая к дому постройка, сухая и теплая. Внутреннее ее убранство состояло из двух стульев, зеркала, тумбочки и раскладушки. Погасив свет и забравшись в постель, я долго ворочался с боку на бок, а когда глаза наконец начали слипаться, заказал себе сон без сновидений.

Действительность превосходила самые смелые фантазии — добавлять к ней что-либо было лишним.

Разбудил меня солнечный луч.

Зажмурившись, я с минуту лежал неподвижно, витая где-то на грани между сном и реальностью. Постепенно в памяти всплыли дождь, беседка, женское лицо, залитое лунным светом, и, точно камертон, отозвавшийся на верно взятую ноту, внутри возникло легкое, ни с чем не сравнимое чувство радости. Оно росло и ширилось, вытесняя последние остатки сна, и вскоре заполнило всего, с головы по самые пятки. Мне захотелось видеть Нину немедленно, сейчас же, и, отбросив одеяло, я вскочил с раскладушки.

Было уже девять. На тумбочке, у изголовья, рядом с пачкой анонимных писем лежал ключ от входной двери, а под ним записка.

В комнате стоял полумрак. Лампу включать не хотелось. Я распахнул дверь и как был, в одних трусах, выбежал на яркий дневной свет.

На четвертинке вырванного из ученической тетрадки листа было написано: «Позвони. Нина».

Если в последующие несколько минут кто-то наблюдал за мной со стороны, он имел все основания покрутить пальцем у виска. Меня прямо-таки распирало от желания пройтись колесом, и, не будь двор таким тесным, обязательно бы прошелся.

Размахивая запиской и настынивая что-то из Оффенбаха, я взлетел по ступенькам, дернул дверную ручку, постучал в окно, потом сообразил, что в доме никого нет, и еще некоторое время бестолково крутился между сараев и домом в поисках ключа, зажатого в собственном кулаке...

Неизвестно, во что вылилось бы состояние эйфории, в котором пребывал, только не прошло и получаса, как судьба в лице Симакова позаботилась поумерить мои восторги.

Одетый (Нина высушала и выгладила мою рубашку и джинсы), сырый (на кухне меня ждал завтрак: яичница с поджаренным картофелем, сыр и крепкий черный кофе, еще теплый), с сияющей физиономией я вышел на Приморскую и бодро зашагал к ближайшему телефонному автомату, собираясь позвонить в библиотеку.

В полусотне метров от будки на меня, чуть не сбив с ног, налетел дюжиной детина в плетенном из соломки сомбреро. Трудно сказать, по чьей вине произошло столкновение, но пострадал от толчка, несомненно, сомбрероносец: из его рук выпала сумка, а из нее, подпрыгивая по асфальту, покатились яблоки. Извинившись, я нагнулся, чтобы помочь, и он, тоже наклонившись, вдруг выпалил мне прямо в барабанную перепонку: «Срочно свяжись с первым».

Такой способ сообщения между мной и розыском в общем-то обговаривался, но прибегать к нему мы условились лишь в самых исключительных случаях.

В первый момент я растерялся, однако у меня хватило ума не подать вида. Мы собрали яблоки и мирно распрощались, после чего я слегка изменил курс.

На длинные телефонные собеседования с некоторыми пор было наложено строгое табу: они могли вызвать раздражение у моих «друзей» из «Страуса» да и у Тофика, если он околачивался где-то поблизости. Поэтому я направился к будке, стоявшей в закутке позади пивного ларька, — там можно было говорить вволю, не опасаясь, что за тобой выстроится хвост из желающих опустить в автомат свою монетку.

— Когда ты в последний раз видел Герасимова? — это первое, что спросил Симаков после того, как дежурный соединил меня с его кабинетом.

— Герасимова? — До меня не сразу дошло, что Герасимов — не кто иной, как мой старинный друг и приятель Герась. Очевидно, сказывалось игривое настроение, запас которого не иссяк даже после столкновения со связником.

— Ты не оглох случаем? — отрезвляющее донеслось с того конца провода.

— Я видел его вчера. В восемнадцать сорок.

— Где? — Симаков остался недоволен допущенной мной неточностью.

— На выходе из бара «Страус», — ответил я и поспешил добавить: — Якорный переулок, тринадцать.

— Почему не докладываешь подробно? — Он прервалась, видимо, затягиваясь своим любимым «Беломором», и вдруг рявкнула с неподдельным гневом: — Почему, черт побери, я узнаю обо всем последним? Ты чем там занимаешься, Сопрыкин?! Частным сыском?! Почему не докладываешь, спрашиваю! Самодеятельность, понимаешь, развел, в Шерлок Холмса ему, видите ли, поиграть вздумалось!.. Почему молчишь? Я тебя спрашиваю?

— Но, товарищ подполковник... — не успел я заинкогнититься, как на меня обрушился следующий яростный шквал:

— Какой товарищ подполковник?! Какой подполковник?! Ты в своем уме? Может, ты еще форму надел, когда шел ко мне звонить! Ну, послал бог работников на мою голову! Детский сад!..

Атака, начатая столь внезапно, так же внезапно захлебнулась.

— Вчера Герасимов сбит,—сказал Симаков.—Сбит неустановленной автомашиной.

— Как сбит?—растерялся я.—Какой автомашиной?

— Это ты мне скажи, какой,—проворчал он, но уже не так свирепо.— В восемнадцать пятьдесят его нашли в переулке. Сразу после того, как вы расстались. Минут через десять, а может, и того меньше.

— Он жив?

— Скончался по дороге в больницу. Не приходя в сознание.—Голос Симакова потускнел—видно, потерял надежду услышать от меня что-нибудь дельное.—Переулок пустынный. Никто ничего не видел, свидетелей ни единого, кроме посетителей бара. Сейчас исследуем следы протекторов, а следов этих кот наплакал. Никакого намека на торможение. Кто-то мчался на предельной скорости, выехал на тротуар, там бордюры низкие, и...

— Такси...—от волнения я не договорил, но Симаков понял меня правильно.

— Шахмамедов заступил на смену в двенадцать дня. Вернулся в таксопарк без опозданий, в двадцать пять-пять. Мы осмотрели его машину—ни малейших повреждений.—Он сделал солидную паузу и спросил, будто выполняя некую тягостную формальность:—У тебя нет соображений на этот счет?

На мгновение передо мной возник залитый светом бар, девушки, танцующие под неслышимую с улицы музыку, Герась, торопливо бегущий к выходу.

Меня ли он догонял? Хотел сказать что-то важное, как в тот раз? Или опять клянчил бы комиссионные за свое посредничество? В сознании как-то не умещалось, что никогда больше не мелькнет в толпе громоздкая фигура в линялых шортах, в желтой жокейской шапочке. Неуклюжий, жадный, туповатый Герась—он был из одной шайки со Стасом, но отчего же так скжалось сердце при известии о его гибели?

— Нет,—ответил я Симакову, потому что другого ответа у меня не было, и не очень твердо добавил:—Может, это несчастный случай?

— Разучился я верить в подобные случайности,—коротко сказал он и продолжил:—Мы тут совещание утром проводили. Товарищи высказали суждение отозвать тебя, заменить более опытным работником...

— Заменить? Но, товарищ под...—Я осекся и до боли в пальцах стиснул трубку.

— Короче, поручился я за тебя. Только смотри, чтоб без самодеятельности. Последний раз предупреждаю.—Он потирахнул спичками.—Это мое официальное тебе предписание. Приказ, понял? И моя личная просьба, ты слышишь?

— Слыши.

— То-то... Ну давай выкладывай, что там у тебя?

Я и выпложил. Все подчистую, сделав исключение лишь для эпизода в беседке. Напоследок попросил

навести справки о бармене и уточнить кое-какие данные о Шахмамедове.

— Все?—спросил Симаков.

— Хочу съездить в санаторий Буденного, не возражаете?

— Зачем?

Я и сам толком не знал, зачем. Захотелось самому взглянуть на те места, где была поставлена точка в этой истории. Верней, многоточие.

— А вы против?

— Отчего же, поезжай.—Он попрощался сухе, чем обычно.—Все, Сопрыкин.

2

Растерянность, как и всякое человеческое состояние, проявляется по-разному. Один грызет ногти, на другого нападает хандра, у третьего опускаются руки или сдают нервы.

У меня растерянность вызвала что-то вроде временной потери ориентировки. Я брел, не разбирая дороги, сворачивал куда-то, спускался, обходя встречных, а перед глазами, словно проецируясь на внутренний экран, стояла все та же картина: узкий переулок с пепельно-серой полоской моря, свет в окнах бара и Герась, бегущий между двумя рядами столиков к выходу. Навстречу своей смерти.

Что было бы, дождись я его тогда, может, ничего и не случилось бы, не было бы никакой катастрофы?

Попробуем представить, как все произошло. Герась выскочил из бара и побежал вдоль переулка. В это время в Якорном появляется автомашинка. Она мчится навстречу (или всплед?), не сбавляя скорости, врывается на тротуар и, сбив Герася, бесследно исчезает. Приблизительно так.

Есть только два взаимоисключающих варианта: либо сидевший за рулем человек не хотел предотвратить катастрофу, либо не смог этого сделать по чисто техническим причинам.

Я вспомнил ночной разговор с Вадимом и пример, приведенный им по совсем другому поводу, но удивительно совпадший со случившимся. Похоже, кто-то действительно не прочь был обставить столкновение как несчастный случай, да сорвалось: Герась не вышел на проезжую часть, словно чувствовал... хотя, если бы чувствовал, сидел бы себе в баре, носа не высывал. С другой стороны, может, он и вправду знал о нависшей опасности, потому и спешил?..

Домыслы, домыслы, а нужны были факты.

Что ж, рассмотрим и факты. Попробуем, как говорил Вадим, поковыряться в болтах и гайках. Рассмотрим вариант с несчастным случаем. В машине могло отказать рулевое управление. Тормозная система тоже могла оказаться неисправной. Что произошло бы в таком случае?

В таком случае, неуправляемая, она расшиблась бы в лепешку на первом же повороте. Как пить дать, разбилась бы! Если не до, то после катастрофы. Но этого не произошло. Почему?

Ответ только один: тот, кто сидел за рулем, и не собирался тормозить. Он специально разогнал машину и сознательно направил ее на человека, желая его смерти...

Вывод был настолько прост и очевиден, что я невольно остановился и с опаской оглянулся по сторонам: не подслушивает ли кто мои мысли.

Мимо группами и в одиночку шли люди. С зонтиками и сумками, термосами и полотенцами. И никто не обращал на меня внимания. Никто не догадывался, какими мрачными выкладками занята моя голова.

Я стоял у парикмахерской в нескольких шагах от широкой каменной лестницы и соображал, куда это меня занесло.

На пьедесталах у нижних ступеней, опустив морды на передние лапы, дремали львы. Выходит, сам того не заметив, я повторил путь, который продел во вторник, поднимаясь к гостинице, только сегодня двигался в обратном направлении, не вверх, а вниз, к набережной. Что это—символическая случайность, перст судьбы, указывающий на бесплодность моих усилий, мертвая петля? Ну нет, дурак! Все равно, я добьюсь своего, все равно докопаюсь до истины, даже если для этого придется перевернуть весь город, разнести в пух и прах все струсиные гнезда, вывести на чистую воду всех благородных таксистов из всех таксопарков побережья, иначе не знать мне покоя...

Нина назвала четырех ближайших друзей Кузнецова: Тофика, Стаса, Герася и Витька. Герась выбыл из этого квартета. Кому он помешал? Каким неосторожным поступком приблизил свой конец?

Чтобы не сбиться с мысли, я завернул в парикмахерскую, занял свободное кресло и, дождавшись, когда обильная пена покрыла мои щеки и подбородок, стал размышлять.

Итак, второе убийство и вторая по счету жертва!

«Его убрали»,—сказал о Кузнецово Герась. Это было последнее, что я от него слышал. Прошли сутки, и теперь те же слова можно отнести к самому Герасю.

Смерть настигла их при разных обстоятельствах, но было в этих обстоятельствах и нечто общее. Да, было. Готов биться за заклад, что и семнадцатого на пляже и вчера в переулке поработала одна и та же рука (уместней, наверно, сказать голова). Даже не потому, что в обоих случаях слишком наглядно желание выдать происшедшее за несчастный случай, —была здесь более глубокая, причинная связь. Ее трудно нащупать, пока подходишь к событиям с привычными мерками, но ведь, кроме нормальной человеческой логики, есть еще темная, непредсказуемая логика преступника...

Собственно, почему непредсказуемая? Взять того же Стаса. Его взгляды на конкурентную борьбу допускают убийство как крайний, но практически возможный способ сведения счетов с бывшим партнером. Готовность пойти на такой шаг он подозревает во мне и недвусмысленно дал понять, что не остановится ни перед чем в случае, если мы не найдем общего языка. Другой вопрос: относился ли Герась к числу его конкурентов? Другими словами, был ли он достаточно опасен?

На первый взгляд нет. То есть в рамках их пестрой компании, безусловно, нет. Для этого Герась — слишком незначительная фигура, он целиком и полностью зависел от своего босса, знал свое место и дорожил им.

Ну, а за рамками спекулятивных сделок? Разве не могли они соперничать? И вообще так ли уж безоблачны были их отношения?

Я не забыл монолог, произнесенный Герасем. Его хвалебные оды содержали в себе изрядную дозу зависти. Кто знает, сколько яда накопилось в его душе, сколько обид стерпел он за время их обиодо-выгодного сотрудничества? А жадность! А тщеславие! Нет-нет, подаешь ему случай насолить Стасу, сорвать тайком от него солидный куш, и он, не задумываясь, им бы воспользовался. А деньги из «Лотоса» чем не случай? Чем не повод расквитаться, взять реванш у своего везучего шефа? Герась вполне мог сблизниться, начать самостоятельную игру, а так как вести ее достаточно тонко ему не под силу, выдал себя и тем вызвал гнев своего хозяина...

Я вздрогнул: мастер, поправляя виски, слегка порезал кожу и засуетился, прижигая ранку одеколоном. В зал вошел паренек с увесистым транзистором под мышкой и сел в соседнее кресло. Он поставил транзистор на пол и спросил, обращаясь к присутствующим:

— Граждане, не возражаете, я включу погромче? Шикарный концерт по «Маяку»!

Граждане не возражали, и он на всю мощь врубил «Маяк».

Рыбка, рыбка, помоги,
Золотая, сделай милость:
Подскажи девочке той,
Чтоб в меня влюбилась,—

жизнерадостно веял певец под интенсивное кваканье синтезатора.

Я перевел взгляд на свою гладковыбритую физиономию и подумал, что двухдневная щетина меня явно не украшала. И еще подумал, что здорово изменился за эти дни: похудел, и скелет выперли, и складка появилась на лбу — раньше ее не было.

— Прическу поправим? — слегка заискивая, спросил мастер, пряча испачканную кровью ватку.

— А как у вас с чувством меры?

— В избытке, — улыбнулся он. — Будете довольны.

— Попробуйте, — согласился я.

Стрижка всегда вызывала у меня внутреннее противодействие, но то ли меня разморило пригревавшее в затылок солнце, то ли заворожили пассы, которыми, точно шаман, сопровождал свою работу парикмахер — я настроился на философский лад и махнул рукой: пусть упражняется, надо же ему на ком-то тренироваться.

Заслышиав стрекот ножниц, я прикрыл глаза и постарался сосредоточиться. Этому немного мешало транзисторное крещендо, но история наших отношений с Герасем — а именно ее я восстанавливал в данный момент — не требовала особого напряжения памяти.

Мысленно я опять проследовал в «Страус», познакомился с барменом, снова торговался из-за вознаграждения, потом под жалобные стенания Герася отправился к драмтеатру, оттуда на «тропу», где мы встретили Стаса. Затем переговоры, к которым Герас допущен не был, и его финальное появление в ореоле из розовых лепестков...

На этом месте я споткнулся, чувствуя, что упустил что-то существенное, и начал медленно прокручивать ленту назад. Ага, вот оно: сцена ожидания на лавочке или нет, чуть раньше...

У Стаса есть машина — «Лада» новейшей модели. Оней говорил Герас, перечисляя достоинства своего метра: «Ладу» на этом деле поимел — уметь надо! Так, кажется.

Может, пока не поздно, перезвонить в отдел — пусть глянут, нет ли на этой самой «Ладе» вмятины где-нибудь в районе радиатора?

Еще недавно я бы не раздумывая помчался к телефону и выложил все, что думаю по этому поводу. Но то недавно. Последнее время со мной вообще происходило что-то странное: сейчас, вспомнила парня, сидевшего во вторник на набережной и грязившегося с легкой молниеносной победе над противником, я едва узнавал в нем себя, как будто с тех пор прошло много времени. А ведь это было три дня назад! Да что три — даже вчерашний Володя Сопрыкин казался мне другим, не таким, каким был сегодня.

«Нет, звонить не буду, — решил я. — Стаса трогать нельзя. У него юх, как у гончей: один неверный шаг, и тебе уже никогда не узнать, за какие услуги платил он Кузнецова, за что ссужал его деньгами и покрывал его расходы, где он был пятнадцатого, где семнадцатого и где вчера между шестью и семью вечера».

Ладно, разберемся. Вернемся к вопросу о машинах. Самое время провести маленьку инвентаризацию автопарка, которым располагают общие знакомые Сергея и Герася, а теперь и мои тоже.

Во-первых, Стас с «Ладой».

Во-вторых, Вадим со своей «Каравеллой». В котором часу он вчера приехал на Приморскую? Асфальт под его машиной был мокрым, а дождь начался в семь вечера. Получается, после семи. Значит, в восемнадцать пятьдесят он мог проезжать по Якорному переулку.

Ну и, конечно, Тофик! Вездесущий Тофик. Как это он повсюду поспевает? В половине одиннадцатого я засек его на вокзале. С какого времени он вел наблюдение, неизвестно, зато доподлинно известно, что смену сдал в восемь. Герася сбили в семь. При определенной сноровке — а ее Тофику не занимать — одного часа вполне хватит, чтобы устранить повреждения, оставшиеся после наезда на капоте или бампере...

Стало быть, трое.

Не исключено, что машина есть и у Витька. Он остался в баре, но это еще ни о чем не говорит. Кто поручится, что он не отдал ключи тому парню, что крутился у стойки и разыгрывал из себя в «усмерть пьяного»? Тот по-быстрому вывел машину в переулок, сделал свое черное дело и преспокойно вернулся допивать коктейль...

Фу ты, лезет в голову всякая чертовщина! Поневоле свихнувшись: вторая жертва! Последняя ли? Симаков предупредил, чтобы я был осторожней. Уж не думает ли он, что мне тоже угрожает опасность, что следующей жертвой могут оказаться я? С какой стати?

Мне не удалось довести мысль до конца — слух резанули слова:

И птица удачи опять прилетит.

Вслед за солистом из могучего нутра транзистора грянул дружный мужской хор:

Птица счастья завтрашнего дня
Прилетела, крыльями звена.
Выбери меня, выбери меня,
Птица счастья завтрашнего дня.

Я не впервые слышал эту песню, но сегодня столь категоричное требование, обращенное к фортуне, меня покоробило. Наверно, виной был вчерашний рассказ Нины об одном из ловцов счастья — человеке, мечтавшем схватить его за хвост и оцишать перья.

Парикмахерская постепенно превращалась в парную.

Кондиционер, по-видимому, барабанил, а вялые лопасти вентилятора не справлялись с жарой и вхолостую гоняли раскаленный воздух между стеклянными стенами.

Концерт закончился. Судя по количеству волос на моих плечах и вокруг кресла, стрижка тоже подвиглась к концу.

Откровенно говоря, я даже жалел об этом. Спешить было некуда. Поездку в санаторий я решил отложить до лучших времен, и, кроме звонка Нине, никаких дел на сегодня не предвиделось. В гонке за смутной, маячившей впереди целью наступило что-то вроде временной передышки. В моем положении единственным разумным было затаиться и ждать. Ждать, когда обо мне вспомнит Стас.

По «Маяку» передавали новости.

На Женевских переговорах наметился сдвиг.

Недалеко от базы BBC США в Калифорнии разбился бомбардировщик B-52. Есть подозрения, что на борту самолета находилось ядерное оружие.

В шведском городе Текоматори обнаружены гигантские захоронения ядохимиков. Огромная территория оказалась зараженной диоксином. Размеры бедствия превосходят аналогичный случай в Савозе, Италия. Стоит вопрос об эвакуации населения.

— А теперь послушайте легкую музыку, — сказал диктор, хотя после двух последних сообщений реквием был бы куда уместней...

Расплатившись, я вышел из парикмахерской.

Солнце стояло высоко и, будто наверстывая упущенное, палило немилосердно, возмущая недоданное накануне тепло. Градусов двадцать пять, не меньше. Это в октябре-то!

Порывшись в карманах, я отыскал девушку и пошел к телефонной будке.

— Алло, слушаю... — откликнулся на звонок не то мужской, не то женский голос.

— Позвоните, пожалуйста, Кузнецовой, — попросил я.

— Кого?

— Кузнецова Нину, — повторил я погромче.

— Нет никого. Все ушли на субботник.

— А где они работают?

— У Морвокзала.

Я вышел и взял курс на видневшиеся вдали шпиши Морского вокзала.

3

Домой мы возвращались в начале третьего.

Репутация моя к тому времени была основательно подмочена: отыскав Нину, я не удержался и, закатав рукава, вместе с ее коллегами чистил пляж, таскал мусор, грузил машины. Воображаю, что подумает Стас, когда ему доложат, чем я занимался с одиннадцати до двух! Наплевать — пусть думают. Что ж мне, витрины бить, чтобы завоевать его доверие?

Уставшие, проголодавшиеся, мы всей компанией перекусили в чебуречной на набережной, после чего заведующая распухла всех по домам, и теперь мы с Ниной поднимались по лестнице к «Лотосу».

У магазина «Кантовары» я остановился.

— Надо купить одну вещицу, подождешь?

— У тебя есть деньги? — спросила Нина.

— Навалом. Я же перевод получил. — На самом деле деньги из камеры хранения были остатком моей зарплаты, но мне не хотелось произносить это слово. Мне вообще не хотелось думать о работе — передышка на то и передышка, чтобы отдохнуть.

Отправив Нину домой, я вошел в магазин. Он был совсем крошечный. Обстановка выдержана в стиле

«ретро»: колокольчик с внутренней стороны двери, матовые бра на стенах, драпировка у входа в служебное помещение.

За прилавком стояла средних лет женщина. Раскрытая книга и очки, лежавшие на прилавке, говорили, что покупатели заглядывают сюда нечасто.

Поздоровавшись, я склонился над витриной. Она содржалась в образцовом порядке, но найти нужную вещь среди залежей резинок, карандашей, транспортировок оказалось делом абсолютно безнадежным.

— Вы что-то ищете? — пришла на помощь продавщица.

— Да, сувенир на память. Собственно, меня интересует талисман в виде желудевого человечка. У вас нет таких?

Она разверла руками:

— Сожалею, но они давно проданы.

— Поймите, может, один все-таки завалится... — попросил я.

— Простите, а вам для кого? — поинтересовалась она.

Я все еще не терял надежды заполучить желаемое:

— Подарок хотел сделать — девушке.

Продавщица улыбнулась и скрылась под прилавком.

— Сию минутку, — донеслось оттуда. Она громыхнула коробками, выдвинула и задвинула ящик. — Вот то, что вам нужно! — И протянула стальной брелок, сделанный в виде сердца, пронзенного стрелой.

Вещица была до предела безвкусной, но деваться было некуда, пришлось взять сердце вместе с торчавшей из него стрелой.

Выложив четыре рубля с колейками, я поблагодарили хозяину магазина и засунул свое приобретение поглубже в карман, заранее зная, что никогда не смогу подарить его Нине.

Она ждала меня на ведущих к дому ступеньках, в руках — лист бумаги.

Сперва я решил, что это ее собственная записка, но, увидев выражение лица, понял, что Нина чем-то сильно напугана.

— Что случилось? Что с тобой?

Она протянула мне листок и, как автомат, в котором полностью раскрылась пружина, опустила руки.

— Жду в 5. Стас.

Я отметил, что послание выполнено на том же сорте мелованной бумаги, что и анонимные письма, но написано от руки.

— Где ты это нашла?

— В почтовом ящике... Ты пойдешь? — Нина говорила тихо, словно боялась, что ее услышит кто-то третий. — Прошу тебя, не ходи... — И неожиданно обхватила меня руками. — Прошу тебя, пожалуйста, Володя, не ходи... Это опасно... Они убьют тебя, я знаю. Это страшные люди! Не ходи к ним, слышишь?!

До пяти оставалось чуть больше двух часов.

4

Стас встретил меня по-королевски.

Один из столиков в глубине бара был сервирован большой вазой с фруктами, блюдом, на котором лежали бутерброды с черной икрой, рядом стоял кофейник, ведерко со льдом и бутылка «Чинзано». На соседнем столике чуть слышно гудел вентилятор.

— Ты закрыл? — спросил Стас у Витька.

Сегодня на том был белый, сильно приталенный пиджак, бледно-сиреневая рубашка с неизменной бабочкой на шее. От него за версту несло одеколоном и апельсиновой резинкой.

Впустил меня в бар. Витек остался стоять сбоку и немного сзади, в шаге за моей спиной, разыгрывая из себя не то часового, не то телохранителя.

— Все о кей, босс, — дождался он. — Запер на засов и табличку повесил.

— Оставь нас, — распорядился Стас и указал на кресло. — Присаживайся, Вальдемар.

Бармен послушно удалился в подсобку, а я сел напротив, опустив между коленей кожаную сумку, где лежал включенный на запись магнитофон — самый маленький из тех, что мы с Ниной нашли в кузнецовой коллекции.

К числу его преимуществ относилась абсолютная бесшумность в работе, к недостаткам — получасовой запас пленки. Правда, в кассете имелась вторая дорожка, а в сумке лежали еще две запасные кассеты, но воспользоваться ими я не особенно рассчитывал, хотя и предпринял кое-какие меры на этот счет.

Продолжение следует.

ТУРНИР ЛЮБИТЕЛЕЙ СПОРТА

Здравствуйте, добрые и старые знакомые! Жюри конкурса приветствует вас — любителей спорта, многие из которых уже второй год подряд принимают участие в нашем конкурсе. Напомним, что в прошлом году редакция журнала «Смена» после небольшого перерыва возобновила свою давнюю традицию — проведение конкурса знатоков спорта. И судя по количеству присланных ответов (а их, к слову, пришло почти в три с лишним раза больше, чем в прошлом году) и по тем добрым словам, которые встречаются в ваших письмах, конкурс понравился как подписчикам журнала, так и остальным читателям. Вот что, например, пишет в своем письме Л. Канин из Полоцка: «Так уж получилось, что я не был читателем вашего журнала. И вот, совершенно случайно перелистывая его в киоске, увидел «Турнир любителей спорта». Пришло журнал купить, и оказалось, что он очень интересный. С нетерпением дождался следующего номера. Так что считайте, вы приобрели еще одного подписчика». Ну, что же, приятно слышать такие отзывы.

А теперь о первом туре конкурса и его итогах. «Вопросы первого тура», — пишет в своих ответах Н. Квасов из Ленинграда, — были трудными и интересными. Поиски ответов заставили пересмотреть много источников и значительно пополнить мои знания по истории советского спорта». Самым трудным и самым интересным, по мнению большинства участников, был первый вопрос. Во многом он оказался и решающим. К примеру, из семи любителей спорта, назвавших четыре памятника, установленных советским спортсменам, добившимся выдающихся результатов на внутрисоюзных и международных соревнованиях (и не только за спортивные успехи), пятеро стали в итоге и победителями 1-го тура конкурса. Очень заинтересованный и полный ответ на этот вопрос прислали В. Френкель из Москвы, А. Иванов из Ленинграда, М. Крапивин из Златоуста Челябинской области. Большинство читателей в своих ответах указали памятник футболистам киевского «Динамо», участникам знаменитого «матча смерти», состоявшегося в годы войны в оккупированном гитлеровцами Киеве. Этот памятник установлен у входа на стадион «Динамо» в столице Украины. Многие правильно называли и памятник на стадионе «Локомотив» в Москве — заслуженному мастеру спорта, трехкратному чемпиону СССР по лыжам, партизанке, посмертно награжденной орденом Отечественной войны II степени, — Любови Кулаковой. А вот памятники Арсену Мекокишивили (установлен в Грузии, в селе Георгиевка в Кахетии), заслуженному мастеру спорта, олимпийскому чемпиону 1952 года по вольной борьбе в тяжелом весе и чемпиону мира 1954 года, и Михаилу Хергиани (установлен в Местии в Сванетии), заслуженному мастеру спорта, чемпиону СССР по альпинизму, погибшему при восхождении в Доломитовых Альпах, удалось назвать далеко не всем.

Во втором вопросе удача также сопутствовала

Итоги первого тура

немногим. Лишь десяти знатокам спорта, в том числе В. Киселеву из Иванова, Н. Жураковскому из Новосибирска, М. Старику из Свердловска, С. Шахову из Воронежа, удалось здесь получить до 10 очков: помимо «Кожаного мяча» и «Золотой шайбы», ими назван еще ряд всесоюзных детских соревнований, проводимых в нашей стране: «Плетеный мяч», «Стремительный мяч», «Белая ладья», «Чудо-шашки», «Серебряные коньки», «Серебряная корзина», «Лед надежды нашей», «Золотой мяч», «Волейбольная орбита», «Старты надежд».

В третьем, четвертом, пятом, шестом, седьмом и девятом вопросах было почти стопроцентное, как говорится, попадание в десятку. Все любители спорта без труда назвали одиннадцать наших олимпийских чемпионов по футболу 1956 года (3-й вопрос) — Л. Яшина, М. Огонькова, А. Башашина, Б. Кузнецова, А. Масленкина, И. Нетто, Б. Татушина, А. Исаева, Н. Симоняна, С. Сальникова, А. Ильина. И лишь некоторые читатели, не учитывая, что в те годы олимпийские медали вручались лишь участникам финального матча, называли еще и В. Иванова, Э. Стрельцова, Н. Тищенко, В. Рыжкина, А. Парамонова, И. Бецу, Б. Разинского, которые хоть и внесли большой вклад в единственную пока победу нашей сборной на Олимпийских играх, но, к сожалению, так и не были награждены золотой олимпийской медалью.

Почти все читатели правильно называли хоккеистов, признававшихся лучшими в сезоне (4-й вопрос). Ими были: А. Фирсов (1968, 1969, 1971), В. Коноваленко (1970), В. Харламов (1972, 1973), А. Мальцев (1972), В. Третьяк (1974, 1975, 1976, 1981, 1983), Х. Балдерис (1977), Б. Михайлов (1978, 1979), С. Макаров (1980), В. Фетисов (1982).

Не вызвал особых затруднений и 5-й вопрос, в котором надо было назвать вес легкогатлетических снарядов для мужчин и женщин. Вес диска для мужчин — 2 кг, для женщин — 1 кг, колья — соответственно 0,8 кг и 0,6 кг, ядра — 7,257 кг и 4 кг, молота, который метают только мужчины, — 7,257 кг.

И шестой вопрос показал, насколько хорошо знают и разбираются любители спорта в ежегодно проводимых «Велогонках мира», стартующих, как известно, в День Победы — 9 мая. В личном зачете побеждали следующие наши велогонщики — Ю. Мелихов (1961), Г. Сайдухин (1962), Г. Лебедев (1965), А. Пиккус (1977), А. Аверин (1978), С. Сухорученков (1979), Ю. Баринов (1980), Ш. Загретдинов (1981). В командном зачете наша сборная победила 16 раз — в 1956, 1958, 1959, 1961, 1962, 1965, 1966, 1971, 1972, 1975, 1976, 1977, 1978, 1979, 1980, 1981 гг.

А вот отвечая на седьмой вопрос, более половины участников забыли назвать такой сравнительно популярный вид спорта, как мотбол, продолжительность игры в котором составляет 80 минут. Итак, в игровых видах спорта 90 минут играют в футбол и хоккей с мячом, 80 минут — в регби и мотбол, 70 минут — в хоккей на траве, 60 минут — в хоккей с шайбой и ручной мяч, 40 минут — в баскетбол, 20 минут — в водное поло.

Немалые трудности возникли у участников конкурса с восьмым вопросом. Здесь нужно было назвать победителей трех первых соревнований на звание абсолютного чемпиона СССР по классической борьбе. Однако многие читатели в своих ответах указывали победителей первых трех всесоюзных турниров (1924, 1926, 1928) в различных весовых категориях, а также Я. Кокко, ставшего чемпионом РСФСР (а не СССР) в 1923 году. Правильными же ответами считались: К. Коберидзе (1939), И. Коткас (1940 и 1943 гг.).

Девятый вопрос. Все участники правильно объяснили различие между парными и распашными лодками в академической гребле (в парной спортсмен гребет двумя веслами, в распашной — одним). Но не все указали то, что «двойки» и «четверки» бывают как парными, так и распашными.

И, наконец, ответ на десятый вопрос. Ю. Власов первым из тяжелоатлетов установил официально зарегистрированный мировой рекорд, подняв штангу весом 202,5 кг 10 сентября 1960 г. на XVII Олимпийских играх в Риме.

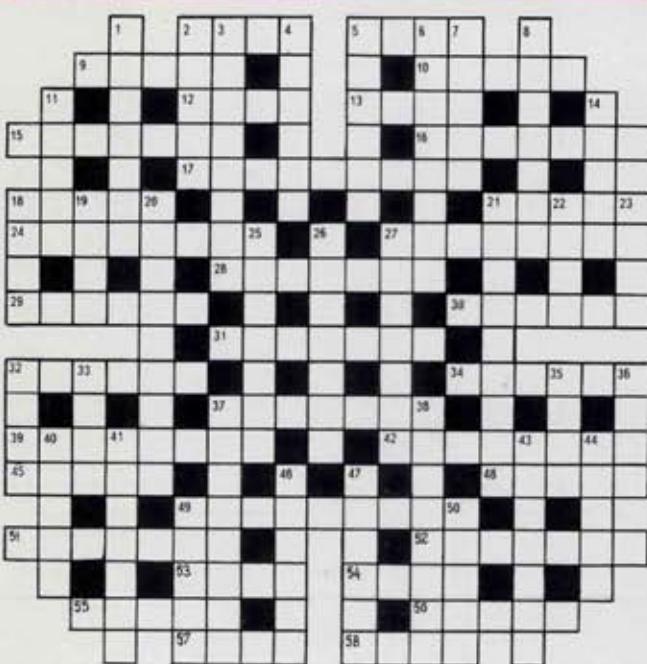
Итак, победителями I тура стали: студент 1-го курса Челябинского педагогического института **М. Крапивин** (Златоуст Челябинской обл.), набравший 118 очков, больше, чем все остальные участники конкурса; 2 — 11-е места поделили **Л. Алексеев** (г. Сосновый Бор Ленинградской обл.), **П. Романцов** (Ростов-на-Дону), **С. Таратынов** (г. Сосновый Бор Ленинградской обл.), **С. Журиба** (с. Подгорное Львовской обл.), **Б. Удалов** (Ленинград), **В. Чугунов** (с. Клинцовка Саратовской обл.), **И. Голованова** (Ленинград), **А. Подгайченко** (Гродно), **В. Сементковский** (г. Железнодорожный Московской обл.), **М. Арендоренко** (Тюмень), набравшие по 117 очков, 12—20-е места заняли **К. Раткин** (с. Клинцовка Саратовской обл.), **А. Коршунов** (Петрозаводск), **И. Агафонов** (Мурманск), **П. Еремейкин** (г. Прокопьевск Кемеровской обл.), **С. Беловуров** (Пермь), **А. Барашкин** (г. Брейнев Татарской АССР), **С. Агафонов** (Белгород), **В. Мальцев** (г. Череповец Вологодской обл.), **О. Смирнов** (Уссурийск Приморского края) — у них по 116 очков.

Как видим, борьба шла очень упорная: если по итогам, например, второго тура прошлогоднего конкурса, победителя, занявшего первое место, отделяло от двадцатого 10 очков, то сейчас этот разрыв составляет лишь 2 очка.

Поздравляя победителей I тура, жюри конкурса желает успехов всем участникам II тура: чтение писем, проверка ответов идут уже полным ходом.

КРОССВОРД

Составила
Р. ПОДЫВКИНА,
Москва

По горизонтали:

2. Химический элемент. 5. Балансировочный шнур, скоморох. 9. Трагедия Ж. Расина. 10. Советский драматург. 13. Оросительный канал в Средней Азии. 15. Хинное дерево. 16. Уличное водопроводное устройство с краном. 17. Древнегреческий философ. 18. Решительное наступление. 21. Пресноводная рыба. 24. Народный праздник с танцами, маскарадами. 27. Персонаж оперы Д. Верди «Дон Карлос». 28. Работник сельского хозяйства. 29. Станционное здание. 30. Верхняя одежда. 31. Украшательский элемент мужской одежды. 32. Определенный район, группа стран. 34. Мельчайший организм. 37. Путеводитель. 39. Русский историк и публицист. 42. Металл, встречающийся в урановых рудах. 45. Город в Азербайджане. 48. Дальневосточная сельдь. 49. Певчая птица. 51. Вредное вещество спорыны. 52. Русский адмирал, герой обороны Севастополя. 53. Структура земной коры, на которой возник Байкал. 54. Государственный нормативный акт. 55. Подвесное ложе. 56. Процесс в созревании плодов. 57. Легкая комедия. 58. Спортивный снаряд.

По вертикали:

1. Бельгийский поэт и драматург, которого высоко ценил В. Брюсов. 2. Картина Х. Семирадского. 3. Самое известное произведение В. Соллогуба. 4. Стиль в европейском искусстве. 5. Южное дерево. 6. Ученый-словесник. 7. Сибирский грызун. 8. Работник пищевой промышленности. 11. Хвойное дерево. 14. Твердая зарплата. 18. Колесо для приводного ремня. 19. занятие в школе. 20. Хлопчатобумажная ткань. 21. Советский артист балета и балетмейстер. 22. Город в Великобритании. 23. Домашнее животное. 25. Советский космонавт. 26. Мясное блюдо. 27. Цемент-пушка. 32. Небольшой лес. 33. Русский педагог, сторонник дарвинизма. 35. Озеро на Кавказе. 36. Город на северо-востоке Франции. 37. Наука о растениях. 38. Отзвук, отголосок. 40. Профессиональный охотник. 41. Ловчая птица. 43. Древнегреческий драматург. 44. Начало реки, ручья. 46. Один из героев романа А. Дюма. 47. Очень твердый минерал. 49. Самое высокое наземное животное. 50. Житель Дона или Северного Кавказа.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 20

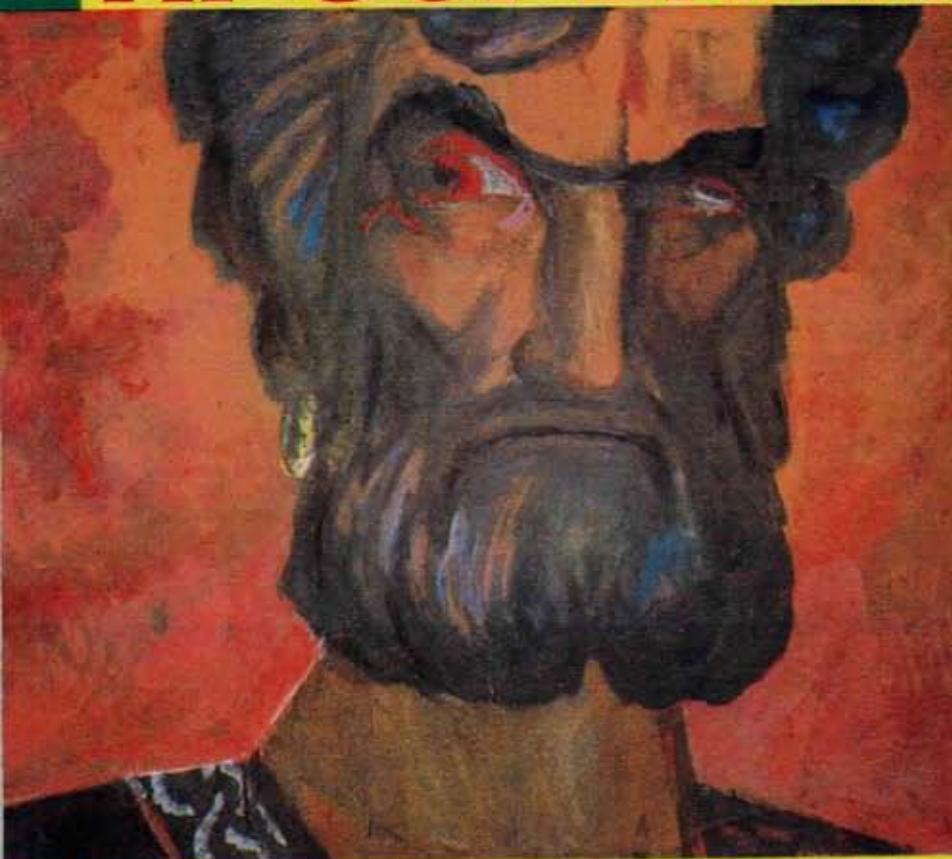
По горизонтали:

1. «Юдифь». 4. Ханты. 10. Арне-мец. 11. Желатин. 14. Липа. 15. «Нора». 16. Шахта. 17. Гопак. 19. Реликт. 20. Цоколь. 21. «Водопад». 25. Моралите. 26. Ерихонка. 27. Накидка. 30. Кантеле. 35. Скорупа. 36. Нетопырь. 38. Ротор. 40. Локут. 42. Оленин. 43. Триод. 44. Пикша. 45. Щорс. 47. Укат. 48. Станция. 49. Изобата. 50. Ягуар. 51. Чабан.

По вертикали:

2. Дыра. 3. Фрегат. 5. Арагац. 6. Тмин. 7. Пестрота. 8. Лесопарк. 9. Флора. 10. Аполлон. 12. Ножовка. 13. Бадья. 16. Шквал. 18. Колесо. 21. Винокур. 22. Деканат. 23. Педжент. 24. Диаметр. 28. Экскурс. 29. Иркут. 31. Аполлония. 32. Леонидзе. 33. Опала. 34. Хроника. 37. Клещи. 39. Знать. 41. «Тронка». 42. Ошибка. 46. Стол. 47. Утка.

ПРОЗРЕНИЯ

СТЕПАН РАЗИН

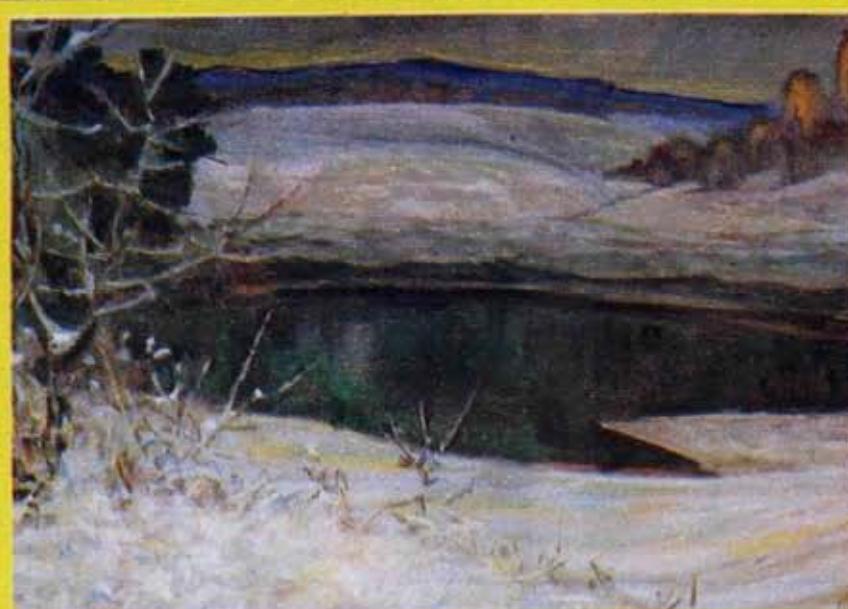
Пейзаж — это отражение действительности, картина природы или что-то еще иное? Да, конечно, это отражение, но... почему-то горы у Периха совсем иные, чем у Сарьянна, а деревья Сарьянна ничуть не похожи на деревья у Беляницкого-Бирули. У одного они жесткие, сильные, у другого — тонкие, как стебли травы. Пейзаж Саврасова щемящ и нежен, а у Мешкова — суров и сдержан. Картина, пейзаж никогда не являются бесстрастной копией природы, а как бы портретом ее, обогащенным талантом художника, иззывающим к сердцу зрителя.

Свое видение мира, природы у художника Петра Губарева. Река ли это, дорога, дерево или страницы дорогой его сердцу русской истории — везде на полотнах чувствуешь его страстное сердце, острую мысль и — ни капли равнодушного созерцания.

Любимые темы — северные реки, не ласковые воды, тяжелые валуны, широкие берега, пустыни, однако мысленно ты населяешь их людьми сильными, богатырями. И еще тяжелое, беспокойное небо и сдержанная цветовая гамма. Изображая среднюю полосу России, Губарев, наоборот, берет краски звонкие, сочные, жизнеутверждающие. Вот три полотна из этого цикла: «Покинутый дом», «Ветер» и «Пруд в Кускове».

Дом покинут, одинок, окружен зарослями кустарников, травы теснят его. Но разве это повод для уныния, тоски? Какие пронзительно синие краски берет художник для неба, как могуче разросся его сад! В этом философия художника, философия мужества и действия.

А «Ветер»? Ветер гнет тонкое дерево,

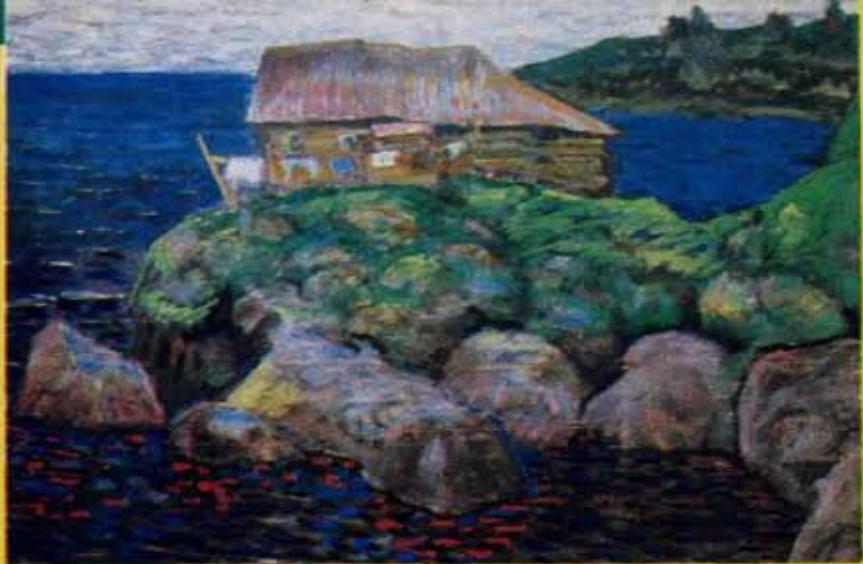
СТАРОЕ ТОРОДИЩЕ

ЗИМНИЙ ПЕЙЗАЖ

во, кажется, вот-вот вырвет его. Но корни цепкие, сильный ствол, и ветви гибкие.

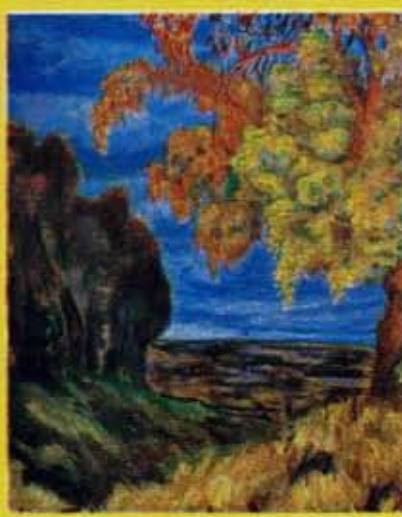
Резко выражены мазки — зеленые, коричневые и даже красные, таких цветов как будто не должно быть, особенно на воде, но они нужны художнику, ибо в них сила жизни. Облачка, не размытые, парящие, ускользающие, а тяжелые, кучевые, громоздящиеся над озером.

В картине «Пруд в Кускове» совсем иной настрой. Тут царство гармонии. Уравновешенная композиция, замкнутая в круг, ясные отражения в воде, красивая и благородная гамма цветов — все это рождает мысль о возможности идеального слияния природы и человека, ведь Кусково создано

У САМОГО СИНЕГО МОРЯ

ОСЕНЬ

руками человека и уже более двухсот лет служит ему.

На персональной выставке на Беговой, в Москве, большое место занимали картины Губарева на исторические темы. Здесь тоже свой, собственный взгляд, свое видение мира, глубокое знание и любовь к истории. «Летописец», «Князь Игорь», «Пугачев», «Иван Грозный», «Рублев» — какое богатство тем, какая боль и гордость и сколько ярого огня в его «Степане Разине»! На обложке каталога, выпущенного к выставке, помещен портрет матери. Эта мать не просто потеряла сына на войне с фашизмом, она выплакала глаза за всех сыновей, за все горе страны, она жалеет и сострадает всем людям. Она живет и радуется лишь тогда, когда на земле мир.

Каждый день художника начинается одинаково: он просыпается с чувством радостного ожидания встречи. С чем? — спросите вы. С пустым серым картоном (он пишет на картоне) или с не дописанным вчера, или с начатым еще год-два назад и потянувшим вдруг окончить к себе...

Адель АЛЕКСЕЕВА

